This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Polevoi, P., 1839-1902.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

П. Полевого.

I.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ:

Каменный вѣкъ.— Свайныя постройки.—Бронзовый вѣкъ.—Скиѳы. Славяне.— Хазары, Болгары, Біармія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1879

С.-Петербургъ. Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый переулокъ, д. № 7.

Polevoi, P. N

ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНІЯ:

Рисунки исполнены художниками И. С. Пановымъ, Н. А. Бруни и В. В. Маттэ.

Гравюры—Паннемакеромъ (въ Парижѣ) и В. В. Маттэ.

Фотографическія работы—В. Классеномъ, фотографомъ Имп. Академіи Наукъ.

Бумага доставлена фабрикою К. П. Печаткина.

B787252
155
X

Dag

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1879 г.

PHOTOCOPY MADE FOR STANFORD
UNIVERSITY LIBRARIES. SEARCH
RESULTS ON FILE IN ACQUISITIONS
DEPARTMENT. # 622 .

Рис. 59. Общій видъ Куль-Обской золотой вазы (въ натуральную величину).
Вѣсъ $77^3/_4$ золотника.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская историческая наука давно обратила вниманіе на изученіе бытовой стороны отечественной исторіи и уже съ первой четверти нынѣшняго вѣка стала посвящать этому изученію труды лучшихъ своихъ дѣятелей. Въ теченіе полувѣка очень многое для исторіи нашего быта было сдѣлано усиліями частныхъ лицъ и учеными обществами, всецѣло или отчасти посвящавшими свою дѣятельность изученію памятниковъ русской старины. Стóитъ припомнить дорогія для русской археологіи имена графа А. И. Мусина-Пушкина, графа Н. П. Румянцова, митрополита Евгенія, А. Н. Оленина и вызванный ими къ дѣятельности кружокъ молодыхъ ученыхъ, чтобы понять, какъ много было сдѣлано для изученія русскихъ древностей въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Если мы прибавимъ къ этому, что уже въ 1804 году основано было московское «Общество Исторіи и Древностей», въ 1839 году—одесское «Общество Исторіи и Древностей», а въ 1846—«Императорское Археологическое Общество» въ С.-Петербургѣ, то мы убѣдимся, что втеченіе всей первой половины нынѣшняго вѣка интересъ къ изученію русской старины постоянно возросталъ и усиливался.

Безсмертнымъ памятникомъ того горячаго стремленія къ изученію своего прошлаго, которое не переставало сказываться въ нашемъ обществѣ и находило себѣ сильную поддержку и щедрую помощь въ правительствѣ—является монументальное изданіе «Древностей Россійскаго Государства», которое и стоитъ какъ разъ на грани, отдѣляющей первую половину нынѣшняго вѣка отъ второй.

Послѣ пятидесятыхъ годовъ, кругъ изученія русскихъ древностей замѣтно расширяется еще болѣе; являются новые пути, новыя потребности въ этомъ изученіи *).

*) Съ 1859 г. начинается рядъ великолѣпныхъ изданій Археологической Коммиссіи; въ 1864 г. въ Москвѣ основывается новое «Московское Археологическое Общество», усиліями котораго устроенъ первый въ Россіи археологическій съѣздъ (въ Москвѣ, въ 1869 году), за которымъ послѣдовали—второй, третій, и четвертый (въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ и Казани), и каждый изъ нихъ успѣлъ сдѣлать свой богатый вкладъ въ нашу археологическую литературу.

Однако-же, не смотря на все, что уже сдѣлано, изученіе отечественной старины по спеціальнымъ археологическимъ трудамъ оказывается дѣломъ весьма труднымъ даже для человѣка, имѣющаго хорошую научную подготовку и обладающаго значительными матерьяльными средствами, такъ какъ всѣ археологическія сочиненія печатаются въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ становятся библіографическою рѣдкостью.... Что же касается большинства общества, то для него подобное изученіе оказывается дѣломъ совершенно не возможнымъ, потому что въ литературѣ нашей нѣтъ ни одного общаго, всѣмъ доступнаго и популярно-изложеннаго сочиненія о нашихъ отечественныхъ древностяхъ.

А между тѣмъ давно уже въ средѣ образованныхъ русскихъ людей ощущается потребность именно въ такомъ общемъ сочиненіи по исторіи русскага быта, которое бы заключало въ себѣ не только существеннѣйшія о немъ научныя свѣдѣнія, но и снимки съ важнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ. Желаніе удовлетворить этой потребности и было главною побудительною причиною появленія настоящаго труда.

Но какъ удовлетворить этой живой потребности? Дать полную исторію русскаго быта, такую исторію, въ которой были-бы указаны всѣ пережитыя бытомъ стадіи развитія, всѣ постепенныя измѣненія, происходившія въ немъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій, политическихъ событій, торговыхъ сношеній и этнографическихъ сліяній,—при нынѣшней степени разработки археологическаго и историческаго матеріала — мы не считали возможнымъ. Поэтому мы и рѣшились изложить важнѣйшіе моменты исторіи нашего быта въ видѣ ряда отдѣльныхъ очерковъ. Этотъ планъ, положенный въ основу нашего труда, даетъ намъ въ будущемъ полную возможность расширять программу нашего труда новыми вставками и дополненіями.

Опредѣливъ задачу нашего труда, мы уже не считали себя обязанными, ради полноты, излагать чужія мнѣнія и предположенія, высказанныя въ нашей исторической литературѣ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ или не собрано еще достаточно матеріаловъ, или матеріалы, уже собранныя, оказываются еще недостаточно разработанными.

Такъ напр. по вопросу о степени вліянія различныхъ народностей на бытъ русскаго народа—высоко-поучительному и важному, какъ предметъ изученія — современная историческая наука не представила еще никакихъ обобщеній, за которыми она сама могла бы признать право гражданства. Не слѣдуетъ забывать, что подобныя обобщенія добываются только путемъ сравнительнаго изученія археологическихъ памятниковъ, а оно-то и находится у насъ на самой первоначальной степени развитія. Вотъ почему мы и видимъ себя вынужденными ограничиться приведеніемъ только наиболѣе важныхъ данныхъ о степени

различныхъ вліяній, какъ въ эпоху сложенія русскаго государства, такъ и въ позднѣйшія эпохи.

На художественную сторону нашего изданія было нами обращено особенное вниманіе. Сначала былъ составленъ подробнѣйшій списокъ всего, что уже сдѣлано въ нашей археологической литературѣ по части снимковъ съ важнѣйшихъ памятниковъ; затѣмъ эти памятники сличены между собою и въ изданіе допущены только тѣ изъ нихъ, которые могли выдержать критику какъ со стороны вѣрности оригиналамъ, такъ и со стороны художественности воспроизведенія *).

Трудности и замедленія, сопряженныя съ выполненіемъ этой стороны нашего труда, вынудили насъ къ печатанію его въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, изъ которыхъ каждый однако-же будетъ представлять собою вполнѣ законченное цѣлое. Этимъ путемъ мы думаемъ, съ одной стороны, облегчить пріобрѣтеніе нашей книги для значительнаго большинства; съ другой — избѣгнуть тѣхъ невольныхъ промаховъ и погрѣшностей, безъ которыхъ почти немыслимо печатанье большаго труда.

Начало перваго тома, представляемое въ настоящее время читателямъ, заключаетъ въ себѣ шесть главъ, посвященныхъ преимущественно эпохѣ, предшествовавшей возникновенію первыхъ русскихъ княжествъ, и до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ той исторической почвой, на которой эти княжества возникли. Во второй половинѣ перваго тома, бо́льшая половина будетъ посвящена бытовой исторіи Кіева, ме́ньшая—бытовой исторіи Владиміра и Суздаля. Второй томъ будетъ также подраздѣленъ на два неравныхъ отдѣла: меньшій посвятимъ Новгороду и Пскову, бо́льшій—Москвѣ, до начала XVIII вѣка.

Въ концѣ каждаго тома будутъ нами помѣщены подробные указатели: именъ собственныхъ, географическій и предметный.

Долгомъ считаемъ въ заключеніе предисловія сказать нѣсколько словъ объ исторіи нашего труда.

Первая мысль о «Русской Исторіи въ памятникахъ быта» явилась въ началѣ 1876 года; но другія работы надолго отвлекли насъ отъ ея выполненія и только уже въ 1877 году, незадолго до открытія Археологическаго съѣзда въ Казани; явилась возможность приступить къ труду, а немного позже—и исключительно ему предаться.

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда изображенія памятниковъ, приведенныя въ томъ или другомъ изданіи, не могли выдержать этой критики,—мы употребляли всѣ усилія, чтобы добыть фотографическіе снимки съ самыхъ памятниковъ, снятые на мѣстѣ. Вотъ почему въ нашемъ изданіи намъ удастся помѣстить цѣлый рядъ изображеній или 1) впервые являющихся въ печати, или 2) являющихся въ такомъ видѣ, въ какомъ доселѣ не представляло ихъ ни одно изданіе по отечественной археологіи. Укажемъ покамѣстъ только на знаменитую Куль-Обскую вазу и другія, болѣе мелкія скиѳскія древности, отрытыя вмѣстѣ съ нею (помѣщаемыя нами въ IV главѣ нашей книги), на виды развалинъ Болгаръ, снятые на мѣстѣ, на многіе виды и драгоцѣнныя подробности древностей кіевскихъ, владимірскихъ, суздальскихъ и новгородскихъ, исполненные по нашему спеціальному заказу.

Трудъ этотъ, однакоже, оказался бы для насъ непосильнымъ, если бы не встрѣтилъ горячей поддержки со стороны Е. Е. Замысловскаго, который принялъ на себя весьма важную долю участія въ выполненіи нашей задачи *).

Особенное вниманіе къ нашему труду выказали гг. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Ѳ. Бычковъ и Л. Н. Майковъ — приглашенные для окончательнаго обсужденія выработанной нами программы и списка рисунковъ, входящихъ въ составъ перваго тома. Приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую признательность.

Долгомъ считаемъ, сверхъ того, выразить нашу искреннюю благодарность гг. А. И. Гримму, Р. Э. Стефани, А. А. Кунику, И. Д. Дёллю, Д. И. Иловайскому, архимандриту Веніамину и В. В. Стасову, а также— С. Н.Шубинскому, П. Я. Дашкову, А. П. Бушера и Ѳ. К. Эльцгольцу, любезно-оказавшимъ содѣйствіе нашему труду словомъ и дѣломъ.

Не менѣе искреннею благодарностію почтимъ и память недавно-почившаго труженика археологической науки—достойнаго К. Н. Тихонравова, который, по первой просьбѣ нашей, доставилъ намъ подробное и прекрасное описаніе владимірскихъ и суздальскихъ древностей, изученію которыхъ посвящена была вся его жизнь.

Отъ души желаемъ, чтобы трудъ нашъ хотя сколько-нибудь способствовалъ развитію и распространенію въ средѣ нашего общества глубокаго и прекраснаго чувства уваженія къ нашему историческому прошлому, которое непремѣнно должно служить отличительнымъ признакомъ всякаго истиннаго просвѣщенія...

П. Полевой.

С-Петербургъ. 31 августа 1879 г.

*) По соглашенію съ Е. Е. Замысловскимъ былъ нами составленъ и окончательно выработанъ планъ изданія и намѣченъ выборъ тѣхъ наиболѣе важныхъ памятниковъ, которые необходимо должны войти въ наше изданіе, сообразно съ научными требованіями и условіями, опредѣляющими составъ книги, предназначаемой для большинства образованнаго общества. Но этого мало: Е. Е. Замысловскій, во все время нашей двухъ-лѣтней работы, сообщалъ намъ указанія на источники и пособія, облегчалъ намъ пользованіе ими, прочитывалъ составленный нами текстъ и въ рукописи, и въ корректурныхъ листахъ, и передавалъ намъ свои критическія замѣтки, которыя въ значительной степени способствовали разъясненію и правильной постановкѣ многихъ затронутыхъ въ трудѣ историческихъ вопросовъ. Е. Е. Замысловскій обѣщалъ намъ въ той-же степени содѣйствовать при изданіи втораго (и послѣдняго) тома нашего труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ VII
ОГЛАВЛЕНІЕ XI
СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ XIII
ВСТУПЛЕНІЕ 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Каменный вѣкъ.** Первыя находки до-историческихъ древностей въ Европѣ. — Понятіе о трехъ вѣкахъ: каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ. — Первыя открытія орудій каменнаго вѣка во Франціи. — Открытія въ пещерахъ; изслѣдованіе кухонныхъ остатковъ.—Мѣста поселеній каменнаго вѣка. — Два періода каменнаго вѣка: древнѣйшій и позднѣйшій. — Матеріалы и способы изготовленія каменныхъ орудій. — Орудія нешлифованныя и шлифованныя. —Сверленіе каменныхъ орудій. — Занятія людей въ каменномъ вѣкѣ: рыболовство и охота; гончарное дѣло. — Орнаментика глиняныхъ издѣлій и украшенія. — Могилы его и способы погребенія мертвыхъ.—Черепа людей каменнаго вѣка.—Общая картина быта каменнаго вѣка.—Отношеніе каменнаго вѣка къ двумъ остальнымъ вѣкамъ.—Общіе выводы относительно каменнаго вѣка въ Западной Европѣ . . . . . 7—19

Каменный вѣкъ въ Россіи.—Старѣйшая коллекція каменныхъ орудій.—Успѣхи археологической науки въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе.—Каменный вѣкъ не былъ одновременнымъ для всѣхъ мѣстностей Россіи. — Находки г. Полякова на сѣверѣ Россіи. — Находки на югѣ Россіи.—Находки на Волыни и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.—Общіе выводы.— Преданія о каменномъ вѣкѣ въ письменныхъ памятникахъ . . . . . 20—28

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Свайныя постройки.** Позднѣйшій періодъ каменнаго вѣка. — Свайныя постройки.—Открытіе ихъ.—Остатки быта сваестроителей.—Поводы къ сооруженію свайныхъ построекъ. — Свидѣтельство Геродота. — Сваестроитель и пещерный человѣкъ. — Промыслы и ремесла сваестроителей. — Продолжительность періода свайныхъ сооруженій. — Орудія каменнаго періода и орудія сваестроителей. — Произведенія искусства сваестроителей: уборы и украшенія.—Свайныя постройки въ Польшѣ и Галиціи.—Преданіе о провалившихся городахъ. . . . . 29—38

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Бронзовый вѣкъ** Что такое бронзовый вѣкъ?—Когда начался онъ въ Европѣ?—Значеніе финикійской торговли въ исторіи бронзоваго вѣка (гипотеза Нильсона).— Значеніе Этрусковъ въ культурѣ бронзоваго вѣка (гипотеза Линденшмидта).—Важныя замѣчанія Садовскаго о значеніи бронзы въ быту народовъ средней Европы. — Вліяніе бронзоваго вѣка на общеевропейскую культуру. — Пути и способы европейской торговли въ бронзовомъ вѣкѣ.

Бронзовый вѣкъ въ Россіи.—Двѣ главныя группы находокъ бронзоваго вѣка въ Россіи.— Ананьинскій могильникъ. — Первоначальныя раскопки его.—Вторичныя раскопки.—Находки г. Невоструева.—Важнѣйшіе предметы, добытые изъ Ананьинскаго могильника . . . . . 40—54

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Скиѳы.** Общій видъ южно-русской степи.—Различные роды могильныхъ насыпей, попадающихся въ степи.—Слѣды древнихъ обитататателей степи.—Значеніе колоній, основанныхъ Греками на берегахъ Понта.—Посѣщеніе сѣверныхъ прибрежій Понта Геродотомъ; свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Скиѳіи и Скиѳахъ.—Нечаянное открытіе въ Куль-Обской гробницѣ. — Розыски Геродотова Герроса. — Раскопки кургановъ въ Екатеринославской губ. — Внутреннее устройство и способъ раскопки большихъ могильныхъ насыпей.—Драгоцѣнныя находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ.—Значеніе Куль-Обской и Чертомлыцкой вазъ для изученія скиѳскаго быта.—Извѣстія Геродота о Скиѳахъ, подтвержденныя и дополненныя данными, добытыми изъ скиѳскихъ могилъ. — Соображенія о народности Скиѳовъ. — Скиѳы у позднѣйшихъ писателей . . . . . 55—96

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Славяне.** Общая картина разселенія Славянъ.—Важныя услуги, оказанныя сравнительнымъ языкознаніемъ изученію древнѣйшаго быта Славянъ въ періодѣ арійскомъ и общеславянскомъ.—Очеркъ быта Славянъ по извѣстіямъ иностранцевъ.—Жилища Славянъ.—Занятія и образъ жизни.—Вооруженіе и способы веденія войны.—Бытъ семейный и общественный. — Наружность Славянъ; одежда; характеръ и природныя свойства.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Руси, доставляемыя лѣтописью.—Рано развившійся городской бытъ.—Два вида городовъ.—Значеніе городищъ.—Городская жизнь.—Промыслы и ремесла.—Сословія.—Пути и способы торговли.—Особенности семейнаго быта.—Двѣ формы браковъ. — Бѣдность религіозныхъ вѣрованій. — Воззрѣніе на смерть и загробную жизнь. — Два способа погребенія мертвыхъ. — Различіе въ обрядахъ сожженія, подтверждаемое археологическими данными . . . . . 97—132

ГЛАВА ШЕСТАЯ. **Хазары, Болгары, Біармія.** Отношеніе Славянъ къ финскимъ племенамъ на сѣверѣ и къ тюркскимъ — на востокѣ Россіи.—Арабскія извѣстія о Хазарахъ.—Внутренне устройство Хазарскаго царства; наиболѣе замѣчательныя черты быта. — Волжскіе Болгары; торговля ихъ съ Арабами.—Важнѣйшія статьи вывоза и ввоза.—Арабское серебро и болгарскія монеты.—Древняя столица Болгаръ.—Сношеніе Болгаръ съ Біарміей и Югрой.—Пути и способы болгарской торговли.—Походы скандинавскихъ викинговъ въ Біармію . . 133—152

ПРИМѢЧАНІЯ . . . . . 153—162

ОБЪЯСНЕНІЯ РИСУНКОВЪ . . . . . 163—177

Списокъ рисунковъ.

№№ рисунковъ. Стр.

Рис. 1—10. Каменныя орудія изъ Архангельской губ.—Рис. 11, 12. Орудія, найденныя въ Казанской губ. — Рис. 13. Кварцовый топоръ съ Кумбасъ-озера (Олонецкой губ.).— Рис. 14. Черепокъ глинянаго горшка (оттуда же). 22

Рис. 15, 16, 20. Каменныя орудія изъ Полтавской губ.—Рис. 17. Черепокъ горшка, найденный въ Кіевской губ. — Рис 18, 19. Каменные молоты, отрытые тамъ-же.—Рис. 21, 22. Сланцевые топоры съ Кумбасъ-озера. 23

Рис. 23—25. Грузила съ Кумбасъ-озера и Тудозера (Олонецкой губ.). 24

Рис. 26. Каменныя бусы, найденныя на Волыни 24

Рис. 27—34. Рубила, долота и молотки различныхъ мѣстностей Россіи (изъ собр. Моск. Археологическаго Общества) 25

Рис. 35—37. Кремневые наконечники стрѣлъ съ Кумбасъ-озера и Кенозера (Олонецкой губ.) Рис. 38, 39. Тоже, съ Тудозера.—Рис. 40. Тоже, съ Украйны 28

Рис. 41. Идеальный видъ свайнаго селенія на одномъ изъ швейцарскихъ озеръ . . . 33

Рис. 42. Важнѣйшіе и наиболѣе крупные предметы, каменные, бронзовые и желѣзные, добытые изъ Ананьинскаго могильника 48

Рис. 43. Каменная плита съ изображеніемъ воина, добытая изъ Ананьинскаго могильника. 51

Рис. 44, 45, 46. Бронзовыя бляшки и желѣзное стремя, изъ Ананьинскаго могильника. 52

Рис. 47—52. Бронзовые предметы, имѣющіе, какъ полагаютъ, символическое значеніе (оттуда-же). 53

Рис. 53. Александропольскій курганъ 58

Рис. 54. Каменная баба изъ при-донскихъ степей 59

Рис. 55, 56. Каменныя бабы изъ приднѣпровскихъ степей 61

Рис. 57. Скиѳы, пьющіе изъ рога 65

Рис. 58. Каменная гробница, найденная въ могилѣ при с. Бѣленькомъ. 66

Рис. 59. Общій видъ Куль-Обской вазы—(см. начальный рисунокъ во главѣ книги) .

Рис. 60. Сцена совѣщанія съ Куль-Обской вазы 69

Рис. 61. Сцена ощупыванья зуба (оттуда-же) 71

Рис. 62. Сцена перевязки ноги (оттуда-же) . . . . . —

Рис. 63—70. Предметы золотые и бронзовые, добытые изъ скиѳскихъ могилъ . . . 77

Рис. 71. Скиѳы, ухаживающіе за конями (первая группа съ фриза Никопольской вазы). 81

[redacted]

Рис. 72. Скиѳы, ухаживающіе за конями (вторая группа съ фриза Никопольской вазы). 83
Рис. 73. Скиѳы, ухаживающіе за конями (третья группа съ фриза Никопольской вазы). 87
Рис. 74. Золотыя нашивныя бляшки, служившія Скиѳамъ для украшенія одежды . . —
Рис. 75. Скиѳскіе мечи, отрытые изъ могилъ 89
Рис. 76—78. Скиѳскіе котлы, добытые при раскопкѣ кургановъ 90
Рис. 79—86. Разнообразныя фигурки изъ коньковъ, которыя были употребляемы Скиѳами, какъ украшенія 91
Рис. 87—88. Изображенія грифоновъ, служившія, какъ полагаютъ, навершьями къ колесницамъ или къ древкамъ знаменъ 93
Рис. 89. Скиѳъ на конѣ (золотая бляшка, служившая украшеніемъ пояса) 96
Рис. 90—92. Виды дакійскаго городка и отдѣльныхъ дакійскихъ жилищъ (съ барельефовъ Траяновой колонны). 113
Рис. 93, 94. Изображенія отдѣльныхъ дакійскихъ построекъ (съ Траяновой колонны) . 114
Рис. 95—101. Виды различныхъ типовъ городищъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. . 121
Рис. 102. Видъ Перепетовыхъ кургановъ въ Кіевской губерніи 125
Рис. 103. Видъ Черной могилы (въ Черниговской губерніи). 127
Рис. 104. Развалины Болгаръ на Волгѣ: Черная палата 142
Рис. 105. Развалины Болгаръ на Волгѣ: Малый Минаретъ 143
Рис. 106. Развалины башни на Чортовомъ городищѣ (Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.) 147
Рис. 107 — 115. Бронзовыя и мѣдные предметы, отрытые въ различныхъ мѣстностяхъ Пермской губ. . . . . 150—151

ПЕРВОБЫТНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Человѣкъ, уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ гражданскаго развитія, проявляетъ желаніе знать свое прошлое, увѣковѣчивать важнѣйшія эпохи этого прошлаго памятниками и передавать о немъ свѣдѣнія послѣдующимъ поколѣніямъ. Чѣмъ грубѣе человѣкъ, чѣмъ тѣснѣе и у́же горизонтъ его мысли,—тѣмъ менѣе занимаютъ его и помыслы о минувшей исторіи того народа, къ которому онъ принадлежитъ. Для того, чтобы народъ постепенно могъ подняться до потребности знать, до желанія изучать свое прошлое — необходима уже довольно значительная степень развитія, выражающаяся, прежде всего, сознательнымъ отношеніемъ къ своему настоящему. Еще болѣе высока, еще болѣе значительна должна быть степень развитія народа, ощущающаго потребность въ знаніи не только своего прошлаго, не только своей исторіи, но и всего, пережитаго другими, извѣстными ему народами.

Много различныхъ усилій было потрачено человѣкомъ на переходъ отъ первой попытки увѣковѣчить память о поразившемъ его, важномъ событіи грубою написью или еще болѣе грубымъ рисункомъ, изсѣченными на скалахъ,—къ первымъ правильнымъ лѣтописнымъ помѣткамъ, вслѣдъ за которыми появились первые опыты плавнаго разсказа о событіяхъ, и притомъ о событіяхъ, касавшихся жизни отдѣльныхъ небольшихъ центровъ, не возвышавшихся до значенія мірового. Даже и на весьма высокой степени развитія, образованнѣйшіе народы древности долгое время не шли далѣе идеи частной, пре-

имущественно отечественной исторіи. Но и тогда уже человѣческая любознательность стремилась далѣе стѣснявшихъ ее предѣловъ неизвѣстнаго, то воплощая себѣ смутныя понятія о далекомъ прошломъ, о началахъ цивилизаціи—въ видѣ цѣлаго ряда миѳовъ, то облекая въ привлекательную форму баснословнаго, занимательнаго разсказа бѣглыя замѣтки, отрывочныя извѣстія о темномъ и чуждомъ классической цивилизаціи мірѣ варваровъ.

Первыя попытки создать нѣчто подобное «всемірной исторіи», перейти отъ исторіи одного народа къ исторіи многихъ народовъ, дать «начало исторіи» явились подъ вліяніемъ христіанства, въ ту эпоху, когда Библія явилась не только священною книгою, но и образцомъ новыхъ литературныхъ родовъ, и любимымъ источникомъ вдохновенія для всѣхъ образованныхъ народовъ Европы. Тогда и начало исторіи стали заимствовать прямо изъ Библіи, вполнѣ удовлетворявшей любознательности большинства своимъ разсказомъ о происхожденіи человѣческаго рода, о его первобытной исторіи, и въ особенности о разселеніи племенъ послѣ потопа. Библейскій разсказъ разъяснялъ и дополнялъ многое неясное дотолѣ въ исторіи человѣческаго рода, обобщалъ ее, давалъ исходную, точку для историческаго изложенія и даже предлагалъ готовую родословную сыновей Ноевыхъ, которая весьма легко и удобно поддавалась всякимъ этнографическимъ сопоставленіямъ.

«По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся (достался) востокъ Симови... Хамови же яся полуденная страна... Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Симъ же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребій братень, и живяху кождо въ своей части; бысть языкъ единъ». Такъ, по образцу византійскаго хронографа, начинаетъ свой разсказъ и нашъ древній лѣтописецъ. Затѣмъ онъ сообщаетъ библейскій разсказъ о столпотвореніи Вавилонскомъ, о раздѣленіи «единаго языка» на «70 и 2 языка», и о разселеніи отдѣльныхъ племенъ по всему лицу земному въ предѣлахъ «трехъ жребіевъ». «Отъ сихъ же 70 и 2 языку»—поясняетъ лѣтописецъ—«бысть языкъ словѣнескъ, отъ племени Афетова, нарицаеміи Норци, еже суть Словѣне». Давъ такое начало своему разсказу, поставивъ такимъ образомъ Славянъ въ общую этнографическую родословную племенъ, происшедшихъ отъ «рода Ноева», лѣтописецъ полагаетъ, что онъ уже отвѣтилъ на всѣ вопросы объ отдаленномъ прошломъ, и переходитъ къ самой существенной части своего разсказа—къ переселенію Славянъ на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ и къ описанію ихъ быта, которымъ вводитъ постепенно въ частную исторію Кіевской Руси.

Со временъ нашего и другихъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ, довольствовавшихся библейскимъ началомъ исторіи, протекло еще около семи

вѣковъ прежде, нежели вопросъ о первобытномъ, древнѣйшемъ состояніи человѣческаго рода сталъ привлекать вниманіе европейскихъ ученыхъ, и во многихъ странахъ Европы пробудилось желаніе ближе ознакомиться съ тою эпохою жизни народовъ, которую такъ неправильно привыкли называть до-исторической только потому, что отъ нея не сохранилось письменныхъ памятниковъ. Желаніе это оказывалось, по справедливому замѣчанію академика Бэра, естественнымъ результатомъ «знанія весьма различныхъ состояній образованности у отдаленнѣйшихъ народовъ, съ кототорыми ознакомили насъ путешествія по океану», а это знаніе заставило предполагать, «что весь родъ человѣческій, на пути къ достиженію болѣе удобнаго и спокойнаго существованія, долженъ былъ испытать различныя состоянія, зависѣвшія отъ времени и отъ мѣстныхъ условій страны».

Но гордость Европейца долгое время не могла примириться съ этими совершенно правильными соображеніями по отношенію къ своему доисторическому прошлому. Подъ вліяніемъ различныхъ условій въ цивилизованномъ Европейцѣ изстари сложилось представленіе объ отдаленномъ прошломъ, какъ о «золотомъ вѣкѣ»; въ прошломъ столѣтіи, пока еще недостаточно былъ изученъ бытъ дикарей въ различныхъ странахъ земнаго шара, европейскіе мыслители даже любили возводить «дикаго человѣка» (l'homme sauvage) въ идеалъ простоты и всевозможныхъ добродѣтелей... Но когда бытъ дикарей былъ ближе изслѣдованъ и подвергнутъ тщательнымъ наблюденіямъ, тогда показалось особенно невѣроятнымъ предположеніе, что когда-то, хотя бы и въ доисторическую эпоху, первобытные жители различныхъ странъ Европы стояли на одной ступени развитія съ Эскимосами, а, можетъ быть, и ниже ихъ. По крайней мѣрѣ, когда извѣстный шведскій ученый Нильсонъ заявилъ въ 1834 г., что, по его убѣжденію, древнѣйшіе обитатели Скандинавіи были дикарями, подобными океанійскимъ дикарямъ, и что для охоты и для рыбной ловли они употребляли каменныя и костяныя орудія—на ученаго, по его собственному признанію, посыпались отовсюду насмѣшки и даже брань!..

Однакоже болѣе внимательное изученіе давно минувшаго прошлаго, открытіе новыхъ памятниковъ, совокупныя усилія ученыхъ, трудившихся въ различныхъ странахъ надъ различными отраслями знанія, сопоставленіе и сравненіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ наблюденій при помощи сравнительнаго метода изученія—все это привело къ тому, что высказанныя Нильсономъ положенія были признаны всѣмъ ученымъ міромъ за непреложныя научныя истины и европейская наука пришла наконецъ къ правильному представленію о бытѣ древнѣйшихъ обитателей Европы.

Для изученія этого быта мы должны мысленно перенестись въ отдаленную глубь вѣковъ, въ мракъ того періода, когда развитіе человѣ-

чества шло очень медленнымъ путемъ, не ограничиваемое хронологически-опредѣленными эпохами, не стѣсняемое рѣзко выдѣляющимися этнографическими данными. Въ этомъ періодѣ бытъ древнѣйшихъ обитателей Европы, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ ея, не только въ существенныхъ чертахъ своихъ, но и въ подробностяхъ, представляетъ множество сходныхъ (можно почти сказать *общихъ*) чертъ. Вотъ почему, излагая въ первыхъ главахъ нашей книги факты, касающіеся древнѣйшаго быта обитателей Восточной Европы, мы должны будемъ постоянно обращаться къ главнѣйшимъ выводамъ и даннымъ, добытымъ учеными западно-европейскими.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ.

Первыя находки до-историческихъ древностей въ Европѣ.—Понятіе о трехъ вѣкахъ: каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ. — Первыя открытія орудій каменнаго вѣка во Франціи. — Открытія въ пещерахъ; изслѣдованіе кухонныхъ остатковъ — Мѣста поселеній каменнаго вѣка. — Два періода каменнаго вѣка: древнѣйшій и позднѣйшій. — Матеріалы и способы изготовленія каменныхъ орудій. — Орудія нешлифованныя и шлифованныя. — Сверленіе каменныхъ орудій. — Занятія людей въ каменномъ вѣкѣ: рыболовство и охота; гончарное дѣло. – Орнаментика глиняныхъ издѣлій и украшенія. — Могилы каменнаго вѣка и способы погребенія мертвыхъ.—Черепа людей каменнаго вѣка.— Общая картина быта каменнаго вѣка. — Отношеніе каменнаго вѣка къ остальнымъ двумъ вѣкамъ. — Общіе выводы относительно каменнаго вѣка въ Западной Европѣ.

Каменный вѣкъ въ Россіи.—Старѣйшая коллекція каменныхъ орудій.—Успѣхи археологической науки въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе.—Каменный вѣкъ не былъ одновременнымъ для всѣхъ мѣстностей Россіи.—Находки г. Полякова на Сѣверѣ Россіи.—Находки на Югѣ Россіи.—Находки на Волыни и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.—Общіе выводы. - Преданія о каменномъ вѣкѣ въ письменныхъ памятникахъ.

Уже за много вѣковъ до нашего времени во всей Европѣ были находимы различныя орудія изъ камня и изъ сплавовъ мѣди съ оловомъ и цинкомъ. Эти орудія, находимыя случайно на поверхности земли или добываемыя изъ нѣдръ ея корыстью кладоискателей, большею частью не удостоивались особеннаго вниманія, и если даже попадали въ нѣкоторыя коллекціи, то болѣе какъ курьезы, нежели какъ предметы, важные по своему археологическому значенію (¹).

Только по истеченіи первой трети нынѣшняго столѣтія на эти остатки древнѣйшей культуры обращено было серьезное вниманіе. Честь весьма важныхъ открытій на этомъ поприщѣ принадлежитъ датскому ученому Томсену въ Копенгагенѣ и шведскому ученому Нильсону въ Лундѣ. Они, по отношенію къ изслѣдованнымъ ими мѣстностямъ своей родины, пришли къ тому заключенію, что былъ когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленное время, такой періодъ въ развитіи предшествовавшихъ поколѣній, когда люди, еще незнакомые съ желѣзомъ, изготовляли себѣ и домашнюю утварь, и орудія, и оружіе, и украшенія изъ

[redacted]

особаго сплава мѣди съ оловомъ (или свинцомъ), болѣе извѣстнаго въ настоящее время подъ названіемъ бронзы. Заключили, что, вѣроятно, въ ту пору желѣзо или вовсе не было извѣстно на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Даніи, или, по крайней мѣрѣ, его еще не умѣли обработывать.

Эти весьма важные факты повели къ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Во многихъ могилахъ, относящихся несомнѣнно къ весьма отдаленному прошлому, найдены были только орудія изъ камня и кости и не найдено никакихъ металлическихъ вещей; изъ камня и кости оказывались сдѣланными тѣ-же предметы, которые впослѣдствіи дѣлались изъ бронзы. Принимая въ соображеніе тотъ неимовѣрный трудъ, съ какимъ сопряжено было издѣліе изъ камня вещей, которыя потомъ было гораздо легче отливать изъ бронзы, ученые пришли къ тому заключенію, что было время, когда вообще не было извѣстно употребленіе металловъ. Этому отдаленнѣйшему періоду исторіи человѣческаго развитія придали названіе *каменнаго* вѣка; послѣдующему за нимъ періоду—названіе *бронзоваго* вѣка. Наконецъ, болѣе близкому къ началу исторіи, тому періоду, когда люди ознакомились съ ковкою желѣза и мало-по-малу стали замѣнять каменные и бронзовые предметы другими, выкованными изъ желѣза,—дали названіе *желѣзнаго* вѣка. Дальнѣйшія изслѣдованія и одновременныя находки въ различныхъ странахъ Европы—во Франціи, Англіи, Германіи и Швейцаріи—привели къ тому убѣжденію, что такое подраздѣленіе древнѣйшей культуры человѣчества на три вѣка, каменный, бронзовый и желѣзный (въ смыслѣ трехъ неопредѣленныхъ, неравномѣрныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ) можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ находитъ себѣ подтвержденіе въ весьма значительной массѣ памятниковъ вещественныхъ, несомнѣнно относящихся къ весьма отдаленной эпохѣ.

Послѣ того, какъ это раздѣленіе древнѣйшей исторіи культуры на три вѣка было принято въ наукѣ, рядъ новыхъ разслѣдованій и сравненій привелъ къ еще болѣе правильной и болѣе точной постановкѣ вопроса о томъ состояніи, въ которомъ исторія застаетъ первобытныхъ обитателей Европы. Ученымъ удалось возстановить нѣкоторыя стороны (хотя и въ общихъ, блѣдныхъ чертахъ) ихъ быта, соотвѣтственно вышеупомянутымъ тремъ вѣкамъ. Такіе богатые результаты были однако-же достигнуты не одною историческою наукою; они явились слѣдствіемъ совокупныхъ и дружныхъ усилій, какъ со стороны ученыхъ, посвятившихъ себя изученію наукъ историческихъ, такъ и со стороны естествоиспытателей. Археологи и историки, геологи и палеонтологи, физики и химики—всѣ одинаково трудились надъ рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, важныхъ для первобытной исторіи человѣка въ Европѣ, и только при взаимной научной помощи успѣли достигнуть

[redacted]

того, что въ настоящее время оказывается возможно говорить о бытѣ людей каменнаго и бронзоваго вѣка, хотя и отрывочно, и не вполнѣ связно, но все же опираясь на нѣкоторыя положительныя научныя данныя.

Еще весьма недавно распространено было между естествоиспытателями мнѣніе, что человѣкъ явился на землѣ очень поздно, послѣ того, какъ успѣли уже исчезнуть многія наиболѣе крупныя породы первобытныхъ животныхъ и прекратились древнѣйшіе перевороты на земной поверхности. Даже такіе авторитеты, какъ Кювье, утверждали, что вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ носороговъ и мамонтовъ никогда не были и *не будутъ* найдены человѣческія кости. Но въ концѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія наука стала неожиданно быстро пополняться цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ, которые оказались въ такой степени важными, что пришлось отказаться отъ прежнихъ воззрѣній на относительную недавность появленія человѣческаго рода на землѣ.

Первыя открытія, поколебавшія установившееся въ наукѣ мнѣніе объ относительной недавности существованія человѣка на землѣ, сдѣланы были во Франціи и Бельгіи.

Въ 1828 году гг. Турналь и Кристоль открыли въ южной Франціи, въ пещерахъ Лангедока, въ глинистомъ слоѣ, остатки костей и зубовъ человѣка, вмѣстѣ съ костями пещерной гіены и давно-вымершей въ Европѣ породы носорога; въ томъ-же слоѣ попадались и черепки горшковъ грубѣйшей работы (²).

Когда появились первыя заявленія объ этихъ находкахъ, отовсюду посыпались возраженія и опроверженія. Самымъ вѣскимъ доводомъ со стороны тѣхъ ученыхъ, которые отрицали всякое значеніе открытій Турналя и Кристоля, было именно то, что кости человѣка, найденныя вмѣстѣ съ костями вымершихъ породъ животныхъ—могли принадлежать не одной съ ними эпохи, такъ какъ пластъ почвы, въ которомъ гг. Турналемъ и Кристолемъ сдѣланы были любопытныя находки, не былъ изслѣдованъ и опредѣленъ ими съ достаточною геологическою точностью.

Около того-же времени, извѣстный бельгійскій анатомъ и палеонтологъ, д-ръ Шмерлингъ, много лѣтъ сряду занимавшійся изслѣдованіемъ пещеръ въ долинахъ бассейна Мааса, рѣшился обнародовать результаты своихъ раскопокъ (1833—1834 гг.). Въ пещерахъ Анжисъ и Анжіуль (въ 8 миляхъ на юго-западъ отъ Люттиха) онъ нашелъ остатки скелетовъ и черепа людей въ одномъ слоѣ съ зубами мамонта, ископаемаго носорога, пещернаго медвѣдя и сѣвернаго оленя. При костяхъ нашелъ онъ грубо-обработанныя орудія изъ кости и грубо-тесанныя каменныя. Д-ръ Шмерлингъ, сообщая о своихъ открытіяхъ, заявлялъ положительно, что, по его мнѣнію, первобытные обитатели Бельгіи жили

въ бассейнѣ Мааса одновременно съ допотопными животными. Но такова была сила авторитета Кювье, что никто не обратилъ должнаго вниманія на заявленія д-ра Шмерлинга, и самъ Лайель сознается, что, ознакомившись въ 1833 г. съ богатой коллекціей Шмерлинга, онъ не могъ побѣдить своихъ сомнѣній, и не придалъ никакого значенія изслѣдованіямъ почтеннаго бельгійскаго ученаго ([3]).

Однако-же цѣлый рядъ удачныхъ раскопокъ въ Англіи (близь Торки, на островѣ Вайтѣ), въ періодъ между 1834 — 1842 гг., заставилъ отнестись серьезнѣе къ тѣмъ ископаемымъ остаткамъ сѣдой древности, которыя около того же времени, въ большомъ изобиліи, стали обнаруживаться въ одной изъ областей Франціи.

Въ Пикардіи, въ бассейнѣ р. Соммы, въ особенности близь Аббевилля и Амьена, стали попадаться грубо-обтесанные куски кремня, вмѣстѣ съ костями мамонта, ископаемаго носорога и другихъ большихъ, давно исчезнувшихъ породъ животныхъ. Эти кремни и кости были находимы въ слоѣ, относящемся къ диллувіальнымъ формаціямъ, т. е. такимъ, которыя нынѣ болѣе не осаждаются и приписываются геологами весьма сильному движенію большихъ массъ воды или льда. Ученый Бушэ-де-Пертъ, еще въ 1838 г., рѣшился утверждать, что обтесанные кремни, найденные близь Аббевилля, представляютъ собою произведенія рукъ человѣческихъ и служили орудіями допотопнымъ людямъ. Затѣмъ, посвятивъ изслѣдованію той-же мѣстности цѣлый рядъ годовъ (1841 — 1847) Бушэ-де-Пертъ успѣлъ составить богатую коллекцію грубо-тесанныхъ кремневыхъ орудій и еще болѣе убѣдиться въ правотѣ своего взгляда, который гораздо позже блистательно подтвердился новыми открытіями въ той-же мѣстности и во многихъ другихъ ([4]).

Въ 1852 г. недалеко отъ Ориньяка *), при источникахъ Гаронны, найдена была въ скалѣ пещера, въ которой оказалось множество костей человѣческихъ **) и животныхъ. Французскій геологъ Лартэ, изслѣдуя почву пещеры, нашелъ въ рыхлой землѣ кости человѣческія, перемѣшанныя съ костями мамонта, ископаемаго носорога, медвѣдя-пещерника (также исчезнувшаго вида), кости и зубы зубра, оленя и множество лошадиныхъ. Особенно важно то, что Лартэ, прямо передъ входомъ въ пещеру, нашелъ большой слой пепла и угля, а подъ этимъ слоемъ родъ очень грубо устроеннаго очага. На очагѣ и вокругъ него валялись сотни зубовъ и обломки костей животныхъ, отрыгающихъ жвачку. Однѣ изъ нихъ носили на себѣ явные слѣды дѣйствія огня, другія — нѣтъ.

*) Ориньякъ - городъ въ департаментѣ Верхней Гаронны (Haute Garonne).

**) Кости человѣческія принадлежали 17 недѣлимымъ, въ числѣ которыхъ можно было различить скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

[redacted]

Многія изъ костей оказались расколотыми при помощи грубыхъ инструментовъ, и мозговыя полости ихъ были вскрыты. Сверхъ того найдены были тамъ-же грубыя кремневыя орудія, а въ землѣ, внутри пещеры, множество издѣлій изъ кости и рога, служившихъ остріями копій и стрѣлъ. Такимъ образомъ здѣсь открыты были несомнѣнные слѣды присутствія человѣка и одновременной съ нимъ жизни на землѣ многихъ давно-вымершихъ породъ большихъ животныхъ.

Тотъ-же ученый описалъ еще другія пещеры во Франціи, которыя, повидимому, также были обитаемы людьми, но въ гораздо позднѣйшее время. Такъ въ одной изъ нихъ также открыты были издѣлія рукъ человѣческихъ и также изъ камня и кости, но отличающіяся бо́льшимъ искусствомъ выработки; въ другихъ пещерахъ не найдено было костей совершенно вымершихъ животныхъ, однако-же преимущественно такихъ, которыя давно уже не водятся на западѣ Европы, хотя и живутъ еще въ нѣкоторыхъ краяхъ ея (зубръ, каменный баранъ, различныя породы оленя). Здѣсь-же Лартэ нашелъ и мелкіе черепки глиняной посуды, которыхъ не встрѣтилъ въ Ориньякской пещерѣ. Слѣдовъ домашняго скота не найдено ни въ одной изъ этихъ пещеръ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, вслѣдъ за открытіями Лартэ, когда всѣ европейскіе ученые съ жаромъ принялись за розысканія о первыхъ временахъ человѣчества въ Европѣ, множество пещеръ подобнаго рода было открыто и изслѣдовано въ Великобританіи, Франціи и Италіи. Въ тоже время, не менѣе любопытныя открытія сдѣланы были въ Бельгіи и Германіи. Въ пещерѣ, открытой близь Люттиха, нашли человѣческія кости, кремневыя, грубо-тесанныя орудія и кости пещерной кошки, зубра, лося и лошади; въ другой же бельгійской пещерѣ, близь Шово (Chauvaux), рядомъ со вскрытыми полыми костями животныхъ, были отысканы точно такимъ же образомъ вскрытыя кости человѣческія, какъ бы указывавшія на существованіе людоѣдства въ каменномъ вѣкѣ ([5]).

Еще важнѣе были данныя, доставленныя находкою при Шуссенридѣ въ Шварцвальдѣ, въ 1866 г. На высотѣ 200 футовъ надъ поверхностью моря, въ слоѣ, состоявшемъ изъ остатковъ старыхъ ледниковъ, изъ подъ толстыхъ слоевъ торфа и известковаго туфа, обнажилась на довольно значительномъ пространствѣ поверхность земли ледниковаго періода, поросшая ягелемъ *), и на ней—рядомъ съ костями сѣверныхъ хищныхъ животныхъ и костями пѣвучаго лебедя, попадающагося нынѣ только

*) *Ягель* (Cladonia rangiferina), иначе—*Оленій мохъ*, кустарновидный лишай сначала зеленовато-сѣраго, а потомъ бѣлаго цвѣта; ягель составляетъ любимую и почти-единственную пищу сѣвернаго оленя; встрѣчается во всемъ сѣверномъ полушаріи, а на крайнемъ Сѣверѣ покрываетъ сплошь огромныя пространства.

въ Лапландіи и на Шпицбергенѣ—найдены были массы костей и роговъ сѣвернаго оленя. Рога носили на себѣ признаки обдѣлки рукою человѣка, и, очевидно, при помощи кремневыхъ орудій, которыя найдены были тутъ же, вмѣстѣ съ осколками кремня. Внимательное изученіе Шуссенридской находки привело къ тому заключенію, что, въ теченіе ледниковаго періода, сѣверный олень еще не былъ домашнимъ, ручнымъ животнымъ, какъ это можно видѣть изъ того, что не открыто при этомъ никакихъ слѣдовъ собаки, безъ которой немыслимо содержаніе стадъ (6).

Въ то время, какъ геологи занимались на югѣ и западѣ Европы изслѣдованіемъ древнѣйшимъ пещеръ, на сѣверѣ Европы производился рядъ другихъ изслѣдованій, не менѣе важныхъ для ознакомленія съ жизнью человѣчества въ давно-прошедшія времена. На прибрежьяхъ Каттегата замѣчены были кучи раковинъ, вышиною отъ 3-хъ до 10-ти футовъ и длиною (нѣкоторыя) отъ 100 до 1000 футовъ; на нихъ долгое время не обращали вниманія, принимая ихъ за случайно - нанесенныя моремъ. Но различныя, весьма тонкія и остроумныя наблюденія побудили зоолога Стеенструпа, вмѣстѣ съ физикомъ Форхгаммеромъ и археологомъ Ворсо, подвергнуть эти кучи раковинъ тщательному изслѣдованію. Изслѣдованія привели ихъ къ убѣжденію, что эти кучи представляютъ собою остатки морскихъ животныхъ, которыя нѣкогда были употреблены въ пищу людьми. Изслѣдователи нашли среди раковинъ большое число рыбьихъ костей, а также и нѣсколько тысячъ костей и обломковъ костей, принадлежавшихъ животнымъ, водящимся на сушѣ. Въ числѣ костей четвероногихъ и птицъ найдены въ этихъ кучахъ кости такихъ породъ животныхъ, которыя давно уже перестали водиться въ Даніи и Южной Швеціи (напр., глухаря, бобра, сѣвернаго оленя). Изъ нынѣшнихъ домашнихъ животныхъ отысканы были въ кучахъ только кости собаки; очевидно, что и ея мясо человѣкъ въ то время точно также употреблялъ въ пищу, какъ и мясо хищныхъ животныхъ: вмѣстѣ съ костями собаки въ кучахъ попадались кости волка, лисицы, куницы, выдры и дикой кошки. Никакихъ слѣдовъ металла или признаковъ знакомства человѣка съ хлѣбными растеніями въ этихъ кучахъ не отыскано; въ нихъ попадались одни только обломки издѣлій изъ камня и кости и черепки глиняной посуды чрезвычайно грубой работы; около кучъ нерѣдко находили уголь и другіе признаки огня, а также и грубо сложенные изъ камня очаги. Ученые придали этимъ кучамъ оригинальное, хотя и далеко не точное названіе *кухонныхъ остатковъ* или *кухоннаго сора*, и признали ихъ остатками пиршествъ какого-то древняго народа, жившаго въ раннія времена каменнаго вѣка на морскихъ прибрежьяхъ и преимущественно питавшагося рыбой и моллюсками. Судя по этому, должно предполагать, что люди каменнаго вѣка, пре-

[redacted]

имущественно занимавшіеся рыболовствомъ, охотнѣе всего селились около водъ, на морскихъ прибрежьяхъ, а внутри страны по берегамъ рѣкъ и озеръ, не только доставлявшихъ обильную и легко-добываемую пищу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служившихъ единственными удобными путями для передвиженія съ мѣста на мѣсто (7).

Всѣ вышеуказанныя открытія и находки, тщательно изслѣдованныя и изученныя европейскими археологами за послѣднія двадцать лѣтъ, привели наконецъ къ возможности составить себѣ о бытѣ древнѣйшаго періода нѣкоторое, хотя и далеко не полное, но все же довольно правильное представленіе.

Прежде всего обращено было вниманіе на то, что каменныя орудія, находимыя въ Европѣ, принадлежатъ къ двумъ отдѣльнымъ родамъ произведеній: одни просто и грубо *вытесаны* изъ кусковъ кремня, посредствомъ отбиванія осколковъ отъ цѣльнаго куска; другіе же тщательно *вышлифованы* изъ другихъ каменныхъ породъ, путемъ долгой и упорной работы, невольно побуждающей насъ изумляться терпѣнію этихъ первобытныхъ дикарей въ обработкѣ твердаго камня. Есть основаніе думать, что эти два способа обработки камня составляютъ отличительные признаки двухъ эпохъ каменнаго вѣка—*древнѣйшей* (палеолитической) *и позднѣйшей* (неолитической *)—отдѣленныхъ одна отъ другой весьма большимъ пространствомъ времени. Замѣтимъ здѣсь кстати, что къ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка относится и та, совершенно особая форма быта, которая выразилась въ такъ называемыхъ *свайныхъ постройкахъ*. Но такъ какъ эта форма быта явилась переходною ступенью къ бронзовому вѣку, то мы подробнѣе скажемъ о ней въ слѣдующей главѣ, а въ настоящее время обратимся къ изученію памятниковъ быта, относящихся къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка.

Наиболѣе удобнымъ для употребленія въ грубо-тесанномъ видѣ оказывался кремень, котораго острые осколки, повидимому, доставили человѣку первыя рѣжущія орудія. При этомъ, въ отбиваніи осколковъ отъ кремня люди каменнаго вѣка достигали значительнаго совершенства, то придавая длиннымъ плоскимъ кускамъ кремня форму обоюдоострыхъ ножей, то округлую форму скобелей для очистки кожи, то форму кинжаловъ или наконечниковъ стрѣлъ и копій довольно красиваго очертанія. Особенно ловко умѣли отбивать отъ пластинокъ кремня самые мелкіе кусочки, придавая этимъ пластинкамъ форму пилы.

Преобладающею формою орудій древнѣйшаго періода каменнаго вѣка является форма *клина*, изъ которой постепенно развиваются впослѣдствіи *топоры* и *молоты*, *рубила* и *долота*. Послѣднія формы принадлежатъ, по преимуществу, позднѣйшему періоду каменнаго вѣка, судя

*) Отъ греч. словъ: *палеосъ* (древній), *неосъ* (новый) и *литосъ* (камень).

по тому, что ихъ находятъ обыкновенно въ шлифованномъ видѣ. Ворсо, глубокій знатокъ древностей каменнаго вѣка, замѣчаетъ относительно выдѣлки этихъ каменныхъ орудій, что «большія клинья сперва вырубались изъ большихъ кусковъ камня при помощи каменныхъ же орудій шаровидной или эллиптической формы, а потомъ уже обтачивались и отшлифовывались на большихъ, плоскихъ брусьяхъ; другой родъ орудій—долота или рѣзцы—въ особенности тѣ, которыя имѣли лезвіе округлое или желобчатое, вытачивались на выпуклыхъ брускахъ» (6). Бруски эти были очень часто находимы вмѣстѣ съ каменными орудіями.

Предполагаютъ, что молоты и топоры, уже въ очень раннемъ періодѣ каменнаго вѣка, привязывались или прилаживались какимъ нибудь способомъ къ извѣстнаго рода рукоятямъ или древкамъ. Нѣкоторыя формы каменныхъ молотовъ (съ боковыми выемками на толстомъ концѣ) даже указываютъ на попытки первобытныхъ людей—такъ прикрѣпить молотъ къ рукояти, чтобы онъ не соскальзывалъ и не отскакивалъ отъ нея. Но однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ развитіи техники каменнаго вѣка было, конечно, изобрѣтеніе *сверленія*, облегчившаго насаживаніе каменныхъ орудій на деревянныя рукояти.

На основаніи нѣкоторыхъ находокъ, заключавшихъ въ себѣ предметы каменнаго вѣка съ неоконченнымъ сверленіемъ, археологи ознакомились съ тѣмъ простѣйшимъ способомъ, при помощи котораго сверленіе производилось. Оказывается, что сквозныя отверстія въ каменныхъ орудіяхъ просверливались (конечно съ величайшимъ трудомъ и большою затратою силъ и времени) при помощи круглой палочки, пустой внутри, и постепенно подсыпаемаго песку, который и способствовалъ высверливанію. При такомъ способѣ сверленія постепенно образовывалось кольцеобразное углубленіе, проникавшее все далѣе и далѣе вглубь камня, такъ что впослѣдствіи, когда это углубленіе проходило сквозь весь камень, изъ просверленнаго отверстія выпадалъ цѣльный кусокъ (круглякъ) камня, по объему равный объему высверленнаго отверстія.

Несмотря на этотъ важный шагъ въ техникѣ каменнаго періода, послѣ котораго формы орудій должны были значительно разнообразиться, примѣнительно къ потребностямъ ихъ употребленія, — въ прежнемъ употребленіи остались и предшествовавшія каменнымъ орудія изъ кости и рога. Между находками каменныхъ орудій видимъ и топоры изъ китовой кости, и костяные наконечники стрѣлъ, и округлыя долота изъ полыхъ мозговыхъ костей крупныхъ животныхъ, и роговыя шилья, и иглы.

Главными занятіями (и единственными способами пропитанія) людей каменнаго вѣка были, конечно, рыболовство и охота; послѣднее занятіе доставляло не только пищу, но и одежду, состоявшую изъ звѣриныхъ шкуръ. Въ этомъ удостовѣряютъ покрытые шкурами остатки

людей каменнаго вѣка, находимые иногда въ торфяникахъ. Есть основаніе предположить, по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, что люди каменнаго вѣка, какъ рыболовы по преимуществу, умѣли уже, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ его періодѣ, выдалбливать себѣ лодки и, можетъ быть, умѣли даже употреблять сѣти. Они умѣли лѣпить изъ глины, перемѣшанной съ крупнымъ кварцевымъ пескомъ, горшки, довольно разнообразной формы, хотя и выдѣлывали ихъ еще просто руками, а не на гончарномъ станкѣ. Довольно плохо обжигая эти горшки или даже просто высушивая ихъ на солнцѣ, они, однако, уже ощущали потребность въ украшеніи этихъ грубыхъ издѣлій извѣстнаго рода орнаментомъ. На одномъ изъ подобныхъ горшковъ грубѣйшей, первобытнѣйшей формы (онъ найденъ былъ въ Нейбургерскомъ озерѣ *) въ Швейцаріи, сохранились ямочки, сдѣланныя чьими-то маленькими пальчиками, очевидно, ради украшенія сосуда. На другихъ горшкахъ видимъ искривленныя выемки, сдѣланныя ножемъ; на иныхъ попытки украшеній, нацарапанныхъ чѣмъ то острымъ, въ видѣ параллельныхъ линій прямыхъ и зубчатыхъ. При Хинкельштейнѣ (Rheinhessen) **) отысканъ былъ даже обломокъ глинянаго сосуда съ нацарапанными украшеніями въ видѣ вѣточекъ и листочковъ. Еще болѣе поражаютъ уцѣлѣвшія отъ каменнаго вѣка, первыя, дѣтскія, грубыя попытки воспроизведенія чего то въ родѣ рисунковъ, изображающихъ фигуры животныхъ. Въ пещерахъ Перигора ***) найдены были осколки костей съ врѣзанными въ нихъ изображеніями животныхъ; въ одной изъ этихъ пещеръ (La Madelaine), наполненной костяными грудами—любопытный осколокъ кости, съ нацарапаннымъ на немъ изображеніемъ двухъ другъ-за-другомъ идущихъ сѣверныхъ оленей, и другой, съ изображеніемъ мамонта. При Шуссенридѣ (въ Шварцвальдѣ) также отыскана была, въ числѣ прочихъ, одна кость съ уцѣлѣвшими на ней попытками рѣзныхъ украшеній. Если добавить къ этимъ важнымъ даннымъ, что въ числѣ предметовъ, несомнѣнно принадлежащихъ каменному вѣку, находятся и украшенія въ родѣ ожерельевъ, которыя составлены изъ глиняныхъ и костяныхъ бусъ, изъ просверленныхъ и нанизанныхъ зубовъ и когтей животныхъ — то мы должны будемъ прійти къ тому важному выводу, что, уже и въ ту отдаленную пору, человѣку, кромѣ стремленія къ удовлетворенію его обыденныхъ, животныхъ потребностей, не чужды были и другія побужденія высшаго порядка (9).

Мертвыхъ въ древнѣйшемъ періодѣ каменнаго вѣка не сожигали, а хоронили въ особо-устроенныхъ могилахъ въ сидячемъ или скорчен-

*) *Нейбургерское* озеро—оно же и Невшательское, въ юго-восточномъ углу Швейцаріи.

**) *Rheinhessen*—часть Гессена, лежащая на лѣвомъ берегу Рейна; главный городъ Майнцъ.

***) *Перигоръ*—такъ называется часть департамента Дордоньи, орошаемая рѣками, впадающими въ Бискайскій заливъ.

номъ положеніи и вмѣстѣ съ покойниками полагали въ могилу каменныя и костяныя орудія и оружіе, а на тѣлѣ ихъ оставляли тѣ украшенія, которыя они носили при жизни. Въ могилѣ ставили глиняный сосудъ, вѣроятно съ пищей, которую теперь, конечно, невозможно различить, ибо подобные сосуды, при вскрытіи могилъ, оказываются наполнены только землистою массою. Могилу обставляли или обкладывали большими камнями; иногда ставили ихъ вертикально, обративъ плоскою стороною во внутрь и накрывъ сверху громадными каменными плитами *).

Внимательное изслѣдованіе костей и череповъ, добытыхъ изъ могилъ каменнаго періода, дополнило вышеприведенныя археологическія данныя важными фактами иного рода. Ученые съ нѣкоторою вѣроятностью пришли къ тому заключенію, что люди каменнаго періода, какъ въ Даніи, такъ и въ Швеціи, отличались короткою и округлою головой. Черепа, открываемые въ Швеціи, очень малы и походятъ на черепа современныхъ намъ Лапландцевъ; въ Даніи они скорѣе напоминаютъ черепа нынѣшнихъ Финновъ и Эстонцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что люди, которымъ принадлежали эти черепа, не были прародителями нынѣшнихъ Датчанъ, ни даже прародителями того племени, которое населяло Данію въ бронзовомъ вѣкѣ; черепа послѣдняго гораздо болѣе подходятъ по своей продолговатой формѣ и узкому складу къ головѣ Индусовъ. Что же касается череповъ людей, найденныхъ въ другихъ мѣстностяхъ ([10]) и въ особенности въ Бельгіи, гдѣ въ одной изъ пещеръ найдены были черепа, достовѣрно относящіеся къ ледниковой формаціи, то о нихъ можно сказать только одно: очень низкіе лбы съ рѣзко-выдающимися надбровными дугами (arcus superciliaris), сильно развитыя нижнія челюсти и затылки, свидѣтельствуютъ о весьма низкой степени развитія той породы людей, которой эти черепа принадлежали, но все-же, по общему мнѣнію ученыхъ, между этими черепами и черепами обезьянъ — различіе весьма значительно. Наиболѣе важною въ числѣ подобныхъ находокъ, сохранившихъ намъ черепа и кости людей каменнаго періода, слѣдуетъ, конечно, считать Ментонскую находку 1872 года. Д-ръ Ривіеръ, занимавшійся въ окрестностяхъ Ниццы и Ментоны изслѣдованіемъ пещеръ, открылъ въ одной изъ этихъ пещеръ (la Barma du Cavillon), близь самой итальянской границы, полный скелетъ человѣка, который, судя по всей обстановкѣ находки, принадлежалъ, вѣроятно, къ весьма отдаленной эпохѣ. Скелетъ открытъ былъ на глубинѣ 20 футовъ ниже уровня пещерной почвы и почти въ 24 футахъ отъ входа въ нее. Около скелета и подъ нимъ, въ землѣ найдено было

*) Такія могилы, обложенныя или обставленныя большими камнями, получили въ наукѣ названіе *мегалитическихъ*, отъ греч. слова: *мегасъ*—большой и *литосъ*—камень.

50 грубо-тесанныхъ кремневыхъ пластинокъ и скребковъ; вскорѣ послѣ того, изъ почвы той-же самой пещеры, отрыто было еще до 300 кремневыхъ орудій, и ни одно изъ нихъ не носило на себѣ никакихъ признаковъ шлифовки. Въ слоѣ пещерной почвы, непосредственно лежавшемъ надъ скелетомъ, въ числѣ костей млекопитающихъ попадались кости пещернаго медвѣдя, пещернаго льва и пещерной гіены, сибирскаго носорога и другихъ вымершихъ видовъ.

Скелетъ, съ котораго на мѣстѣ снята была фотографія, былъ вслѣдъ затѣмъ доставленъ въ Парижскій Зоологическій садъ и тамъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію цѣлаго собранія французскихъ и англійскихъ ученыхъ. То былъ скелетъ мужчины большого роста (5 футовъ, 10 дюймовъ). Онъ былъ покрытъ множествомъ просверленныхъ морскихъ раковинъ (Nassa neritea), которыя, вмѣстѣ съ 22 также просверленными зубами оленя, составляли, повидимому, шейное украшеніе. Поперегъ передней части головы лежало заостренное костяное орудіе. Черепъ принадлежалъ къ разряду очень долгоголовыхъ; затылокъ былъ у него сильно развитъ, а лобъ, напротивъ того, очень низокъ и сплюснутъ въ вискахъ. Всѣ зубы оказались цѣлыми, но сильно стертыми, какъ бы отъ постояннаго употребленія очень твердой пищи *). Меньшая берцовая кость была необычайно толста. По единогласно-принятому рѣшенію ученыхъ, подробно изслѣдовавшихъ эту драгоцѣнную находку, ментонскій скелетъ признанъ былъ принадлежащимъ древнѣйшему (палеолитическому) періоду каменнаго вѣка ([10]).

Сводя во едино всѣ вышеприведенные нами факты, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, уже съ первыхъ шаговъ своихъ на землѣ, человѣкъ шелъ своимъ особымъ путемъ развитія. Несмотря на то, что окружавшая его дикая, дѣвственная природа была ему еще очень мало знакома и всюду производила на него подавляющее впечатлѣніе, онъ съумѣлъ, благодаря своему уму, занять среди нея первенствующее положеніе. Терпѣливо перенося всякія невзгоды, примѣняясь къ различнымъ перемѣнамъ климата, и по тому самому переживая всѣ гибнувшія вокругъ него породы великановъ животнаго царства, человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не коснѣлъ въ одномъ и томъ же положеніи: онъ всѣми силами старался улучшить свой бытъ и создать себѣ сколько нибудь сносныя условія существованія. Къ этому побуждала его не одна только необходимость въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей: онъ не могъ довольствоваться этимъ; онъ чувствовалъ въ себѣ иныя, высшія побужденія, отличавшія его отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе творить, совершенствовать, изобрѣтать, и поэтому даже на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, мы

*) Это явленіе и теперь еще замѣчаютъ у череповъ, принадлежащихъ дикимъ племенамъ.

уже встрѣчаемся съ первыми, дѣтскими попытками его творческой дѣятельности, вызванной врожденнымъ стремленіемъ къ изящному.

Представленный нами очеркъ быта людей каменнаго вѣка, по памятникамъ вещественнымъ, дополнимъ—со словъ одного русскаго путешественника, посѣтившаго Камчатку въ концѣ прошлаго столѣтія—любопытною и подробною картиною вполнѣ развитаго быта каменнаго вѣка, который еще застали Русскіе въ Камчаткѣ. Путешественникъ говоритъ: «Прежніе камчатскіе металлы были кость и каменья. Изъ нихъ Камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя, по тамошнему, хомягами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою, и всякій острожекъ могъ тѣмъ хвалиться передъ другими, какъ-бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя, на подобіе ланцетовъ, и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не токмо платье и обувь, но подзоры весьма искусно. Огнива ихъ — дощечки деревянныя изъ сухого дерева, на которыхъ по краямъ наверчены дирочки да кругленькія изъ сухого же дерева палочки, которыя, вертя въ ямочкахъ, огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли мятую траву тоншичъ, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности, обертя берестою, каждый Камчадалъ носилъ съ собою и нынѣ носитъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубить, какъ достаютъ своими огнивами» ([11]).

По мнѣнію ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ датскихъ торфяныхъ болотъ, оказывается возможнымъ отнести каменный вѣкъ по крайней мѣрѣ за 4000 лѣтъ до Р. Хр. Джонъ Лёббокъ предполагаетъ, что кучи кухонныхъ остатковъ, вмѣстѣ съ находящимися въ нихъ каменными орудіями, слѣдуетъ относить къ начальнымъ временамъ *позднѣйшаго* (неолитическаго) періода каменнаго вѣка, когда человѣкъ, хотя

и успѣлъ уже ознакомиться съ шлифованіемъ камня, однако еще не далеко ушелъ въ этомъ искусствѣ.

Но, принимая въ соображеніе эти выводы, конечно не слѣдуетъ считать ихъ ни строго-опредѣленными, ни вполнѣ точными; напротивъ того, ихъ можно допускать только какъ гадательные, и притомъ слѣдуетъ постоянно помнить, что каменный вѣкъ отъ бронзоваго или бронзовый отъ желѣзнаго не отдѣляются никакими рѣзкими гранями. Бронзовый вѣкъ наступалъ постепенно, бронза вводилась исподволь, почти непримѣтно, въ бытъ и нѣкоторыя потребности народа, между тѣмъ какъ камень продолжалъ, по прежнему, преобладать въ употребленіи почти до наступленія вѣка желѣзнаго; сверхъ того, бронза, какъ мы увидимъ далѣе, входила въ употребленіе не повсемѣстно, и въ то время, когда она распространялась въ одной мѣстности, въ другой, смежной, она могла оставаться совершенно неизвѣстной. Даже и тогда, когда въ большей части Европы бронзовый вѣкъ миновалъ, вслѣдствіе распространенія желѣза и умѣнія ковать его — нѣкоторые роды каменныхъ орудій и оружія (молоты, топоры и наконечники стрѣлъ) еще и въ историческое время не выходили изъ употребленія. Такъ на полѣ Мараѳонской битвы были недавно во множествѣ отрыты кремневые наконечники стрѣлъ, хотя намъ извѣстно, что уже герои Гомера сражались мечами и защищались щитами, отлитыми изъ бронзы; такъ и въ знаменитой Гастингской битвѣ (1066 г.) воины Гарольда еще бились каменными топорами и палицами противъ закованныхъ въ желѣзо норманнскихъ рыцарей ([12]).

Вотъ почему, говоря о трехъ вѣкахъ и относя что-либо къ одному изъ этихъ трехъ вѣковъ, не слѣдуетъ забывать о тѣсной связи явленій одной эпохи съ явленіями другой, о полнѣйшей черезполосности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, которая выражалась во взаимныхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ. Чтобы нѣсколько болѣе уяснить себѣ все вышеизложенное о взаимномъ отношеніи трехъ вѣковъ, замѣтимъ еще въ заключеніе, что вѣкъ каменный, бронзовый и желѣзный не представляютъ собою трехъ неизбѣжныхъ, необходимыхъ фазисовъ историческаго развитія каждаго народа; многіе народы не переходили всѣхъ трехъ вѣковъ, не переживали всѣхъ трехъ фазисовъ, а переходили прямо отъ каменнаго, минуя бронзовый вѣкъ, къ вѣку желѣзному. У другихъ, напротивъ, при очень скоро наступившемъ періодѣ бронзы, каменный вѣкъ былъ очень непродолжителенъ, а бронзовый захватывалъ собою значительную долю исторической жизни народа. У третьихъ, наконецъ, каменный вѣкъ длился нескончаемо долго и переходъ къ желѣзу могъ совершиться только въ послѣдніе двѣсти, полтораста лѣтъ, какъ мы это могли видѣть изъ приведеннаго выше разсказа путешественника о Камчадалахъ.

*

станціяхъ, а именно въ Литвѣ и въ губерніяхъ Нижегородской, Рязанской, Кіевской и Екатеринославской» ([14]). Въ настоящее время мы можемъ съ увѣренностью сказать, что каменныя орудія находятся въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи и что весьма важныя находки по каменному вѣку уже сдѣланы во многихъ мѣстахъ Архангельской, Вологодской, Владимірской, Волынской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской, Пермской, Петербургской, Полтавской, Тверской, Черниговской и Ярославской губерній, не говоря о Финляндіи, о губерніяхъ Остзейскихъ, о Кавказѣ и Крымѣ. Но этого мало: мы не только съ увѣренностью можемъ говорить о важности многочисленныхъ и разнообразныхъ находокъ по каменному вѣку, сдѣланныхъ въ Россіи за послѣднее 20-тилѣтіе, не только можемъ указать на возникшія за это время обширныя коллекціи каменныхъ орудій въ различныхъ нашихъ музеяхъ—мы можемъ еще отмѣтить и нѣсколько такихъ фактовъ, добытыхъ по каменному вѣку въ Россіи, которые могутъ служить важнымъ матеріаломъ для исторіи каменнаго вѣка въ Европѣ.

При томъ громадномъ разнообразіи условій климатическихъ, топографическихъ и геогностическихъ, какое представляетъ намъ обширная территорія Европейской Россіи, не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ одновременности наступленія каменнаго вѣка для всего пространства Россіи, или объ одинаковой степени продолжительности каменнаго вѣка во всей Россіи. Не отрицая того, что на югѣ и западѣ Россіи каменный вѣкъ могъ ранѣе возникнуть и найти болѣе благопріятныя условія для развитія соотвѣтствующаго ему быта, мы имѣемъ снованія думать, что каменный вѣкъ могъ совершенно самостоятельно явиться и на сѣверѣ Россіи и что здѣсь могли быть пережиты два важнѣйшіе періода этого вѣка. Послѣднія разслѣдованія въ Архангельской губерніи (Зенгера въ 1877 г.) и находки г. Полякова въ юго-восточной части Олонецкой губерніи (1871 г.) могутъ служить подтвержденіемъ этому мнѣнію: онѣ состоятъ изъ грубоотесанныхъ каменныхъ орудій (рис. 13, 21, 22), изъ черепковъ глиняныхъ, грубо-вылѣпленныхъ сосудовъ (рис. 14), изъ остатковъ очага и каменнаго вала, сложенныхъ безъ цемента, наконецъ изъ такого обильнаго скопленія однородныхъ издѣлій и однородныхъ остатковъ издѣлій въ одной и той же мѣстности, которыя указываютъ на мѣстныя производства каменныхъ орудій. Принимая во вниманіе грубую, первобытную форму орудій, отысканныхъ г. Поляковымъ въ Олонецкой губерніи, мы склоняемся къ мысли, что сѣверъ (въ особенности же озерная полоса Олонецкой губерніи) могъ быть обитаемъ и въ очень отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ этомъ убѣждаютъ насъ отчасти и послѣднія палеонтологическія открытія въ томъ же краѣ, указывающія ясно, что условія климатическія были нѣкогда въ той мѣстности иными,

непохожими на нынѣшнія, и въ самой фаунѣ существовали явленія, которыя могли въ значительной степени облегчать жизнь нѣкогда обитавшихъ здѣсь племенъ *).

Такіе же весьма древніе центры культуры каменнаго вѣка встрѣчаемъ мы и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ селѣ Гонцы (владѣльца Кирьякова), на склонѣ праваго берега р. Удая, въ древнемъ илистомъ наносѣ, тянущемся неправильнымъ

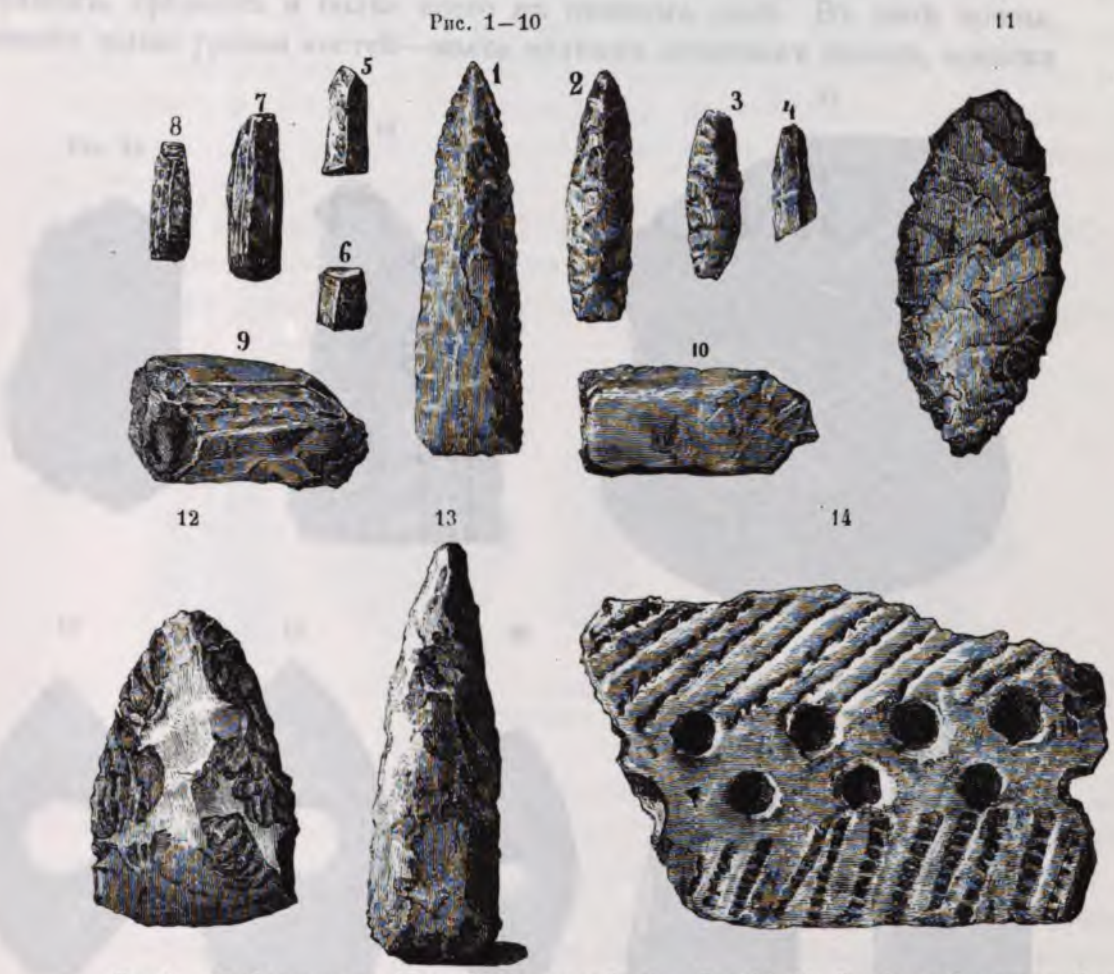


Рис. 1 — 10. Каменныя орудія изъ Архангельской губ. — Рис. 11, 12. Орудія, найденныя въ Казанской губ. — Рис. 13. Кварцовый топоръ съ Кумбасъ-озера (Олонецкой губ.) — Рис. 14. Черепокъ глинянаго горшка (оттуда-же).

валомъ по береговому склону, недавно (1873 г.) открыты, при рытьѣ, кости мамонта и каменныя орудія (рис. 15, 16, 20). «Когда при осторожной раскопкѣ» —говоритъ одинъ изъ свидѣтелей драгоцѣннаго открытія— «обнажилось достаточное количество костей, на пространствѣ около квадратной

*) Такъ, напр., въ недавнее время здѣсь найдены доказательства того, что «въ каменный вѣкъ въ небольшихъ прѣсныхъ озерахъ жилъ особаго рода тюлень, напоминающій своею величиной и особенностями тюленя гренландскаго и каспійскаго».

сажени, то можно уже было замѣтить, что онѣ лежали пластами одна на другой, и не составляли цѣлыхъ скелетовъ, а набросаны были въ безпорядкѣ и принадлежали различнымъ животнымъ: тутъ видны были— и челюсть мамонта, и часть оленьяго рога, а далѣе рёбра и зубы различныхъ большихъ животныхъ; большія трубчатыя кости всѣ были расколоты или разбиты; верхнія челюсти мамонта были безъ бивней и черепа безъ черепныхъ чашекъ. «Между костями попадались кремни въ верхнемъ, среднемъ и болѣе всего въ нижнемъ слоѣ. Въ слоѣ почвы, немного выше уровня костей—масса мелкихъ остатковъ костей, осколки

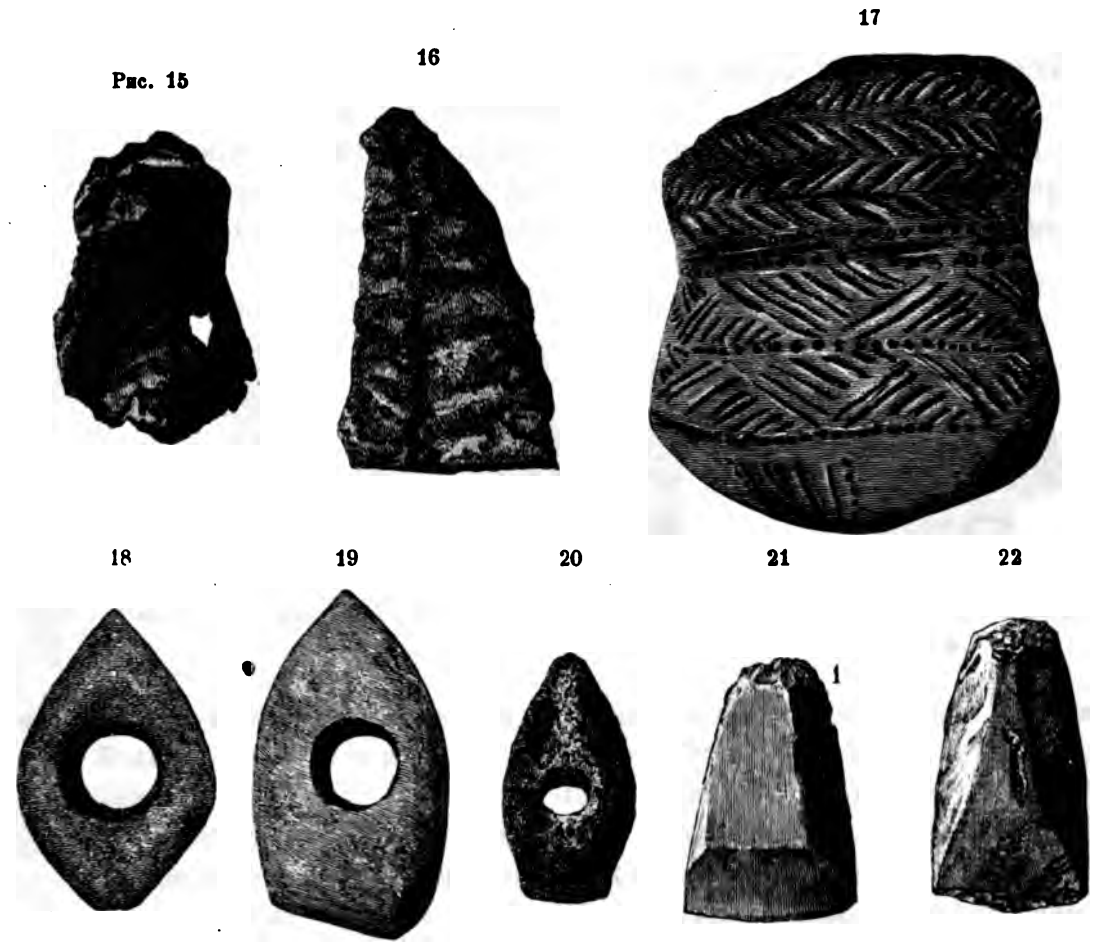


Рис. 15, 16, 20. Каменныя орудія изъ Полтавской губ.—Рис. 17. Черепокъ горшка, найденный въ Кіевской губ.—Рис. 18, 19. Каменные молоты, отрытые тамъ-же.—Рис. 21, 22. Сланцевые топоры съ Кумбасъ-озера.

кремней и т. д. Тутъ-же, сорокъ семь неоконченныхъ или испорченныхъ каменныхъ орудій и осколки ихъ, *костяное шило* и *костяное остріе*». Изъ того же сообщенія узнаемъ, что, при разрытіи другихъ ямъ, въ той же мѣстности (но ранѣе описанной выше находки), «кремней находили такъ много, что дѣти набрали ихъ *цѣлые мѣшки*, играли ими и растеряли ихъ». По любопытному добавленію г. Кирьякова, владѣльца с. Гонцы,

оказывается, что «гдѣ ни рыли въ его усадьбѣ, вездѣ наталкивались на громадныя кости и каменныя орудія». Въ виду всего этого, не лишена́ научнаго интереса и та замѣтка, которою заканчивается это въ высшей степени любопытное и важное сообщеніе: «Положеніе мѣстности въ прелестной долинѣ р. Удая, видъ и подборъ костей, пространство, занимаемое ими, взаимное расположеніе и количество ихъ, нахожденіе между ними обугленныхъ экземпляровъ, форма и количество орудій и прикрытіе всего этого ледниковымъ иломъ — все это наводитъ на мысль о долгомъ пребываніи здѣсь, въ ледниковую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, большаго охотничьяго племени, занимавшагося здѣсь же производствомъ простѣйшихъ кремневыхъ (и костяныхъ) орудій, и употреблявшаго уже уголь для приготовленія пищи, а можетъ быть и для согрѣванія» ([15]).

Такія же любопытныя свѣдѣнія имѣемъ мы о находкахъ (1869—70 гг.) каменнаго вѣка и по отношенію къ Волынской губерніи. Въ Овручскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ селъ Нагоряны и Каменьщина,

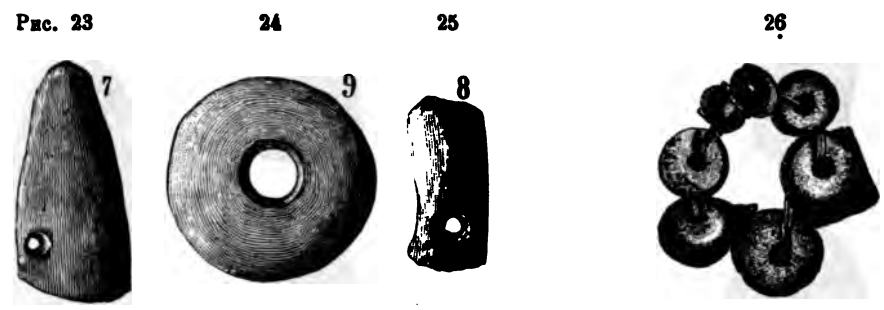


Рис. 23—25. Грузила съ Кумбасъ-озера и Тудозера (Олонецкой губ.)—Рис. 26. Каменныя бусы, найденныя на Волыни.

«встрѣчаются во множествѣ разсѣянныя по полямъ разной величины небольшія каменныя издѣлія, похожія на бусы (рис. 26) но только бо́льшаго размѣра. Судя по множеству неоконченныхъ образцовъ этихъ бусъ и по значительному количеству ихъ, находимому въ одномъ мѣстѣ, можно предполагать, что въ окрестностяхъ Нагорянъ и Каменьщины существовало нѣкогда мѣстное производство этихъ издѣлій. Еще гораздо замѣчательнѣйшею мѣстностью каменныхъ находокъ оказывается Дубенскій уѣздъ Волынской губерніи. Тамъ, въ окрестностяхъ селъ Большой и Малой Мощаницы, Суемъ и другихъ близьлежащихъ селеній, *на каждомъ шагу* попадаются каменныя издѣлія самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній: каменные топоры, молоты, клинья, долота, наконечники стрѣлъ и копій, пращевые камни и т. п. предметы изъ кремня.» О глубокой древности каменнаго вѣка гласятъ и могилы той мѣстности. «Въ Залужьянскомъ курганѣ Острожскаго уѣзда (Волынск. губ.), на ручьѣ, впадающемъ въ р. Горынь, найденъ скелетъ въ полулежачемъ (скорчен-

номъ, полусидячемъ?) положеніи; у праваго бока скелета, по направленію длины его, лежало кремневое орудіе, въ родѣ ножа, представляющаго собою издѣліе древнѣйшей поры (не шлифованное, грубо-тесанное) каменнаго вѣка. У праваго виска черепа стоялъ глиняный сосудъ, грубой ручной отдѣлки, но съ попытками украшеній.» ([16])

Рядомъ съ этими находками въ юго-западномъ углу Россіи на первый планъ выступаютъ и новѣйшія изысканія (1876—77 гг.) извѣстнаго нашего археолога, графа А. С. Уварова, на прибрежьяхъ Оки. Въ Муромскомъ у., у знаменитаго въ нашихъ родныхъ преданіяхъ села Карачарова, въ оврагѣ, послѣ обвала берега (въ слоѣ желтой глины, аршина въ 4 толщины, лежащемъ непосредственно подъ черноземомъ) Уваровъ нашелъ кости мамонта (зубы, бивни, бедро) и при нихъ 6 кремневыхъ ножей и скребковъ. Одна изъ костей мамонта была раско-

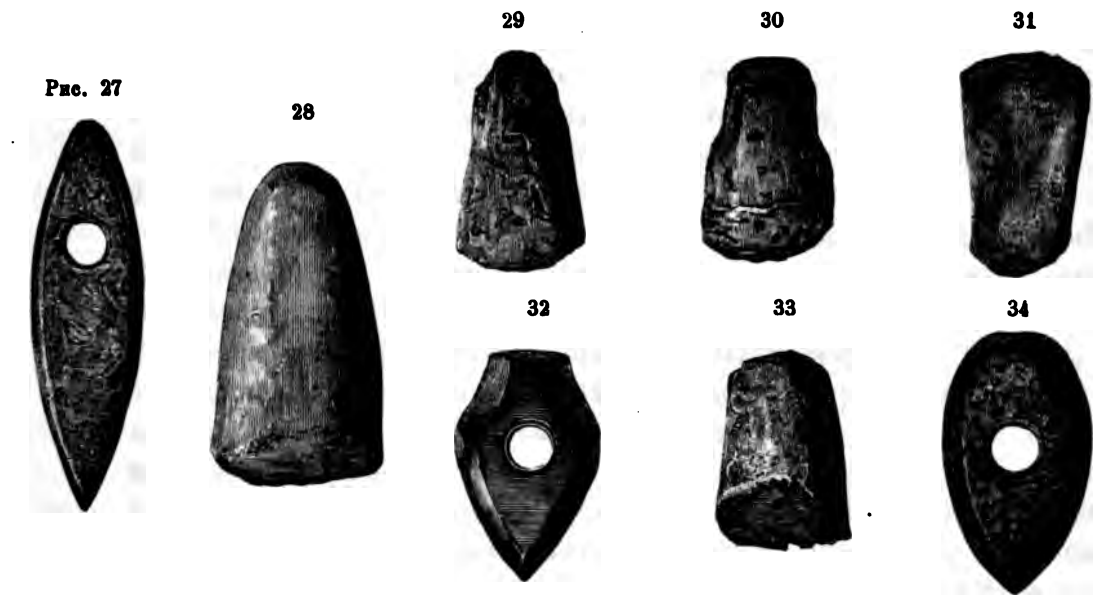


Рис. 27—34. Рубила, долота и молотки различныхъ мѣстностей Россіи (изъ собр. Моск. Археол. Общ.).

лота вдоль и расчищена съ внутренней стороны. Кости мамонта и носорога находимы были и въ сосѣднихъ оврагахъ. «Нагорный берегъ Оки у Карачарова,»—какъ предполагаетъ Уваровъ,—«былъ, вѣроятно, мѣстопребываніемъ мамонтовъ, а Карачаровскій оврагъ—мѣстомъ, гдѣ первобытные люди убивали и дѣлили мамонтовъ; поселенія-же людей были, вѣроятно, расположены на буграхъ низменнаго берега Оки, гдѣ найдены, кромѣ вышеуказанныхъ орудій обоихъ періодовъ (древнѣйшаго и новѣйшаго) каменнаго вѣка, кремневыя стрѣлы и копья въ огромномъ количествѣ» ([17]).

Не менѣе важныя изысканія были произведены гр. Уваровымъ и въ другомъ мѣстѣ Владимірской губерніи, между пристанями Сапуномъ и Варежемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Перемиловскія горы подходятъ къ

[redacted]

ной Европѣ. Сравнивая предметы каменнаго вѣка, добытые въ Россіи, съ предметами, добытыми въ западной Европѣ, приходимъ къ тому заключенію, что предметы каменнаго вѣка въ Россіи принадлежатъ также двумъ эпохамъ, древнѣйшей и позднѣйшей. Сравнивая сдѣланныя доселѣ находки по качеству и количеству, и, въ особенности, опираясь на преобладаніе одного рода издѣлій въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, мы можемъ предположить, что населеніе распредѣлялось, вѣроятно, и въ ту пору неравномѣрно; оно являлось болѣе скученнымъ въ одномъ краю, болѣе рѣдкимъ и разрозненнымъ—въ другомъ; въ этомъ отношеніи важную роль должно было конечно играть, какъ устройство почвы, болѣе или менѣе изобиловавшей каменными породами, удобными для выдѣлки орудій, такъ и обиліе пищи, на которую такъ неразборчивъ былъ человѣкъ каменнаго вѣка, равно удовлетворявшій свой голодъ и моллюсками, и мясомъ дикихъ звѣрей ([19]).

Не подлежитъ сомнѣнію то, что каменный вѣкъ не повсемѣстно въ Россіи могъ быть одинаково продолжителенъ: можно предполагать, что были мѣста, обитатели которыхъ, постепенно развиваясь, переживали оба періода этого вѣка, и онъ тамъ длился очень долго; могли быть и другія, въ которыхъ, благодаря какимъ-то, доселѣ еще недостаточно выясненнымъ, вліяніямъ, раннее знакомство съ употребленіемъ металловъ значительно сокращало каменный вѣкъ и видоизмѣняло существовавшія въ то время условія быта. Продолжительность каменнаго вѣка во многихъ мѣстностяхъ Россіи довольно ясно выражается въ живучести преданій объ употребленіи каменныхъ орудій; преданія эти сохранены намъ даже памятниками нашей древней письменности.

Въ этомъ смыслѣ любопытно извѣстное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, въ которомъ лѣтописецъ, сообщая о томъ, когда именно люди начали ковать оружіе, замѣчаетъ: «прежде бо того палицами и каменьемъ бьяхуся». Не менѣе любопытнымъ считаемъ и мѣстное сѣверное свидѣтельство, сохранившееся намъ въ одной изъ рукописей Соловецкаго монастыря, въ которой при описаніи дикаго быта языческихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверѣ Руси, неизвѣстный авторъ упоминаетъ о каменныхъ орудіяхъ охоты: «...отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ Него посланнаго Іисуса Христа не знаша, ни разумѣти хотяху; но инже кто тогда чрево насытитъ, тогда они и бога си поставляше и аще *иногда каменемъ звѣря убиваетъ*, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ»... ([20]).

Изъ того, что мы успѣли обозрѣть, нельзя не видѣть, какъ много уже сдѣлано русской археологической наукой послѣдняго 20-лѣтія для исторіи каменнаго вѣка въ Россіи. Правильныхъ раскопокъ сдѣлано доселѣ очень немного, а между тѣмъ добыто уже много весьма важныхъ результатовъ. Вообще говоря, то участіе, которое публика прини-

мала въ занятіяхъ археологическихъ съѣздовъ, то вниманіе съ какимъ она постоянно слѣдила за всѣми засѣданіями и преніями нашихъ археологовъ — все это указываетъ несомнѣнно на тотъ живой интересъ, съ которымъ наше общество относится къ археологической наукѣ. Отъ усердія и ревности любителей (если они станутъ придерживаться тѣхъ указаній и программъ, которыя были выработаны съѣздами, какъ существенной основы всякихъ археологическихъ раскопокъ и розысканій) можно многаго ожидать въ будущемъ. Нельзя однако не видѣть и того, сколько еще предстоитъ дѣла русской археологической наукѣ. Сотни тысячъ кургановъ и городищъ, уцѣлѣвшихъ отъ сѣдой древности, громадныя кіевскія пещеры, простирающіяся на 20 верстъ, древнія пещеры Днѣстра, мегалитическіе памятники Кавказа и Крыма— все это еще будущая жатва археологовъ, которымъ предстоитъ вскрывать неистощимыя богатства древностей, хранимыя почвою Россіи.

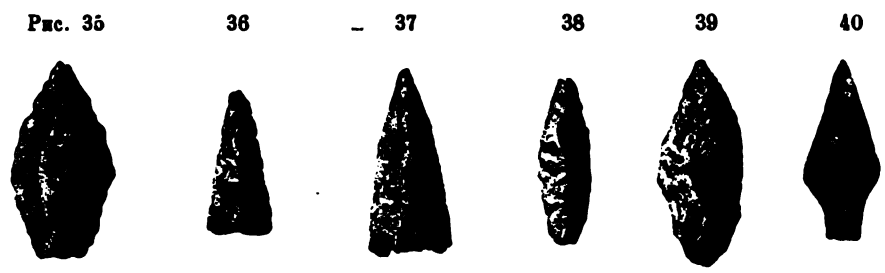


Рис. 35—37 Кремневые наконечники стрѣлъ съ Кумбасъ-озера и Кенозера (Олонецкой губ.)— Рис. 38, 39. Тоже, съ Тудозеръ —Рис. 40. Тоже, съ Украйны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СВАЙНЫЯ ПОСТРОЙКИ.

Позднѣйшій періодъ каменнаго вѣка.—Свайныя постройки.—Открытіе ихъ.—Остатки быта сваестроителей.—Поводы къ сооруженію свайныхъ построекъ.—Свидѣтельство Геродота.—Сваестроитель и пещерный человѣкъ.—Промыслы и ремесла сваестроителей.—Продолжительность періода свайныхъ сооруженій.—Орудія каменнаго періода и орудія сваестроителей.—Произведенія искусства сваестроителей: уборы и украшенія.—Свайныя постройки въ Польшѣ и Галиціи.—Преданіе о провалившихся городахъ.

Знакомя читателей съ важнѣйшими остатками каменнаго вѣка, мы упоминали въ предъидущей главѣ и о томъ, что каменный вѣкъ съ полною достовѣрностью можетъ быть подраздѣленъ на два періода:—болѣе отдаленный отъ историческаго времени или древнѣйшій и болѣе близкій къ нашему историческому времени, позднѣйшій. Пещерные и кухонные остатки и вообще мѣстонахожденія каменныхъ орудій, въ перемежку съ костями допотопныхъ животныхъ, служатъ отличительными признаками древнѣйшаго періода каменнаго вѣка, свидѣтельствуя о низкой степени развитія человѣка, о потребностяхъ быта чрезвычайно ограниченныхъ и немногосложныхъ. Отличительною чертою новѣйшаго періода каменнаго вѣка являются памятники другаго рода, извѣстные подъ названіемъ *свайныхъ построекъ* и свидѣтельствующіе о бытѣ уже довольно развитомъ. Подробное и тщательное изслѣдованіе остатковъ этого быта доставило археологамъ возможность возстановить его въ довольно полной картинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привело ихъ къ тому заключенію, что періодъ, въ теченіе котораго свайныя постройки существовали, значительною долею своею принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ каменнаго вѣка, захватываетъ большую часть бронзоваго вѣка и заканчивается уже во времена историческія.

Свайныя постройки были открыты лѣтъ двадцать пять тому назадъ, сначала въ Швейцарскихъ озерахъ, а впослѣдствіи и по ту сторону Альповъ, въ озерахъ сѣверной Италіи и въ болотахъ, которыя, вѣроятно, явились на мѣстѣ прежнихъ озеръ. Ближайшимъ поводомъ къ этому важному открытію послужило то, что въ теченіе 1854 г. воды въ Цюрихскомъ и многихъ другихъ швейцарскихъ озерахъ стояли очень низкія, и это мелководье продолжалось довольно долго. Тогда-то на днѣ этихъ озеръ обнаружились цѣлые ряды свай, на которыя до того времени никто не обращалъ вниманія. Вокругъ обнажившихся свай произведены были изслѣдованія и тамъ, около самаго основанія свай, на материкѣ озернаго дна, нашли слой перегноя, образовавшійся, повидимому, въ весьма отдаленное время изъ различныхъ органическихъ остатковъ; слой этотъ былъ прикрытъ позднѣйшимъ слоемъ, мѣстами песчанаго, мѣстами илистаго наноса. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого слоя, въ немъ были найдены каменныя и костяныя орудія, необработанныя кости, принадлежавшія животнымъ, нѣкогда служившимъ пищею человѣку, а также и другіе слѣды его стародавняго пребыванія. Цюрихскій археологъ Кёллеръ тогда же рѣшился высказать мнѣніе, что эти сваи должны были нѣкогда поддерживать деревянную настилку, на которой вѣроятно стояли жилища человѣка. Кёллеръ далъ этимъ постройкамъ названіе свайныхъ построекъ (Pfahlbauten), которое стало общепринятымъ *).

Кёллеръ къ своимъ изслѣдованіямъ свайныхъ построекъ приложилъ и предлагаемый нами здѣсь рисунокъ (рис. 41), который даетъ понятіе объ устройствѣ этихъ первобытныхъ жилищъ человѣка.

На той настилкѣ, которая покрывала сваи, стояли хижины, отчасти круглой, отчасти четырехъ-угольной формы. Хижины эти, судя по остаткамъ, находимымъ около свай, были построены и изъ плетня, и изъ досокъ, а сверху обмазаны слоемъ глины, либо смолою и чѣмъ-то въ родѣ тѣста. Много хижинъ, составлявшихъ одно поселеніе, строились кучно, вмѣстѣ, на одномъ и томъ же свайномъ сооруженіи, но отъ берега отдалены были на разстояніе довольно значительное, на 100—300 футовъ.

Къ берегу вели, вѣроятно, особые помосты, которые можно было, по желанію, настилать или убирать, въ видахъ предохраненія свайнаго селенія отъ нападенія всякихъ береговыхъ хищниковъ. Сообщеніе съ берегомъ, впрочемъ, должно было поддерживаться и при помощи челноковъ, которые жители свайныхъ построекъ уже несомнѣнно умѣли долбить изъ дерева.

*) Французскіе ученые называютъ свайныя постройки *озерными жилищами* (habitations lacustres)

На нѣкоторыхъ большихъ озерахъ было найдено не одно селеніе, а нѣсколько; они отдѣлялись одно отъ другаго большими пространствами. О размѣрахъ этихъ древнихъ поселеній можно судить по тому, что насчитываютъ иногда до 30 и до 40 тысячъ свай, вбитыхъ въ одномъ мѣстѣ, а въ одномъ изъ небольшихъ озеръ Швейцарскихъ *) нашли и такое поселеніе, которое расположено было на 100 тысячахъ свай.

Всѣ доселѣ открытыя свайныя постройки были, повидимому, разрушены пожаромъ. Эта случайность, косвеннымъ образомъ, способствовала сохраненію такихъ остатковъ свайнаго быта, которые, помимо этой случайности, давно бы сгнили и пропали безслѣдно; но большая часть предметовъ, находимыхъ среди свайныхъ сооруженій, очевидно, попали въ воду въ состояніи горѣнія; процессъ горѣнія прекратился мгновенно, и предметы сохранились въ наслоеніяхъ дна въ обугленномъ видѣ, предохранившемъ ихъ отъ гніенія. Благодаря такой счастливой случайности, оказалось возможнымъ извлечь изъ озерной тины не только небольшіе куски различныхъ плетеній и тканей, но даже отдѣльныя соломинки, волокна и сѣмена растеній каменнаго періода.

На основаніи этихъ находокъ, ученые убѣдились въ томъ, что люди, обитавшіе въ свайныхъ селеніяхъ, вели жизнь осѣдлую, занимались земледѣліемъ, разводили пшеницу и два рода ячменя; умѣли даже печь на раскаленныхъ камняхъ небольшіе хлѣбцы изъ груборазмолотаго зерна, которое растирали между выдолбленными камнями.

Вообще въ пищу свою человѣкъ въ эту пору вноситъ уже значительное разнообразіе: онъ собираетъ орѣхи и вишни, и даже запасаетъ на зиму дикія груши и яблоки, которыхъ много найдено въ свайныхъ постройкахъ, разрѣзанныхъ пополамъ и очевидно заготовленныхъ для сушки. Въ то же время сваестроитель разводитъ и ленъ, и коноплю для изготовленія грубыхъ матерій, которыя тогда плели, а не ткали; изъ нихъ шьетъ онъ себѣ одежду при помощи сохранившихся намъ костяныхъ иголокъ. Онъ успѣлъ уже въ ту пору окружить себя нѣсколькими породами домашнихъ животныхъ; мы находимъ около него родъ маленькой собаки, похожей на лягавую, козъ, овецъ, двѣ породы свиней и двѣ породы крупнаго рогатаго скота, впрочемъ отличныя отъ нынѣшнихъ. Въ числѣ домашнихъ животныхъ не видимъ еще только лошади, вѣроятно позже всѣхъ подчинившейся власти человѣка. Остатковъ домашней курицы также не найдено вовсе въ свайныхъ постройкахъ.

Изъ числа дикихъ животныхъ попадаются кости зубра, лося, бобра и другихъ видовъ, впослѣдствіи исчезнувшихъ изъ средней Европы; по-

*) На Пеффиконскомъ, близъ Робенгузена.

падаются и кости различной болотной и лѣсной дичи, и нынѣ живущей въ Европѣ (кости зайца не были находимы). Но пища мясная составляла въ періодъ свайныхъ построекъ далеко не преобладающую часть питанія человѣка; это замѣтно изъ того, что прежнія привычки, унаслѣдованныя отъ болѣе древняго періода жизни, еще не были покинуты сваестроителями: всѣ, находимыя въ свайныхъ постройкахъ, большія кости крупныхъ породъ млекопитающихъ — расколоты, чтобы добыть изъ нихъ мозгъ, а оконечности ихъ отбиты; еще тщательнѣе разбиты не только черепа, для добычи мозга, но и нижнія челюсти животныхъ: въ нихъ искали нѣжнаго вещества, наполняющаго зубную полость. Очевидно, что мясная пища являлась настолько-же лакомою для сваестроителя, на сколько она была лакомою для обитателя Европы въ древнѣйшемъ періодѣ каменнаго вѣка.

Преобладающею частью питанія человѣка и въ этотъ періодъ оставалась все же рыба, и одною изъ наиболѣе важныхъ побудительныхъ причинъ къ поселенію человѣка на свайныхъ постройкахъ оказывалось именно то, что у человѣка подъ руками находился постоянно готовый и неистощимый запасъ пищи. Извѣстно, что рыба особенно размножается тамъ, гдѣ въ воду попадаетъ значительное количество остатковъ органическихъ тѣлъ; естественно, что и около свайныхъ поселеній рыба должна была постоянно водиться и держаться во множествѣ. Это соображеніе подтверждается и однимъ, весьма важнымъ мѣстомъ изъ Геродота (книга V, гл. XV и XVI), которое, до открытія свайныхъ построекъ, оставалось не совсѣмъ понятнымъ. Геродотъ разсказываетъ,что въ Пэоніи (части нынѣшней Румеліи) находилось озеро *Прасіадъ*, и на немъ жили племена Пэонянъ, которыхъ Мегабазъ, полководецъ Дарія, не могъ покорить, потому что самое поселеніе ихъ было устроено среди озера на сваяхъ и къ тому поселенію съ берега велъ только одинъ мостъ. На сваяхъ, по разсказу Геродота, устроенъ былъ помостъ, а на помостѣ у каждаго изъ Пэонянъ была своя хижина. Въ каждой хижинѣ была устроена въ полу подъемная дверь, и рыбы въ томъ озерѣ водилось такое множество, что стóило только эту дверь открыть, опустить на веревкѣ въ озеро пустую корзину, чтобы, немного спустя, вытащить ее полною рыбы, которая служила пищею не только людямъ, но и скоту ([21]).

Нельзя однако же сомнѣваться въ томъ, что не одни только рыбныя богатства привлекали человѣка къ поселенію среди озеръ на свайныхъ постройкахъ; его побуждало къ этому и желаніе обезопасить себя отъ внезапнаго нападенія всякаго рода хищниковъ. Было высказано въ европейской наукѣ даже и такого рода воззрѣніе, что человѣка, обитавшаго въ средней Европѣ въ періодъ свайныхъ построекъ,

слѣдуетъ отличать отъ первобытнаго обитателя Европы, жившаго въ пещерахъ во время ледниковаго періода. На основаніи этого воззрѣнія, свaестроители постепенно и медленно выселялись въ Европу изъ другихъ странъ (въ то время, когда Европа уже установилась въ предѣлахъ своего нынѣшняго очертанія береговъ и поверхности) и по преимуществу селились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ или открытое пространство воды, или топь непроходимаго болота защищали ихъ отъ внезапнаго нападенія со стороны пещернаго человѣка. Здѣсь-то, съ осторожностью и предусмотрительностью бобра, они строили свои свайныя жилища, и, не прерывая связей съ землею, умѣли съ поразительнымъ

Рис. 41. Идеальный видъ свайнаго селенія на одномъ изъ швейцарскихъ озеръ.

благоразуміемъ извлечь и изъ воды всю ту пользу, какую она могла доставить имъ, какъ со стороны средствъ къ пропитанію, такъ и со стороны безопасности, которая была тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе было разстояніе, отдѣлявшее свайныя сооруженія отъ берега ([22]).

Въ этомъ желаніи обезопасить себя, укрыться отъ нападенія, оберечься отъ хищничества нельзя не видѣть также значительнаго шага впередъ въ развитіи быта. Если человѣкъ искалъ себѣ спокойнаго убѣжища и употреблялъ уже столько усилій на искусное устройство его,— значитъ, ему было что охранять отъ хищничества, значитъ, и самая жизнь его уже начинала складываться изъ такихъ потребностей, которыя шли далѣе простого удовлетворенія первѣйшихъ животныхъ ин-

стинктовъ. Занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, сваестроитель для своего пастбища и пашни пользовался удобствами берега, и озерныя постройки служили ему только вѣрнымъ пріютомъ, въ который онъ сносилъ, укрывалъ отъ хищника первые плоды своихъ трудовъ, свои запасы и все то, что у него было самаго дорогого.

На тѣсную связь быта обитателей свайныхъ построекъ съ берегомъ указываетъ также то, что среди всѣхъ свайныхъ построекъ найдено доселѣ очень мало человѣческихъ костей, а изъ этого заключаютъ, что жители свайныхъ поселеній хоронили своихъ покойниковъ на твердой землѣ. Есть даже основаніе думать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями свайныхъ сооруженій, что населеніе свайныхъ селеній, кромѣ своихъ легкихъ хижинокъ среди озеръ, должно было имѣть еще другія, болѣе прочныя жилища на твердой землѣ.

Въ свайныхъ постройкахъ, относящихся къ каменному вѣку, матеріаломъ для выдѣлки важнѣйшихъ орудій и оружія — является по преимуществу камень, кость и дерево. По формѣ, каменныя орудія свайнаго періода нимало не отличаются отъ каменныхъ орудій на нашемъ Сѣверѣ, и вообще въ каменномъ періодѣ всѣхъ странъ:—тотъ-же клинъ то съ прямымъ и широкимъ остріемъ, то съ острымъ наконечіемъ; тотъ же топоръ и молотъ; та же грубо-зазубренная каменная пластинка, замѣняющая пилу.... Но при орудіяхъ являются оправы и рукояти изъ кости и дерева, значительно облегчающія употребленіе первобытныхъ орудій. Благодаря этимъ оправамъ и рукоятямъ, одно и тоже орудіе могло быть употребляемо для различныхъ цѣлей, и самая работа, выполняемая орудіемъ, становилась болѣе тонкою и болѣе совершенною во всѣхъ отношеніяхъ. Во множествѣ находятъ среди свайныхъ построекъ хорошо выдѣланные, кремневые ножи, прикрѣпленные тыломъ къ деревяннымъ, продольнымъ черенкамъ, каменные топоры и сѣчки, вставленные въ деревянныя распорки изъ корневищъ и кривыхъ сучьевъ; иные изъ нихъ вправлены въ толстые обрубки дерева, прикрѣпленные къ деревяннымъ рукоятямъ.

Рогъ и кость въ рукахъ сваестроителей являются уже матеріаломъ для весьма искусныхъ и тонкихъ подѣлокъ; изъ нихъ выдѣлываются весьма разнообразныя по формѣ наконечья стрѣлъ, иглы, шилья, рыболовные крючки и гарпуны съ зазубринами, а также и небольшіе челноки для тканья, съ однимъ и съ двумя отверстіями. Эти челноки и большіе запасы льняной пряжи, открытые въ свайныхъ постройкахъ, указываютъ отчасти и на то, что женщина, въ періодъ свайныхъ сооруженій, уже обладала важнѣйшимъ матеріаломъ для своихъ домашнихъ работъ и для обезпеченія необходимѣйшихъ нуждъ семьи со стороны одежды, которая, конечно, состояла уже не изъ однѣхъ звѣриныхъ шкуръ. Впрочемъ, одна изъ частей женскаго убора этой отдален-

[redacted]

ной эпохи—длинныя, искусно вырѣзанныя изъ кости, головныя шпильки съ большими головками, указываютъ на то, что женщины и тогда уже заботились не объ одной необходимой одеждѣ; онѣ не пренебрегали и украшеніями, хотя и должны были довольствоваться очень немногимъ: просверленные цилиндрики и пластинки изъ рога, зубы или куски зубовъ—служили единственнымъ матеріаломъ для ихъ ожерелій и запястій, на сколько можно о томъ судить по находкамъ въ свайныхъ сооруженіяхъ, относящихся къ каменному вѣку. Припомнимъ здѣсь кстати, говоря о женщинахъ, чрезвычайно любопытную замѣтку, сообщаемую Геродотомъ, который повѣствуетъ, что въ поселеніяхъ Пэонянъ, жившихъ на озерѣ Прасіадѣ, сваи первоначально поставлены были всѣми вообще гражданами, а потомъ для постановки ихъ введенъ слѣдующій обычай: «каждый, кто женился, ставилъ по три сваи за каждую жену; а женятся они на многихъ женахъ».

Одною изъ весьма важныхъ чертъ, характеризующихъ исторію быта въ періодъ свайныхъ построекъ слѣдуетъ считать то, что между находками въ швейцарскихъ свайныхъ сооруженіяхъ встрѣчаются предметы, сдѣланные изъ матеріаловъ, никогда не принадлежавшихъ къ мѣстнымъ произведеніямъ Швейцаріи. Такъ напримѣръ, въ маленькомъ озерѣ Моосзеедорфѣ (близь Берна), открыты были остатки обширнаго производства кремневыхъ орудій, хотя кремня нигдѣ нѣтъ въ Швейцаріи; такъ въ другихъ свайныхъ сооруженіяхъ отысканы были топоры и рубила изъ нефрита и бусы изъ янтаря. Очевидно, что кремень занесенъ былъ въ Швейцарію изъ Франціи, какъ нефритъ—съ Востока, а янтарь—съ сѣверныхъ прибрежій. ([23])

Свидѣтельство Геродота о Пэонянахъ, упоминающее о свайныхъ постройкахъ, существовавшихъ въ VI—V в. до Р. Хр., указываетъ всего яснѣе на замѣчательную живучесть этой особой формы быта. Живучесть эта ясно выражается въ томъ, что между поселеніями свае-строителей видимъ такія, въ которыхъ находятъ орудія исключительно изъ камня и кости; и другія, въ которыхъ найдены были, вмѣстѣ съ каменными, и бронзовыя орудія; и наконецъ такія (преимущественно въ западной части Швейцаріи), въ которыхъ найдены каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія. Это сопоставленіе тѣмъ болѣе любопытно, что въ тѣхъ же самыхъ свайныхъ сооруженіяхъ видимъ полное отсутствіе монеты, между тѣмъ какъ на древнемъ полѣ битвы, около Берна, находятъ множество монетъ и медалей (бронзовыхъ и серебряныхъ), греческой работы, битыхъ въ Марсели—всѣ изъ періода до-римскаго, слѣдовательно изъ самаго ранняго времени желѣзнаго вѣка. ([24]) Очевидно, что свайныя постройки служили убѣжищемъ первобытному обитателю Европы, начиная отъ позднѣйшихъ временъ каменнаго вѣка и до на-

ступленія эпохи полнаго ознакомленія Европейца со всѣми металлами, т. е. до временъ историческихъ.

Въ самомъ началѣ открытія свайныхъ построекъ и вскорѣ послѣ появленія первыхъ изслѣдованій о бытѣ сваестроителей, нѣкоторое время между учеными держалось мнѣніе, что сваестроеніе было явленіемъ мѣстнымъ, а сваестроители—особымъ племенемъ. Но дальнѣйшія изслѣдованія и открытія свайныхъ построекъ на всемъ пространствѣ Европы—въ озерахъ и торфяникахъ Шотландіи, Ирландіи, Франціи, Сѣверной Италіи, Австріи, Баваріи, Сѣверной Германіи (Пруссіи и Мекленбургѣ)—заставило склониться на сторону того мнѣнія, что сваестроеніе было формою быта, общераспространенною среди первобытныхъ обитателей Европы, и что ея живучесть обусловливалась значительными удобствами, которыя подобная форма быта представляла человѣку въ теченіе нескончаемо-долгаго періода, предшествовавшаго развитію исторической жизни въ Европѣ.

Воззрѣніе это въ значительной степени подтверждается тѣмъ, что дальнѣйшія археологическія изслѣдованія все болѣе и болѣе расширяютъ область распространенія свайныхъ построекъ, хотя ,конечно, вопросъ этотъ (такъ недавно поднятый въ наукѣ), еще далеко не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ. Въ особенности, по отношенію къ Восточной Европѣ, вопросъ о свайныхъ сооруженіяхъ остается еще чрезвычайно мало разслѣдованнымъ. Такъ, напримѣръ, по отношенію къ громадной и столь богатой археологическими сокровищами территоріи Россіи, мы имѣемъ до сихъ поръ только самыя ограниченныя, самыя скудныя свѣдѣнія. До послѣдняго времени извѣстны были только свайныя сооруженія, открытыя на Кавказѣ. Но на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ (1877 г.) было уже заявлено объ открытіи свайныхъ построекъ въ Остзейскомъ краѣ. Болѣе же всего оказывались до сихъ поръ успѣшны въ этомъ отношеніи поиски археологовъ въ столь обильной топями и озерами западной полосѣ Россіи и въ прилегающихъ къ ней Галиціи и Познани.

Въ 1871 г. остатки свайнаго сооруженія были открыты на Чешевѣ озерѣ, въ Вангровицкомъ округѣ, въ Познани. Случайное искусственное пониженіе уровня озера, вызванное прорытіемъ около него канавы, вскрыло въ прибрежныхъ частяхъ его обширныя пространства, занятыя сваями, между которыми, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохранились даже остатки покрывавшаго ихъ помоста изъ толстыхъ досокъ. Не менѣе важно было и то, добытое при этомъ изслѣдованіи, свѣдѣніе, что крестьяне окрестныхъ селъ уже издавна занимались добываніемъ изъ озера балокъ и досокъ, высушивали ихъ на берегу и обращали на топливо.

Въ илистомъ грунтѣ, около свай, отысканы были черепки грубовылѣпленныхъ горшковъ и остатки каменныхъ орудій.

Въ 1873 году, въ Галиціи, близь деревни Квачала, на берегу Вислы, въ торфяникѣ открыты были сваи и изслѣдованы извѣстнымъ польскимъ археологомъ, Адамомъ Киркоромъ. Около свай найдено чрезвычайно много осколковъ глиняной посуды, грубой, ручной лѣпки; осколки кремней, послужившихъ, вѣроятно, для выдѣлки орудій, кремневыя скребки, пилы и свёрла.

Изъ остатковъ органическихъ заслуживаютъ упоминанія орѣхи и орѣховая скорлупа, желуди, косточки особаго вида дикой сливы и значительное количество угля, почти окаменѣвшаго. Наконецъ, тамъ же отысканы были плоскіе, продолговатые камни, формою своею напоминающіе обыкновенный точильный брусокъ, и большой камень съ гладко шлифованной поверхностью, который могъ служить молотомъ для вбиванія свай въ землю или каменныхъ клиньевъ въ дерево.

Около того же времени, въ другомъ мѣстѣ Галиціи, близь г. Ярослава, на рѣкѣ Санѣ, противъ устья ручья Шкло—открыты были также слѣды свайныхъ сооруженій.

Наконецъ, въ 1874 году, въ торфяникѣ, близь дер. Бялки (въ полумилѣ отъ рѣки Вепржъ и въ 3½ миляхъ восточнѣе города Люблина), открыты остатки свайной постройки, которые подробно были изслѣдованы профессоромъ Варшавскаго университета Пржиборовскимъ. Изслѣдованія почтеннаго профессора, давно занимающагося археологическими раскопками въ Западномъ краѣ, привели къ весьма интереснымъ результатамъ.

Свайное сооруженіе это, по открытымъ около него предметамъ, оказалось принадлежащимъ къ каменному вѣку, и притомъ (по сравненію съ каменными предметами швейцарскихъ свайныхъ построекъ) должно быть или отнесено къ болѣе отдаленной эпохѣ, или приписано племени, стоявшему на болѣе низкой степени развитія, нежели сваестроители швейцарскіе. Во время двухлѣтнихъ раскопокъ въ этомъ любопытномъ свайномъ сооруженіи, профессору Пржиборовскому удалось извлечь оттуда угли, черепки глиняной посуды, куски кости съ просверленными въ нихъ отверстіями, приготовленные для неизвѣстнаго употребленія, около 200 продолговатыхъ кусковъ кремня, заготовленныхъ для издѣлій, множество осколковъ кремня, отбитыхъ при подобной заготовкѣ, кабаньи клыки и расколотыя вдоль кости животныхъ. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ находокъ должны быть отнесены: большой топоръ изъ серпентина *), наконечья стрѣлъ изъ синеватаго и сѣроватаго кремня, кремневые скребки и ножи, изъ которыхъ иные

*) *Серпентинъ*—иначе *змѣевикъ*, минералъ, встрѣчающійся въ массахъ; на Уралѣ *обыкновенный змѣевикъ* составляетъ мѣстами большія горы. Особымъ видомъ змѣевика является *нефритъ*—свѣтлозеленый, чрезвычайно твердый. Вывозится въ настоящее время изъ Китая и съ нѣкоторыхъ острововъ Океаніи, гдѣ служитъ для выдѣлки топоровъ и другихъ острыхъ орудій.

[redacted]

оказались уже бывшими въ употребленіи, другіе заново отточенными и какъ бы только что изготовленными.

Въ заключеніе того, что сообщено нами о свайныхъ сооруженіяхъ въ ближайшихъ къ Россіи мѣстностяхъ, мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь очень любопытную догадку, высказанную профессоромъ Пржиборовскимъ по поводу очевидной связи, которая, по его мнѣнію, существуетъ между исторіей свайныхъ сооруженій и однимъ весьма распространеннымъ въ Россіи и Польшѣ народнымъ сказаніемъ.

Свайныя постройки сооружались на озерахъ и служили убѣжищемъ людямъ, укрывавшимся среди нихъ отъ дикихъ звѣрей и внезапныхъ вражескихъ нападеній. Большая часть доселѣ открытыхъ свайныхъ сооруженій носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды разрушенія пожаромъ, происшедшимъ по собственной-ли неосторожности сваестроителей, или вслѣдствіе вражескаго нападенія. При подобной случайности, конечно, погибало все населеніе и все имущество населенія, и слѣдомъ его должны были оставаться только печально торчавшія изъ воды остатки обгорѣлыхъ свай. Все поселеніе, еще незадолго до того времени оживлявшее гладкую поверхность озера, казалось какъ-бы провалившимся въ воду, поглощеннымъ пучиною. Г. Пржиборовскій весьма остроумно поясняетъ этимъ фактомъ распространенное въ Россіи и Польшѣ народное сказаніе о провалившихся городахъ, церквахъ и монастыряхъ, на мѣстѣ которыхъ будто бы выступала изъ земли вода и разливались озера ([35]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БРОНЗОВЫЙ ВѢКЪ.

Что такое бронзовый вѣкъ?—Когда начался онъ въ Европѣ? -Значеніе финикійской торговли въ исторіи бронзоваго вѣка (гипотеза Нильсона).—Значеніе Этрусковъ въ культурѣ бронзоваго вѣка (гипотеза Линденшмидта).—Важныя замѣчанія Садовскаго о значеніи бронзы въ быту народовъ средней Европы.—Вліяніе бронзоваго вѣка на общеевропейскую культуру —Пути и способы европейской торговли въ бронзовомъ вѣкѣ.

Бронзовый вѣкъ въ Россіи.—Двѣ главныя группы находокъ бронзоваго вѣка въ Россіи.—Ананьинскій могильникъ.—Первоначальныя раскопки его.—Вторичныя раскопки —Находки г. Невоструева.—Важнѣйшіе предметы, добытые изъ Ананьинскаго могильника.

«Бронзовый вѣкъ»,—въ тѣсномъ значеніи періода времени, въ теченіе котораго люди незнакомы были съ желѣзомъ и изъ всѣхъ металловъ умѣли обработывать только мѣдь, увеличивая ея твердость примѣсью свинца, олова или цинка, — представляетъ собою весьма древнюю форму быта. Трудно указать, гдѣ именно бронзовый вѣкъ получилъ начало, гдѣ именно проявился онъ впервые, по отношенію къ Европѣ; можно только утверждать, что прибрежья Средиземнаго моря, ранѣе всѣхъ другихъ частей Европы, поставлены были въ условія, благопріятствовавшія введенію бронзы въ употребленіе и быстрому распространенію ея по всѣмъ странамъ классическаго міра, благодаря богато-развитой морской торговлѣ.

Можно предполагать, что бронзовый вѣкъ начался задолго до того времени, отъ котораго дошли до насъ достовѣрныя историческія свидѣтельства, длился очень долго и захватилъ весьма значительную долю времени, извѣстнаго намъ не по однимъ баснословнымъ преданіямъ классической древности. Не только герои Гомера жили въ періодъ полнѣйшаго развитія бронзоваго вѣка — сражались

бронзовыми мечами, метали бронзовыя копья и укрывались отъ вражьихъ стрѣлъ подъ бронзовыми бронями и щитами; но и самый Римъ былъ основанъ еще въ бронзовомъ вѣкѣ и не скоро ознакомился съ употребленіемъ желѣза; а воины Ганнибала и во время вторженія въ Италію еще дрались противъ римскихъ легіоновъ бронзовыми мечами. ([26])

Для исторіи бронзоваго вѣка въ Европѣ особенно важно отмѣтить тотъ фактъ, что необходимое для бронзы олово не было нигдѣ добываемо въ Европѣ, кромѣ одного уголка на самой окраинѣ извѣстнаго древнимъ міра—на юго-западѣ Британіи. Отсюда первые стали вывозить олово Финикіяне, и такъ какъ только они, при обширныхъ средствахъ своей сильно-развитой торговли, могли предпринимать такія дальнія плаванія, то и можно сказать, что Финикіяне въ значительной степени способствовали распространенію и развитію бронзоваго вѣка на прибрежьяхъ Средиземнаго моря. Такъ какъ бронза могла производиться только тамъ, гдѣ не было недостатка въ необходимыхъ составныхъ частяхъ ея, мѣди и оловѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда олово могло быть доставляемо путемъ торговли, то, конечно, бронза не могла явиться—какъ самостоятельное, мѣстное производство—тамъ, гдѣ не было мѣди и куда не могло быть доставляемо олово. Эти соображенія должны были навести на мысль о томъ, что и на сѣверѣ средней Европы бронзовыя произведенія, находимыя въ древнѣйшихъ могилахъ и среди свайныхъ построекъ, не могли явиться самостоятельно, какъ произведенія мѣстныя, а были занесены въ Швецію, Данію и Швейцарію издалека, путемъ торговли.

Ученые долго занимались вопросомъ о тѣхъ путяхъ, которыми бронза могла проникать съ юга на далекій сѣверъ. Прежде всего явилось предположеніе, что бронза была завезена на сѣверъ Европы Финикіянами. Извѣстно, что эти безстрашные мореплаватели древности предпринимали плаванія вокругъ береговъ Европы, въ Балтійское море, за безцѣннымъ, въ то время, янтаремъ. Вывозя съ балтійскихъ прибрежій янтарь, Финикіяне естественно должны были видѣть въ бронзѣ выгодную статью для обмѣна на янтарь, и, конечно, нашли ей хорошій сбытъ между древними обитателями балтійскихъ прибрежій, еще незнакомыхъ съ металлами. Нильсонъ доказывалъ, что всѣ бронзовые предметы, находимые на югѣ Швеціи, были исключительно финикійскаго издѣлія, и ни откуда болѣе на сѣверъ проникать не могли; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возводилъ начало торговыхъ сношеній европейскаго сѣвера съ Финикіянами къ 800-мъ годамъ до Р. Хр. Мнѣніе свое онъ основывалъ, главнѣйшимъ образомъ, на стилѣ украшеній всѣхъ древнихъ бронзовыхъ предметовъ, и въ основныхъ элементахъ этихъ украшеній старался видѣть тѣсную связь съ символическими изображеніями финикійскаго культа. Этими основными эле-

ментами всѣхъ украшеній, встрѣчающихся на древнѣйшихъ бронзовыхъ предметахъ, добываемыхъ въ Швеціи и на сѣверѣ средней Европы, являются преимущественно формы кружковъ съ точкою въ центрѣ, концентрическихъ кружковъ, кружковъ въ родѣ колеска съ четырьмя спицами, и ломаныхъ, зубчатыхъ линій; нѣсколько позже эти, наиболѣе простые, элементы переходятъ въ форму спирали, которая является не только орнаментомъ на вещахъ, но и преобладающею формою самыхъ вещей *); въ позднѣйшую эпоху это спиральное украшеніе доводится до замѣчательнаго изящества и разнообразія, является уже не въ видѣ простой, врѣзанной въ бронзу черты, а въ видѣ рельефа, и на предметахъ крупныхъ (въ родѣ щитовъ, шлемовъ и нагрудниковъ) усложняется еще рядомъ выпуклыхъ выступовъ, въ родѣ кругловатыхъ шляпокъ гвоздей.

Нельзя отрицать того, что украшенія древнѣйшихъ бронзовыхъ предметовъ, отрытыхъ въ Швеціи и Даніи, дѣйствительно напоминаютъ собою изображенія, имѣвшія священное, символическое значеніе въ миѳологіи и въ культѣ семитическихъ племенъ; а потому и Нильсонъ, который основывалъ на элементахъ этихъ украшеній свое мнѣніе о финикійскомъ происхожденіи бронзы, занесенной въ Скандинавію, былъ до нѣкоторой степени правъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ европейскихъ народовъ въ эпоху до Р. Хр. не могъ предпринимать такихъ дальнихъ странствованій по морю, какъ Финикіяне. Это мнѣніе Нильсона подтверждалось еще и несомнѣннымъ участіемъ Финикіянъ въ торговлѣ янтаремъ, который они вывозили въ Европу съ балтійскихъ прибрежій. ([27]) Однакоже дальнѣйшее изученіе древнихъ бронзовыхъ предметовъ и ихъ мѣстонахожденій въ средней и сѣверо-западной Европѣ, а въ особенности изслѣдованіе тѣхъ рѣчныхъ путей и волоковъ, по которымъ внутренняя европейская торговля шла съ прибрежій Адріатики и Чернаго моря къ балтійскому побережью— указали, что Финикіяне были не единственными смѣльчаками, проникавшими въ эти отдаленныя мѣстности и доставлявшими туда бронзу, въ обмѣнъ на янтарь.

Профессоръ Линденшмидтъ, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «О памятникахъ германской языческой старины», первый пришелъ къ счастливой мысли о необходимости сравнительнаго изученія бронзовыхъ предметовъ, добываемыхъ изъ древнихъ могилъ сѣверной Германіи, изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи и сѣверной Италіи, и пришелъ къ тому положительному убѣжденію, что всѣ эти уцѣлѣвшія до нашего времени издѣлія бронзоваго вѣка, а въ особенности сосуды,

*) Преобладаніе спирали легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что гибкую бронзу легко было вытягивать въ тонкую проволоку, а тонкая бронзовая проволока всего удобнѣе поддавалась скручиванью и завиванью въ самыя разнообразныя формы жгутовъ и спиралей.

утварь и украшенія, какъ по общимъ формамъ, такъ и по всѣмъ подробностямъ отдѣлки, оказываются вполнѣ тождественны съ произведеніями этрусскими. ([28]) Этотъ замѣчательный, подтвердившійся послѣдующими археологическими изслѣдованіями, выводъ послужилъ существеннымъ дополненіемъ къ важнымъ историческимъ свидѣтельствамъ объ Этрусскахъ, которые, какъ извѣстно, изъ числа всѣхъ италійскихъ народовъ, особенно рано успѣли выработать себѣ самостоятельное внутреннее устройство и выдвинуться впередъ своими замѣчательными способностями къ промышленности и торговлѣ. Въ эпоху, предшествовавшую подчиненію Этруріи римскому владычеству, морская торговля Этрусковъ могла уже соперничать во многихъ мѣстностяхъ Средиземнаго моря съ торговлею Финикіянъ и ихъ колоній, а богатство и роскошь ихъ внутренняго быта были на столько значительны, что возбуждали постоянно зависть Рима и оказали весьма сильное вліяніе на домашній и общественный бытъ Римлянъ.

Въ области искусства, Этрусски, несмотря на довольно замѣтное преобладаніе у нихъ египетскаго вліянія, сдѣлали успѣхи, весьма значительные во многихъ отрасляхъ, въ особенности въ изготовленіи лѣпныхъ издѣлій изъ глины и въ литейномъ искусствѣ. Этрусскія вазы и бронза пользовались въ древности вполнѣ заслуженною извѣстностью, и носятъ на себѣ не только своеобразный, но даже въ такой степени національный отпечатокъ, что ихъ невозможно смѣшать ни съ какими другими, подобными произведеніями. Болѣе всего оказались богаты этрусскими произведеніями свайныя постройки сѣверной Италіи, въ которыхъ особенно много найдено было глиняныхъ сосудовъ, несомнѣнно этрусскаго происхожденія. Изслѣдованія швейцарскихъ свайныхъ построекъ указали на то, что этрусскія бронзовыя издѣлія проникали и на сѣверъ отъ Альповъ, за много вѣковъ до выступленія этой страны на историческую сцену. Эти издѣлія, отыскиваемыя на всемъ пространствѣ Европы, на протяженіи древнихъ, торговыхъ путей, направлявшихся съ юга на сѣверъ, рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ, мѣстныхъ бронзовыхъ издѣлій, грубо воспроизводившихъ изящные образцы привозной бронзы.

Не смотря на то, что масса бронзовыхъ предметовъ—нѣкогда ввезенныхъ такимъ образомъ изъ Этруріи въ за-Альпійскія страны и наполняющихъ нынѣ археологическіе музеи Европы — была, вѣроятно, весьма значительна; не смотря на то, что среди этихъ предметовъ видимъ и оружіе, и орудія, и украшенія, и самые разнообразные предметы домашней утвари—не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что бронза никогда и нигдѣ въ Европѣ не была единственнымъ матеріаломъ, изъ котораго бы человѣкъ могъ для своего удовольствія и пользы производить все необходимое для своего домашняго обихода. «Предметы

ежедневнаго употребленія должны быть дешевы, а бронза была дорогá, такъ какъ ея нельзя было привезти на сѣверъ въ достаточномъ количествѣ». ([29]) Вотъ почему, даже и послѣ введенія бронзы въ употребленіе въ сѣверной и средней Европѣ, первобытные обитатели ея продолжали довольствоваться стрѣлами изъ кремня или хрусталя, ножами и молотами изъ нефрита и діорита *). Есть однако же основаніе предположить, что введеніе бронзы въ употребленіе, при совмѣстномъ и одновременномъ употребленіи каменныхъ орудій, должно было оказать нѣкоторое вліяніе на обработку камня—облегчить ее, усовершенствовать, дать новыя формы для каменныхъ орудій и даже вызвать къ подражанію нѣкоторымъ украшеніямъ, которымъ такъ легко поддавалась бронза. Вотъ почему многіе археологи и полагаютъ, что всѣ каменныя орудія, гладко-отшлифованныя, а тѣмъ болѣе, снабженныя украшеніями, представляющими головы различныхъ животныхъ, принадлежатъ къ тому времени, когда человѣкъ уже былъ знакомъ съ употребленіемъ бронзы или другаго металла.

Вообще говоря, бронзовый вѣкъ въ Европѣ важенъ не только потому, что въ теченіе его первобытные обитатели средней и сѣверо-западной Европы, подъ вліяніемъ иноземнымъ, успѣли ознакомиться съ употребленіемъ металловъ, но и потому, что введеніе бронзы въ употребленіе подѣйствовало вообще на развитіе техники въ самыхъ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Это отразилось, конечно, на орудіяхъ бронзоваго вѣка, въ числѣ которыхъ проявляются нѣкоторыя своеобразныя формы, неизвѣстныя каменному вѣку. Преобладающею формою является такъ называемый *кельтъ*, клинообразное рубило, можетъ быть замѣнявшее иногда топоръ, а иногда и мотыку. Рядомъ съ этою новою формою, исключительно свойственною бронзовому вѣку, встрѣчаемъ и другія орудія, гораздо болѣе усовершенствованныя, болѣе приспособленныя къ употребленію: ножи, серпы, пилы, скребки. Особенно замѣчательны, по формѣ и отдѣлкѣ, клинки мечей и кинжаловъ. Клинки мечей прямые, къ концу съуживающіеся, формою своею напоминающіе очертаніе ивоваго листа. Длина мечей—не болѣе полуметра ($2^1/_2$ четверти аршина). Особенное вниманіе археологовъ привлекали ихъ короткія рукояти, иногда цѣльныя бронзовыя, иногда обложенныя деревомъ, но не снабженныя никакой предохранительной, поперечной перекладиной. Само собою разумѣется, что оконечья стрѣлъ и копій попадаются въ могилахъ бронзоваго вѣка гораздо чаще, нежели мечи и кинжалы, которые, конечно, должны были составлять большую драгоцѣнность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бóльшая часть оружія и другихъ, наиболѣе круп-

*) *Діоритъ*—горная порода, состоящая изъ бѣлыхъ и зеленоватыхъ зеренъ, съ черными и зеленовато-черными слоями. *О нефритѣ* см. въ примѣчаніи на стр. 36.

ныхъ предметовъ утвари бронзоваго вѣка, всею внѣшностью, изобличаетъ свое иноземное происхожденіе. По отзывамъ ученѣйшихъ знатоковъ металлургіи, преимущественно оружіе бронзоваго вѣка въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своей отдѣлки носитъ на себѣ отпечатокъ высоко-развитой техники и явные слѣды такихъ пріемовъ производства, которые могли быть выполнены только при помощи стальныхъ инструментовъ. ([30])

Весьма любопытною чертою въ общей характеристикѣ бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ сѣверной и средней Европѣ, оказывается значительный перевѣсъ всякаго рода украшеній надъ всѣми остальными родами предметовъ—утварью и оружіемъ. Чаще всего попадаются пряжки и большія иглы для волосъ, чрезвычайно разнообразныя по формѣ; рядомъ съ ними—ожерелья, браслеты, ножныя кольца, шпильки, серьги, діадемы, привѣски и бляшки всякаго рода. Вмѣстѣ съ бронзою встрѣчаются и золотыя украшенія; серебро попадается гораздо рѣже и только въ исходѣ бронзоваго вѣка.

Множество раскопокъ и находокъ указали ясно на то, что бронза впервые явилась между первобытными обитателями Скандинавіи и Даніи и между сваестроителями Швейцаріи именно въ видѣ украшеній—колецъ, цѣпочекъ, запястій, бляхъ и шейныхъ обручей—и что въ то время, когда европейскій дикарь еще употреблялъ въ дѣло каменное и костяное оружіе и долбилъ себѣ челнъ каменнымъ долотомъ, онъ нерѣдко могъ уже украшать себя бронзовыми бездѣлушками, а уборъ его подруги бывалъ даже и до излишества обремененъ множествомъ крупныхъ и мелкихъ издѣлій изъ привозной бронзы. Очевидно, что иноземные торговцы, стремясь съ юга на сѣверъ Европы за янтаремъ, везли къ дикарямъ блестящія, бронзовыя бездѣлушки, какъ самый выгодный предметъ для мѣны и сбыта, тѣмъ болѣе, что первобытные обитатели Европы лишь постепенно научались цѣнить оружіе и утварь изъ бронзы и усвоивали умѣнье употреблять то и другое въ дѣло. Гораздо позже они предпочитали даже получать бронзу въ видѣ готоваго, необдѣланнаго матеріала *), и передѣлывать ее на мѣстѣ въ разныя издѣлія, при помощи приходившихъ къ нимъ иноземныхъ литейщиковъ, которые, такимъ образомъ, являлись и первыми учителями туземцевъ въ обращеніи съ металлами. Къ этому, болѣе позднему періоду, вѣроятно, относятся и тѣ плавильныя печи, и тѣ формы для отливки бронзовыхъ вещей, которыя и доселѣ еще находятъ въ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ и не было мѣстонахожденій мѣди, какъ напр., въ низменности Эльбы. Къ тому-же самому періоду относятся, конечно, и тѣ грубыя

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ находимые въ Швеціи и Даніи куски и слитки бронзы, очевидно привозной, такъ какъ мы видѣли выше, что бронза могла быть производима только тамъ, гдѣ при мѣдныхъ рудахъ не было недостатка и въ оловѣ.

подражанія изящнымъ иноземнымъ образцамъ, которыя попадаются всюду въ сѣверо-западной и средней Европѣ и представляютъ собою не что иное, какъ неискусное воспроизведеніе изломанныхъ и негодныхъ къ употребленію бронзовыхъ предметовъ при помощи мѣстныхъ средствъ и мѣстныхъ мастеровъ. ([31])

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что бронзовый вѣкъ, въ отношеніи къ вѣку каменному, является преимущественно вѣкомъ пробужденія первобытныхъ обитателей Европы къ новой жизни,—вѣкомъ, въ теченіе котораго цивилизація стала пролагать первые пути на сѣверъ, дѣлать первыя попытки къ водворенію на далекихъ окраинахъ міра, извѣстнаго древнимъ. Такъ какъ пути цивилизаціи на сѣверъ пролагались образованнѣйшими народностями древняго міра—Финикіянами, Этрусками, Греками, Римлянами—то и средства, употребляемыя ими, мало чѣмъ отличались отъ подобныхъ же попытокъ новѣйшаго времени, пролагающаго пути торговлѣ и цивилизаціи внутрь Африки или Азіи. Направляясь къ берегамъ Балтійскаго моря западнымъ, морскимъ путемъ, торговля держалась береговъ, опираясь на прибрежныя колоніи и факторіи; направляясь къ тому же Балтійскому морю черезъ лѣса и дебри средней Европы, торговля шла по рѣкамъ, шагъ за шагомъ, подвигаясь и углубляясь внутрь страны. Новѣйшія изслѣдованія этихъ древнихъ торговыхъ путей, съ юга Европы къ балтійскимъ прибрежьямъ, даютъ возможность предположить, что и по этимъ путямъ торговые караваны двигались, опираясь на постоянныя становища, учреждая на пути нѣчто въ родѣ *торжковъ* или складочныхъ мѣстъ, и всегда, болѣе или менѣе, оказывая цивилизующее вліяніе на ту страну, по которой пролегалъ торговый путь. Даже и въ самыхъ *способахъ* торговли есть данныя, свидѣтельствующія о значительной прочности, долговременности и постепенномъ развитіи этихъ сношеній юга съ сѣверомъ. Насколько произведенныя доселѣ изслѣдованія даютъ намъ возможность заглянуть въ эти сношенія, они представляются намъ въ бронзовомъ вѣкѣ уже вступившими въ послѣдующій фазисъ развитія и болѣе не носящими на себѣ характера первоначальной мѣновой торговли. Профессоръ Киссъ въ Пештѣ (въ 1859 г.) первый указалъ на то, что бронзовыя украшенія, ввозимыя съ юга на сѣверъ, должны были имѣть значеніе и цѣнность монеты; въ подтвержденіе своей мысли, онъ собралъ нѣсколько тысячъ подобныхъ украшеній, взвѣсилъ ихъ, тщательно разсмотрѣлъ находящіяся на нихъ линіи и нарѣзы, и по вѣсу предметовъ, по числу линій и нарѣзовъ, отыскалъ между ними десятичное отношеніе; такимъ образомъ онъ доказалъ, что бронзовыя украшенія служили замѣною монеты, изготовлялись въ опредѣленной системѣ и потому имѣли важное финансовое и экономическое значеніе въ торговлѣ юга съ сѣверомъ. ([32])

Въ дополненіе къ тому, что выше было нами изложено, для болѣе полной характеристики бронзоваго вѣка, замѣтимъ, что громадныя каменныя или камнями огражденныя могилы въ этомъ періодѣ исчезаютъ и мѣсто ихъ заступаютъ насыпные холмы. Мѣстами, большія плоскія насыпи прикрываютъ собою обширные могильники. Раскопки могильныхъ холмовъ обнаруживаютъ преобладаніе обычая сожженія труповъ надъ погребеніемъ, хотя оба способа часто видимъ примѣненными одновременно. Могильные холмы оказываются нерѣдко обложены камнями у основанія. ([33])

Сопоставленіе вышеуказанныхъ фактовъ бронзоваго періода съ изысканіями, произведенными въ свайныхъ постройкахъ средней Европы, можетъ легко привести къ тому предположенію, что многія мѣстности Европы весьма послѣдовательно переходили отъ знакомства съ употребленіемъ бронзы къ умѣнью обработывать желѣзо. Но изъ всего сказаннаго нами о бронзѣ и о тѣхъ путяхъ, которыми она съ юга проникала на сѣверъ и сѣверо-западъ Европы, не трудно вывести и то заключеніе, что могли существовать цѣлыя страны, куда бронза никакъ не могла проникнуть, и въ которыхъ человѣкъ отъ употребленія каменныхъ орудій и оружія переходилъ прямо къ знакомству съ желѣзомъ.

Особенно важными въ этомъ отношеніи являются находки, сдѣланныя въ послѣднее время въ Польшѣ и Россіи, указывающія на одновременное употребленіе каменныхъ и желѣзныхъ орудій. Важно при этомъ именно то условіе, что всѣ желѣзные предметы носятъ на себѣ отпечатокъ такой первобытности, которая не даетъ возможности предполагать, чтобы желѣзному вѣку въ тѣхъ мѣстностяхъ могъ предшествовать вѣкъ бронзовый, богатый разнообразіемъ и замѣчательнымъ изяществомъ своихъ формъ. Насколько можно судить по раскопкамъ и находкамъ, произведеннымъ до настоящаго времени въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, бронзовый вѣкъ не былъ на ея территоріи явленіемъ общимъ, повсемѣстнымъ. Какъ въ западной Европѣ бронза являлась только въ тѣхъ мѣстахъ, куда бронзовыя издѣлія могли быть занесены торговлею, такъ и въ восточной Европѣ остатковъ бронзоваго вѣка слѣдуетъ, конечно, искать около древнихъ торговыхъ путей съ юга и запада на сѣверъ и востокъ. Это предположеніе вполнѣ подтверждается современными находками. Оказывается, что торговые пути бронзоваго вѣка дѣйствительно касались западной и юго-западной окраины Россіи. Но, кромѣ этихъ путей, были и другіе:—въ городищахъ и могильныхъ насыпяхъ сѣверо-восточной окраины Россіи встрѣчаемъ остатки бронзоваго вѣка, ничего не имѣющіе общаго съ бронзовымъ вѣкомъ западной Европы. Мало того: среди этихъ остатковъ попадается много предметовъ, сдѣланныхъ *изъ мѣди*, употребленіе которой, какъ весьма естественно слѣдуетъ предположить, должно

[redacted]

было предшествовать употребленію бронзы. Раскопки и находки, въ различное время произведенныя за Ураломъ и въ западной Сибири, заставили прійти къ тому убѣжденію, что, какъ мѣдные, такъ и бронзовые предметы, находимые въ могилахъ и городищахъ на пространствѣ между Волгою и Уральскими горами, по внѣшности, имѣютъ гораздо болѣе общаго съ издѣліями бронзоваго вѣка Азіи, нежели съ подобными же издѣліями европейскими. И точно также, какъ остатки европейскаго бронзоваго вѣка, группируются около торговыхъ путей съ юга на сѣверъ, такъ и остатки бронзоваго вѣка азіатскаго, сосредоточиваются около тѣхъ рѣчныхъ и древнѣйшихъ сухопутныхъ, торговыхъ путей, которыми испоконъ вѣковъ приволжскія мѣстности Россіи соединены были съ Азіей. Если бы мы захотѣли наглядно, чертами изобразить область распространенія бронзы въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, то область эта явилась бы на картѣ въ видѣ двухъ разрозненныхъ клочковъ, изъ которыхъ одинъ на юго-западѣ захватывалъ бы внутрь себя бассейны Днѣстра, Днѣпра и Вислы, а другой на сѣверо-востокѣ, обнялъ бы пространство между Волгой, Камой и Ураломъ. Изъ этого можно заключить, что цивилизація бронзоваго вѣка, являлась главнѣйшимъ образомъ только на окраинахъ нынѣшней территоріи Европейской Россіи.

Отысканные доселѣ на западной окраины Россіи предметы бронзоваго вѣка (гг. Ивановскимъ и Бранденбургомъ въ предѣлахъ Петербургской губерніи, а также и профессоромъ Крузе и другими изслѣдователями въ западномъ краѣ и въ Остзейскихъ губерніяхъ) принадлежатъ къ общему типу произведеній европейскаго бронзоваго вѣка, и едва-ли не позднѣйшаго его періода, судя потому, что бронзовые предметы попадаются вмѣстѣ съ серебрянными украшеніями. Въ числѣ этихъ предметовъ видимъ тѣ же спиральные браслеты, тѣ же концентрическіе завитки изъ тонкой проволоки для серегъ и височныхъ колецъ, тѣ же гривны въ видѣ крученаго проволочнаго жгута и тѣ же монисты съ привѣсками, колокольцами и бряцальцами,—однимъ словомъ, тѣ же формы украшеній, какія встрѣчаемъ на пространствѣ всей Европы. Если мы добавимъ къ этому искривленные небольшіе бронзовые ножи и наконечья стрѣлъ и копій, чаще всего попадающіяся въ могильныхъ насыпяхъ, то этимъ исчерпывается весь запасъ предметовъ бронзоваго вѣка, проникавшихъ къ намъ изъ Европы. При этомъ, формы находимыхъ на западѣ Россіи бронзовыхъ предметовъ до такой степени тождественны съ европейскими, что ихъ почти можно признать принадлежащими къ одной и той же фабрикѣ.

Напротивъ того, всматриваясь въ мѣдные и бронзовые предметы, попадающіеся на востокѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, мы видимъ нѣчто совершенно оригинальное, не имѣющее ничего общаго съ произведеніями

европейскаго бронзоваго вѣка. Даже и самое поверхностное сравненіе съ предметами, добытыми въ прошломъ столѣтіи изъ сибирскихъ могилъ и тѣми, которые и теперь постоянно тамъ откапываются, выяснило тотъ фактъ, что мѣдные и бронзовые предметы, находимые на сѣверо-востокѣ Россіи были занесены сюда изъ за Урала, изъ Азіи.

Рис. 42. Важнѣйшіе и наиболѣе крупные предметы, каменные, бронзовые и желѣзные, добытые изъ Ананьинскаго могильника.

И дѣйствительно, изъ сообщеній путешественниковъ и раскопокъ, произведенныхъ въ Сибири въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, узнаемъ, что совершенно подобныя же издѣлія находятся на всемъ пространствѣ Сибири до Амура и Байкала. Главнымъ центромъ подобныхъ находокъ оказывается Минусинскъ и его округъ и верховья Енисея. Вся тамошняя степь представляетъ собою громадное кладбище какой-то отдаленной, богато-развившейся эпохи мѣднаго и бронзоваго вѣка, слѣды которой идутъ далеко въ глубь Азіи. И рядомъ съ могилами, доставляющими обильную жатву пытливости археолога, по склонамъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ до самаго Урала тянутся слѣды древнѣйшихъ рудныхъ развѣдокъ и разработокъ. Болѣе всего встрѣчается ихъ на западныхъ склонахъ Урала, гдѣ многія изъ этихъ копей были положены въ основу позднѣйшихъ рудныхъ работъ. Во многихъ подобныхъ копяхъ найдены были мѣдныя кайла *) и молотки; въ другихъ кривые мѣдные ножи и сплавы мѣди въ 2—3 фунта; въ нѣкоторыхъ, рядомъ съ орудіями, литыми изъ мѣди, сохранились каменные молотки и обломки другихъ орудій изъ твердыхъ каменныхъ породъ, къ которымъ придѣланы были рукоятки, какъ можно догадываться по сохранившимся отломкамъ. ([34])

И на западъ отъ Урала, въ Елабужскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, давно находили отдѣльные экземпляры бронзоваго оружія—топоровъ, копій и стрѣлъ. Но къ болѣе правильнымъ археологическимъ поискамъ побудило открытіе знаменитаго *Ананьинскаго могильника*, который, при болѣе подробномъ и внимательномъ разслѣдованіи, оказался чрезвычайно важнымъ памятникомъ переходной эпохи отъ бронзы къ желѣзу. Поэтому мы прослѣдимъ подробнѣе исторію этого открытія и ознакомимъ читателей съ добытымъ изъ него богатымъ запасомъ древностей.

На западномъ берегу Камы, въ 5 верстахъ на юго-востокъ отъ города Елабуги (Вятской губ.), близь деревни Ананьино, на старомъ, высохшемъ руслѣ Камы, весенними разливами рѣки стало мало-по-малу размывать небольшой округлый холмъ и обнаруживать внутри его то человѣческія кости, то какіе-то древніе предметы неизвѣстнаго назначенія, которые, попадая въ руки сосѣднихъ поселянъ, безслѣдно исчезали для науки. Наконецъ, слухъ объ этихъ находкахъ дошелъ до одного изъ страстныхъ мѣстныхъ собирателей, а потомъ и до мѣстныхъ властей, и совокупными усиліями дальнѣйшее разграбленіе загадочнаго холма было хотя до нѣкоторой степени пріостановлено. Наконецъ, въ 1858 г. была предпринята и раскопка холма, который сталъ съ той поры извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ *Ананьинскаго могильника*.

*) *Кайло* или *кайла*—землекопное орудіе, въ видѣ тёсла или мотыки; оно плашмя изогнуто въ одну сторону.

[redacted]

По прибытіи на мѣсто, лица, принявшія на себя исполненіе этого ученаго предпріятія, нашли могильникъ поросшимъ осокорью, невысокимъ и довольно плоскимъ округлымъ холмомъ, въ вышину около трехъ аршинъ и двѣсти-девятнадцати шаговъ въ окружности. Старожилы еще помнили на холмѣ какіе-то большіе камни съ изсѣченными на нихъ изображеніями и знаками. Но изъ этихъ могильныхъ камней удалось спасти только одинъ; остальные, по разсказамъ сосѣднихъ поселянъ, еще въ 1835 г., были увезены съ холма однимъ изъ елабужскихъ горожанъ, которому они понадобились для кладки печи. Раскопка кургана была произведена при помощи сорока рабочихъ, не особенно умѣлыхъ и недостаточно осторожныхъ для выполненія столь важнаго археологическаго предпріятія; весь холмъ былъ пересѣченъ продольнымъ рвомъ, въ 25 саженъ длины, аршина въ два съ половиною ширины и глубины. Эта работа была произведена въ *одинъ* день, и результаты столь спѣшной раскопки были подробно переданы въ отчетѣ г. Алабина (чиновника удѣльнаго вѣдомства), завѣдывавшаго работою. Не смотря однако же на эту спѣшность, все добытое изъ могильника, оказалось весьма важнымъ для изученія нашихъ древностей бронзоваго вѣка: отрытые г. Алабинымъ черепа и вещи были доставлены въ Императорское Географическое общество и обратили на себя вниманіе всѣхъ русскихъ археологовъ.

Вскорѣ оказалось однако же, что раскопка, произведенная г. Алабинымъ, была лишь весьма поверхностна и далеко не исчерпывала всѣхъ сокровищъ, заключавшихся въ могильникѣ. Какъ до раскопки, такъ и послѣ нея, разливы Камы продолжали подмывать могильникъ, и крестьяне деревни Ананьино, по прежнему, каждую весну находили около могильника не малое количество вымытыхъ изъ него вещей, которыя и хранили у себя. По разслѣдованіямъ, произведеннымъ на мѣстѣ, оказалось, что, при первоначальной раскопкѣ, вскрыта была только одна пятая часть могильника. Императорская Археологическая Коммиссія командировала въ 1865 г. извѣстнаго археолога П. И. Лерха для посѣщенія Ананьинскаго могильника во время порученнаго ему объѣзда Вятской губерніи. Г. Лерхомъ также сдѣланы были раскопки какъ въ большомъ курганѣ, такъ и въ другомъ, подлѣ него, меньшемъ, и, кромѣ того, отъ Ананьинскихъ крестьянъ пріобрѣтено много вещей, добытыхъ ими изъ могильника ([35]). Хотя эти изслѣдованія и названы были въ Отчетѣ Коммиссіи за 1865 г. «окончательною развѣдкою» Ананьинскаго могильника, однако же одинъ изъ ревностныхъ розыскателей древности, г. Невоструевъ, посѣтивъ могильникъ въ іюлѣ 1870 г., нашелъ, «что разрыта только средина его, а оба бока, обѣщающіе еще довольно открытій, равно и другой, подлѣ разрытаго, меньшій курганъ, не вполнѣ еще изслѣдованы». Г. Невоструеву уда-

стяхъ погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ, заимствуемъ изъ отчета Г. Алабина описаніе остатковъ одного, болѣе прочихъ, замѣчательнаго скелета, повидимому, женскаго. «На одрѣ, сложенномъ изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ, стоймя поставленныхъ, кусковъ дерева,—оказался костякъ, лежавшій лицемъ къ сѣверу. Въ самомъ одрѣ и на поверхности его, у этого костяка, найдено много различныхъ вещей, а въ особенности горшковъ, наполненныхъ землистою массою и мелкими обугленными костями. Такихъ горшковъ находилось:—три большихъ подъ самою головою скелета, три маленькихъ у лѣвой щеки скелета, два горшечка у праваго бока, по два еще у обоихъ колѣнъ и одинъ у лѣвой ступни. Около головы найдено было украшеніе изъ глиняныхъ бусъ, покрытыхъ глазурью; у ногъ—бронзовыя бляшки и бронзовое ожерелье». Около костяковъ найдено было довольно много костей лошадиныхъ, а также и кости другихъ животныхъ, среди углей и пепла, собранныхъ въ грубо-лѣпленные горшки; при самыхъ костякахъ вырыто было множество оружія, утвари,

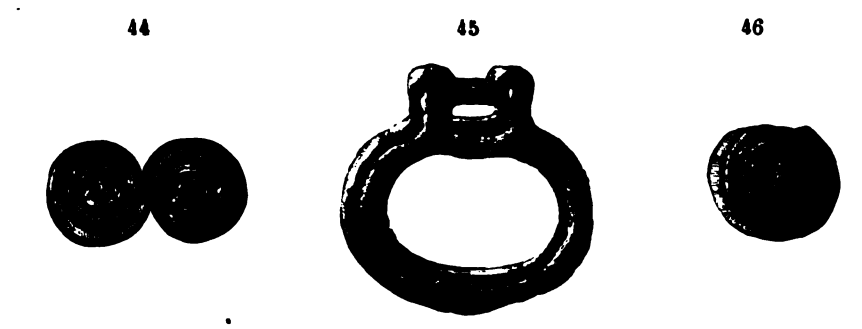


Рис. 44, 45, 46. Бронзовыя бляшки и желѣзное стремя, изъ Ананьинскаго могильника.

украшеній одежды и принадлежностей конской сбруи (см. рис. 44—46); наибольшая часть этихъ предметовъ сдѣлана изъ бронзы, меньшая часть изъ желѣза; нѣкоторая, наименьшая часть предметовъ, а именно наконечники стрѣлъ, найдены были сдѣланными изъ желѣза и изъ камня (кремневые). Присутствіе желѣзныхъ предметовъ среди предметовъ изъ бронзы ясно указываетъ на то, что всѣ найденныя въ могильникѣ вещи принадлежатъ къ концу бронзоваго вѣка, ко времени перехода отъ исключительнаго, преобладающаго употребленія бронзы къ замѣнѣ ея желѣзомъ. На древность могильника указываетъ и то обстоятельство, что всѣ предметы изъ желѣза представляютъ собою повтореніе формъ бронзоваго вѣка, въ видѣ кельтовъ, топоровъ, сѣкиръ и рѣзцовъ, и сдѣланы чрезвычайно грубо; бронзовые же топоры представляютъ, по своей формѣ, прямой переходъ отъ первобытной формы каменныхъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменнаго вѣка.

Что же касается ножей и кинжаловъ, то они всѣ желѣзные; нѣкоторые изъ нихъ снабжены черенками и рукоятками изъ бронзы, которыя, по формѣ своей, сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, отрываемыхъ въ курганахъ западной Сибири. Украшенія—всѣ изъ бронзы—представляютъ собою жгутообразные шейные обручи и поручи, цѣпочки, застежки и бляшки для нашиванія на одежду; орнаментъ на этихъ вещахъ состоитъ изъ грубо-отлитыхъ головокъ звѣрей, драконовъ, концентрическихъ круговъ, спиралей и зубчатыхъ линій.

Изъ вещей, принадлежащихъ къ домашнему обиходу любопытны добытые изъ могильника: два шиферныхъ точильныхъ камня, желѣзный клинокъ отъ маленькаго ножичка, бронзовое долото и бронзовыя шилья.

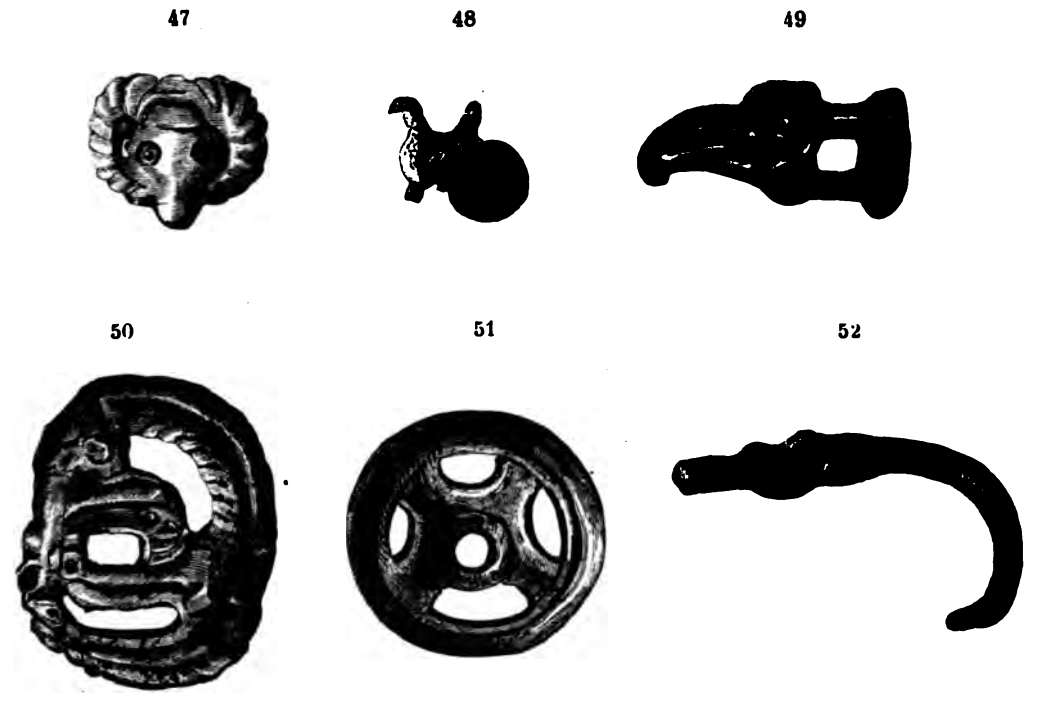


Рис. 47—52. Бронзовые предметы, имѣющіе, какъ полагаютъ символическое значеніе (оттуда-же).

Въ числѣ добытыхъ изъ могильника вещей вниманіе археологовъ въ особенности привлекла не большая группа предметовъ, которые могли имѣть значеніе только символическое или священное, можетъ быть, значеніе амулетовъ. Къ числу такихъ предметовъ слѣдуетъ отнести бронзовыя изображенія пѣтушка, бараньей головки и орлиной головки, изображеніе полумѣсяца, и бронзовое же колеско о четырехъ спицахъ, которое, какъ мы уже видѣли выше, являлось и среди предметовъ, добытыхъ изъ древнѣйшихъ скандинавскихъ могилъ бронзоваго вѣка ([36]).

СКИѲЫ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СКИѲЫ.

Общій видъ южно-русской степи.—Различные роды могильныхъ насыпей, попадающихся въ степи —Каменныя бабы.—Слѣды древнихъ обитателей степи.—Значеніе колоній, основанныхъ Греками на берегахъ Понта.—Посѣщеніе сѣверныхъ прибрежій Понта Геродотомъ.—Свѣдѣнія сообщаемыя Геродотомъ о Скиѳіи и Скиѳахъ.—Нечаянное открытіе въ Куль-Обской гробницѣ.—Розыски Геродотова Герроса.—Раскопки кургановъ въ Екатеринославской губ.—Внутреннее устройство и способъ раскопки большихъ могильныхъ насыпей.—Драгоцѣнныя находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ.—Значеніе Куль-Обской и Чертомлыцкой вазъ для изученія скиѳскаго быта.—Извѣстіе Геродота о Скиѳахъ, подтвержденныя и дополненныя данными, добытыми изъ Скиѳскихъ могилъ.—Соображенія о народности Скиѳовъ.—Скиѳы у позднѣйшихъ писателей.

Обширная площадь нынѣшней Европейской Россіи, какъ мы видѣли, была уже въ различныхъ мѣстахъ обитаема еще въ древнѣйшій, первобытный періодъ каменнаго вѣка. Мы видѣли также, какіе именно слѣды оставили вѣкъ каменный, а за нимъ и вѣкъ бронзовый—въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Важнѣйшую долю древнихъ остатковъ, сохранившихъ намъ память объ этой отдаленной старинѣ, находятъ обыкновенно въ тѣхъ могильныхъ насыпяхъ, которыя, подъ названіемъ сопокъ и кургановъ, тянутся на огромныя пространства по берегамъ рѣкъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи, и почти покрываютъ собою привольныя, черноземныя степи нашего Юга.

Около нѣкоторыхъ пунктовъ степи замѣчается особенно-большое скопленіе подобныхъ могильныхъ насыпей, какъ бы свидѣтельствующее о томъ, что населеніе степи именно въ этихъ пунктахъ собиралось особенно охотно и кочевало въ бо́льшемъ количествѣ. Трудно, конечно, рѣшить въ настоящее время, что именно привлекало степное населеніе при его перекочевкахъ къ тѣмъ или другимъ мѣстамъ степи, но, вѣроятно, условія, дѣйствовавшія на привлеченіе кочевниковъ, были усло-

віями довольно постоянными, такъ какъ въ подобныхъ мѣстностяхъ мы замѣчаемъ могилы не одного поколѣнія, не одного племени, а цѣлаго наслоенія племенъ, послѣдовательно перешедшихъ черезъ нашу южную степь, въ теченіе многихъ вѣковъ ея исторической жизни. Рядомъ встрѣчаются въ нашей южной степи могилы лихаго наѣздника казака-запорожца и заклятаго врага его—крымскаго татарина, и могилы скиѳскихъ царей, полныя драгоцѣннѣйшихъ утварей, принадлежащихъ по работѣ цвѣтущему періоду греческаго искусства, и бѣдныя могилы какихъ-то древнихъ, безъимянныхъ народовъ-пастырей, незнавшихъ ни бронзы, ни желѣза.

Самая внѣшность могилъ, чрезвычайно разнообразная, указываетъ уже на то, что всѣ онѣ насыпаны не однимъ какимъ-нибудь племенемъ,

Рис. 53. Александропольскій курганъ.

а — напротивъ того — многими племенами, которыя здѣсь проходили, останавливались и жили, пріобрѣтали имя и значеніе въ исторіи или безслѣдно для нея исчезали. И дѣйствительно, это различіе въ историческомъ значеніи отчасти выражается и въ характерѣ могильныхъ насыпей, которыя встрѣчаются въ степи. Большая часть кургановъ очень не значительна по объему, аршина 3—4 въ отвѣсѣ, и при томъ бока имѣютъ очень отлогіе, и отлогость эта въ такой степени увеличивается со временемъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій степной природы, что самыя насыпи наконецъ почти приравниваются къ окружающей ихъ степной поверхности. Такое постепенное пониженіе могильныхъ насыпей давало нѣкоторымъ изъ нашихъ ученыхъ поводъ къ предположенію, что эти насыпи вовсе не были дѣломъ рукъ человѣ-

ческихъ. Одинъ изъ нашихъ академиковъ, проѣзжая южною степью, замѣтилъ даже, что «по всей вѣроятности, эти бугры накиданы извѣстнаго рода сурками или байбаками, которыхъ ему не однократно приводилось заставать надъ подобною работою во время путешествія въ Киргизскую степь». ([38])

Но рядомъ съ этими стародавними, сравнявшимися съ землею, насыпями, встрѣчаются въ степи и другаго рода памятники, которые ужъ никакъ нельзя отнести къ работѣ сурковъ, даже и съ перваго взгляда. Памятники эти — курганы средней величины, въ высоту отъ двухъ до четырехъ саженъ и въ окружности около ста саженъ — представляютъ собою цѣлыя кладбища или могильники, прикрытые одною общею насыпью. Попадаются, кромѣ этихъ, среднихъ кургановъ, и другіе, гораздо болѣе замѣчательные; это большія насыпи, имѣющія около десяти саженъ высоты и болѣе полутораста саженъ въ окружности. Нѣкоторыя изъ такихъ большихъ насыпей, извѣстныя подъ названіемъ *толстыхъ могилъ*, представляютъ собою правильныя сооруженія, надъ которыми очевидно трудились много и долго, трудились руки опытныя въ земляныхъ работахъ и притомъ возводившія свое сооруженіе по опредѣленному, строго обдуманному плану. Бока такихъ громадныхъ могилъ обыкновенно бываютъ подперты снизу цоколемъ или обкладкой изъ громадныхъ, каменныхъ плитъ, въ 4—5 аршинъ длины, и все сооруженіе оказывается на столько прочнымъ, что, вѣроятно, даже мало измѣнилось въ своей внѣшности въ теченіе тѣхъ 2000 лѣтъ, которыя давно уже минули многимъ изъ подобныхъ кургановъ.

Рис 54. Каменная баба изъ придонскихъ степей.

Встрѣчается еще въ степи много могилъ и меньшей величины, но тоже обложенныхъ вокругъ камнемъ; есть, наконецъ, и могилы совершенно плоскія, безъ насыпи, кругомъ огражденныя стоймя вры-

тыми большими плоскими камнями, подобно могиламъ, доселѣ существующимъ въ Сибири и сѣверныхъ частяхъ средней Азіи.

Съ тѣми же отдаленными частями Азіи связываетъ нашу южную степь и еще одинъ родъ памятниковъ, встрѣчающихся всюду на могильныхъ насыпяхъ:—такъ называемыя «каменныя бабы». Подъ этимъ именемъ извѣстны грубоизваянные изъ камня истуканы, представляющіе то особъ мужескаго, то особъ женскаго пола, иногда въ совершенно обнаженномъ видѣ, иногда въ одеждѣ и вооруженіи съ довольно ясными признаками подробностей костюма и головнаго убора. Нѣкоторая часть каменныхъ бабъ представляетъ собою чисто-монгольскій типъ, особенно по формѣ глазъ. Нерѣдко между этими изваяніями встрѣчаются и такія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго. Кѣмъ и когда они были поставлены на курганы—это остается до сихъ поръ вопросомъ нерѣшеннымъ. Достовѣрно извѣстно намъ только то, что Рубруквисъ, миноритскій монахъ и посланникъ короля Людовика IX къ Мангу-хану въ 1253 г., уже видѣлъ въ нашихъ южныхъ степяхъ эти каменныя изваянія и описалъ ихъ подробно въ своемъ путешествіи. Но эти, каменныя бабы и тогда уже были такою древностью, о которой никто не могъ дать Рубруквису опредѣленныхъ свѣдѣній.

Новѣйшія-же изслѣдованія и сравненія различныхъ каменныхъ изваяній, извѣстныхъ подъ названіемъ «бабъ», привели къ тому любопытному выводу, что изваянія совершенно подобныя-же встрѣчающимся въ нашей южной степи, попадаются и на Востокѣ, въ степяхъ Оренбургскаго края, и въ далекой Сибири (въ Минусинскѣ и въ Семипалатинской области), а на Западѣ тянутся въ предѣлахъ Россіи до границъ Галиціи и Царства Польскаго (Калишская губ.). Ученые предполагаютъ, что «всѣ изваянія, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ, по общему между ними сходству и по существующему между этими изваяніями общему типу, какъ въ расположеніи фигуръ, такъ и въ подробностяхъ, должны принадлежать одному и тому-же народу, но на разныхъ степеняхъ его развитія». Наиболѣе грубыя изъ этихъ изваяній воздвигнуты еще въ концѣ бронзоваго вѣка; болѣе совершенныя принадлежатъ вѣку желѣзному; немногія относятся къ еще болѣе близкому времени, къ III—IV в. по Р. Хр. ([39])

И такъ, наша южная степь, даже и на первый взглядъ, и для каждаго, не посвященнаго въ археологію, наблюдателя представляетъ собою живую страницу изъ исторіи нашего Юга,—страницу, на которой народы, когда-либо избиравшіе югъ Россіи своимъ мѣстопребываніемъ, оставляли неизгладимые слѣды. Изъ предшествующаго обзора могильныхъ насыпей мы могли уже видѣть, что слѣды этихъ давнихъ насельниковъ нашего Юга на-столько разнятся между собою, что ихъ смѣшать не возможно, и что они сами собою говорятъ о тѣхъ

эпохахъ, которыя пережиты нашимъ Югомъ, о тѣхъ наслоеніяхъ племенъ, которыя въ эти эпохи постепенно наплывали на наши степи, владѣли ими нѣкоторое время, и исчезали подъ новыми, нахлынувшими на нихъ, волнами народовъ.

Изслѣдованіе могильныхъ насыпей нашей южной степи началось уже весьма давно, т. е. съ половины прошлаго вѣка; однако-же раскопки ихъ, даже и весьма тщательныя, и весьма дѣятельныя, конечно, не ознакомили-бы насъ съ послѣдовательнымъ ходомъ древнѣйшей исторіи нашего Юга, еслибъ эта исторія не была тѣсно связана съ исторіею богатѣйшихъ греческихъ колоній, явившихся на сѣверномъ

Рис. 55, 56. Каменныя бабы изъ приднѣпровскихъ степей.

берегу Понта, уже въ VI и VII вѣкѣ до Р. Хр.... «Въ періодѣ греческой жизни до македонскаго похода въ Азію»—замѣчаетъ Риттеръ—«было три событія, имѣвшія огромное вліяніе на расширеніе горизонта греческаго міросозерцанія. Эти событія—попытки проникнуть изъ бассейна Средиземнаго моря на востокъ и на западъ, и основаніе многочисленныхъ колоній отъ Геркулесовыхъ столбовъ до сѣверо-восточной части Понта, колоній, которыя, по своему политическому строю, были разнообразнѣе и болѣе благопріятствовали успѣхамъ духовной образованности, чѣмъ колоніи Финикіянъ и Карѳагенянъ въ Эгейскомъ морѣ, въ Сициліи, въ Иберіи, у сѣверныхъ, и западныхъ береговъ Африки». (40)

«Къ Скиѳамъ, въ теченіе двухъ столѣтій, въ VI и VII в.в. д Р. Хр., стали приходить греческіе поселенцы, тѣснимые на родин врагами и политическими партіями, и основывать тамъ колоніи, ко торыя, благодаря трудолюбію, торговымъ сношеніямъ, смышленност и уму пришлецовъ, превратились въ богатые, цвѣтущіе города, каков были Ольвія, Пантикапея и Фанагорія. Новые переселенцы пер несли на дикіе берега безпріютнаго моря, вмѣстѣ съ своею вѣрою, свой языкъ, и свою цивилизацію: цвѣтущій югъ нынѣшней Россіи принявшій имя Босфора Киммерійскаго, измѣнилъ совершенно сво физіономію. Эллинская цивилизація смягчила нравы первобытных жителей. Повсюду, въ городахъ и поселеніяхъ, въ рощахъ и на ут систыхъ мысахъ, возвышались храмы, сооруженные болѣе гуманным богамъ, не требовавшимъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, стол обычныхъ у Скиѳовъ. На огромномъ пространствѣ господствующим сдѣлался языкъ греческій. Отъ устьевъ Дуная, по всѣмъ берегам Чернаго моря, слышалась одна рѣчь и господствовала здѣсь въ течен цѣлаго ряда столѣтій, до временъ византійскихъ, что доказываетс множествомъ надписей, тутъ найденныхъ. Всѣ города были заложен по образцу греческихъ съ правильными улицами, съ акрополемъ, аго рой, гимназіей и театрами. Живая и дѣятельная торговля обогащал ихъ. Но что въ особенности отличало греческія колоніи во всѣхъ стра нахъ міра, было то, что онѣ переносили съ собой на новую родину свое искусство, этотъ мощный рычагъ цивилизаціи человѣческаго рода Греческіе художники слѣдовали за переселенцами и ихъ-то произве денія наложили окончательную печать эллинизма на новозавоеванну во имя цивилизаціи страну. Они-то украшали храмы изображеніям боговъ, площади—статуями доблестныхъ гражданъ и частную жизн безчисленными произведеніями». Вслѣдъ за художниками пришли ора торы, риторы, поэты.... Духовная и умственная жизнь быстро стал развиваться среди благопріятныхъ мѣстныхъ условій, способствова шихъ быстрому развитію матеріальнаго благосостоянія. ([41])

Въ пятомъ вѣкѣ до Р. Хр., правдивѣйшій и проницательнѣй шій изъ греческихъ историковъ, Геродотъ посѣтилъ сѣверны берега Понта, побывалъ въ греческихъ колоніяхъ близь устья Днѣстр и Днѣпра и занесъ въ свою исторію значительную долю того, что ем тамъ удалось увидѣть и услышать. Благодаря ему, мы имѣемъ во можность догадываться о томъ, кто именно населялъ наши южны степи въ этотъ отдаленный періодъ времени, и только теперь, когд «скупая земля выдаетъ намъ часть сокровищъ, хранящихся въ моги лахъ Скиѳовъ и Грековъ Босфора Киммерійскаго»—только теперь в состояніи мы оцѣнить все значеніе и достоинство такого безцѣннаг сокровища, какъ разсказъ Геродота о Скиѳіи.

Геродотъ даетъ общее названіе Скиѳовъ племенамъ, обитавшимъ отъ устьевъ Дона по прибрежьямъ Понта Евксинскаго. Чтобы ближе ознакомиться съ тѣмъ пространствомъ, которое занимала страна, обитаемая Скиѳами, Геродотъ предлагаетъ читателямъ своимъ даже и графическое изображеніе ея: онъ представляетъ ее въ видѣ равносторонняго прямоугольника, нижняя граница котораго простиралась отъ устья Дуная почти до устья Дона, захватывая и значительную долю Таврическаго полуострова. Длина этой границы измѣряется Геродотомъ очень наглядно: онъ считаетъ отъ устьевъ Дуная 10 дней пути на Днѣпровскаго лимана и столько-же отъ Днѣпровскаго лимана до востокъ къ Азовскому морю. Если на линіи этой южной границы мы построимъ остальныя стороны прямоугольника, простирая ихъ то сѣверъ также на 20 дней пути внутрь страны (около 600 верстъ), на мы получимъ нѣкоторое представленіе о границахъ Геродотовой Скиѳіи. Называя Скиѳовъ однимъ народомъ, Геродотъ однако-же подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько племенъ и не только даетъ каждому изъ нихъ особое названіе, но даже старается охарактеризовать называемое имъ племя или страну, обитаемую имъ, какою-нибудь особою чертою. Такъ напр., называя скиѳское племя Каллипидовъ, ближайшее къ богатой и могущественной Ольвіи, Геродотъ замѣчаетъ, что это—племя смѣшанное изъ Грековъ и Скиѳовъ. Выше Каллипидовъ живутъ, по Геродоту, Алазоны; какъ Алазоны, такъ и Каллипиды, во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѳовъ, кромѣ того, что сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазановъ живутъ *Скиѳы-оратаи*, «которые хлѣбъ сѣютъ не только для ѣды, но и для продажи»,—другими словами земледѣльцы по *преимуществу*. Но указывая на эту черту различія между Алазонами и Скиѳами-оратаями, Геродотъ этимъ самымъ даетъ возможность предположить, что Алазоны, вѣроятно, и по самымъ условіямъ территоріальнымъ, не могли избрать земледѣлія исключительнымъ занятіемъ, а по своему положенію на важномъ торговомъ пути Юга съ сѣверомъ Европы, вѣроятно, должны были отдавать преимущество транзитной торговлѣ передъ всѣми другими занятіями. Напротивъ того, Скиѳы-оратаи потому именно обращались къ земледѣлію, какъ занятію исключительному, что ихъ трудъ хорошо вознаграждался благодатными почвенными условіями ихъ области, доставляя имъ полную возможность снабжать сосѣдей избыткомъ своего промысла. Къ востоку отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, по указанію Геродота, обитали Скиѳы-пастыри, вовсе не занимавшіеся хлѣбопашествомъ. Земли ихъ тянулись до Донца; а за Донцомъ и по низовьямъ Дона, даже до горъ Таврическихъ на Югѣ,—простирались земли Скиѳовъ-Царскихъ, господствующаго Скиѳскаго племени, почитавшаго другихъ Скиѳовъ своими рабами.

Крайній востокъ, за рѣкою Дономъ, Геродотъ населяетъ обшир-

нымъ, но очевидно мало извѣстнымъ ему племенемъ Савроматовъ. Онъ перечисляетъ и другіе народы, обитавшіе въ восточной Европѣ, но внѣ предѣловъ Скиѳіи, и сообщаетъ о нихъ извѣстія, по своему баснословному характеру рѣзко-отличающіяся отъ извѣстій о Скиѳіи; такъ напримѣръ разсказываетъ онъ о какихъ-то людоѣдахъ, живущихъ за Неврами на сѣверо-западѣ, или объ одноглазыхъ людяхъ и чудовищныхъ Грифахъ, стерегущихъ золото за племенемъ Иссидоновъ на сѣверо-востокѣ. О бассейнѣ Волги Геродотъ не могъ получить никакихъ положительныхъ свѣдѣній и направленіе самаго Днѣпра, хорошо знакомаго Геродоту въ низовьяхъ, достовѣрно извѣстно ему только до пороговъ. По всей вѣроятности, достовѣрныя географическія свѣдѣнія греческихъ колонистовъ, въ Геродотово время, не восходили выше этихъ предѣловъ, отчасти, можетъ быть, и потому, что колоніи эти не стояли въ непосредственныхъ сношеніяхъ ни съ сѣверомъ, ни съ сѣверо-востокомъ, и предпріимчивые Греки уже и въ то время встрѣчали на среднемъ теченіи Днѣпра и на пространствѣ между Волгою и Дономъ другія торговыя племена, которыя служили имъ посредствующимъ звѣномъ въ сношеніяхъ съ отдаленными странами сѣвера и сѣверо-востока. Одною изъ такихъ посредствующихъ торговыхъ станцій представляется намъ на далекомъ сѣверо-востокѣ, въ землѣ Вудиновъ, тотъ деревянный городъ Гелонъ, который и населенъ былъ не Вудинами, а выходцами-греками изъ греческихъ приморскихъ городовъ. Жители этого Гелона даже и говорили на смѣшанномъ, полу-скиѳскомъ языкѣ.

Общее названіе *Скиѳъ*, а также и тѣ немногія слова скиѳскаго языка, которыя сохранилъ Геродотъ, не истолкованы еще до настоящаго времени достаточно ясно. Разборъ этихъ важныхъ названій и словъ принадлежитъ будущему филологической науки. Но по особенному счастію для насъ и для древнѣйшей исторіи нашего Юга. Геродотъ не ограничился однимъ краткимъ географическимъ очеркомъ Скиѳіи, а, по обычаю своему, прибавилъ къ нему и превосходный очеркъ скиѳскихъ нравовъ и обычаевъ, составляющій одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ его безсмертнаго творенія. Этотъ-то очеркъ скиѳскихъ нравовъ, подтвержденный изслѣдованіемъ могильныхъ насыпей въ нашихъ южныхъ степяхъ и дастъ многимъ ученымъ право не безъ основанія предполагать въ Скиѳахъ предковъ Славянъ.

Геродотъ рисуетъ намъ Скиѳовъ народомъ воинственнымъ и храбрымъ, у котораго мужество на войнѣ уважалось на столько-же, на сколько и любовь къ родинѣ и роднымъ обычаямъ. Нравы Скиѳовъ онъ описываетъ не только суровыми, жестокими, но даже кровожадными. Высшимъ богомъ является у Скиѳовъ богъ войны, которому не строили ни капищъ, ни кумировъ: изображеніемъ грознаго божества

[redacted]

являлся старый желѣзный мечъ, поставленный на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ. Ему ежегодно приносятъ въ жертву скотъ и лошадей; ему же и одного изъ сотни враговъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ. «Возливъ вино на головы людей,—такъ описываетъ Геродотъ скиѳскія человѣческія жертвоприношенія—зарѣзываютъ ихъ надъ сосудомъ, потомъ несутъ кровь на курганъ изъ прутьевъ и льютъ ее на мечъ». Еще болѣе оказываются жестокими ихъ военные обычаи: Скиѳы пьютъ кровь перваго, убитаго ими, врага, сдираютъ кожу (скальпъ) съ головы убитаго противника и, какъ трофей побѣды, вѣшаютъ ее на узду своего коня; кожу, содранную съ рукъ врага, обращаютъ въ обивку для своихъ колчановъ; изъ верхней части череповъ вражескихъ дѣлаютъ чаши, оправляя ихъ то въ кожу, то въ золото, и хвалятся ими на пирахъ передъ иноземцами».

При заключеніи союзовъ и принесеніи клятвы, Скиѳы опять прибѣгаютъ къ крови и оружію: «наливъ вина въ большую глиняную чашу, мѣшаютъ его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ или порѣзавъ ножомъ ихъ тѣло; потомъ погружаютъ въ чашу саблю, стрѣлы, сагаръ (родъ топора) и дротикъ. По совершеніи сего, произносятъ многія заклятія. Потомъ выпиваютъ чашу и заключавшіе союзъ, и важнѣйшіе изъ ихъ свиты».

Похваляя мужество Скиѳовъ и превознося ихъ воинскіе подвиги, Геродотъ всюду рисуетъ ихъ тактику, какъ тактику всѣхъ степныхъ народовъ: война постоянно на конѣ, завлеченіе непріятеля въ глубь безлѣсной и безводной степи, нападеніе изъ засады, быстрый и безпощадный натискъ на оплошнаго врага. Скиѳъ, на столько же неразлучный съ конемъ, какъ съ лукомъ и стрѣлами, конечно, представляется у Геродота отличнымъ наѣздникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Любопытенъ и еще одинъ обычай, упоминаемый Геродотомъ и, очевидно, составляющій также принадлежность воинственнаго племени, бытъ котораго былъ тѣсно связанъ съ его страстью къ войнѣ, находившей себѣ столь обширное примѣненіе въ привольныхъ степяхъ, лежавшихъ на рубежѣ Азіи, этой колыбели народовъ. «Ежегодно»—говоритъ Геродотъ—«каждый улусный старшина собираетъ Скиѳовъ своего улуса, растворяетъ чашу вина, которую пьютъ всѣ, истреблявшіе непріятелей на войнѣ. Не отличившихся военными подвигами старшина этимъ виномъ не угощаетъ: сидятъ они особо, безъ всякой почести, и это почитается у нихъ за ве-

Рис. 57. Скиѳы, пьющіе изъ рога.

ликое безчестье. Кто же убилъ очень много непріятелей, тѣ связываютъ даже и по два стакана и изъ обоихъ пьютъ вмѣстѣ».

Само собою разумѣется, что и у Скиѳовъ, какъ у всякаго воинственнаго племени, смерть и погребеніе должны были обставляться самыми пышными, торжественными обрядами. Даже и простыхъ смертныхъ родственники хоронятъ не сразу, а сначала, *въ теченіе сорока дней*, обвозятъ по всѣмъ ихъ друзьямъ; каждый изъ друзей угощаетъ провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая и мертвецу то же, что и другимъ». Послѣ такого сорокадневнаго объѣзда, покойника погребаютъ. Похоронивъ его, Скиѳы очищаютъ себя слѣдующимъ образомъ: изъ трехъ жердей и навѣшенныхъ на нихъ войлоковъ устраиваютъ плотно закрытый шалашъ, «потомъ въ ванну, стоящую посреди этого шалаша, бросаютъ раскаленное въ огнѣ каменье»,—и такимъ образомъ парятся.

Если смерть простого Скиѳа составляла для его родни и друзей такое событіе и вынуждала къ такимъ хлопотливымъ и дорогимъ церемо-

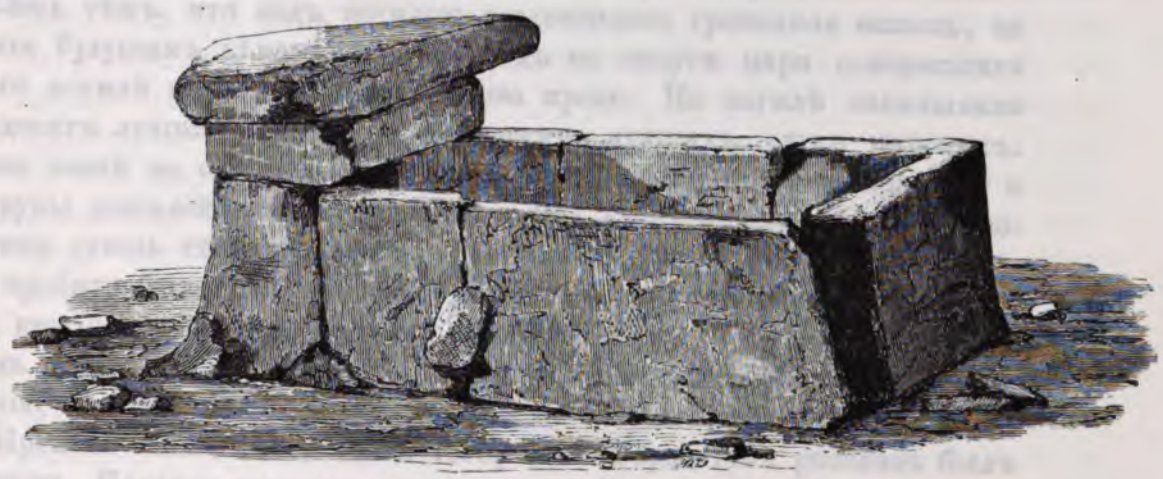


Рис. 58. Каменная гробница, найденная въ Луговой могилѣ.

ніямъ, то смерть скиѳскаго владѣтеля или царя производила волненіе во всей странѣ, до отдаленнѣйшихъ ея предѣловъ, тѣмъ болѣе, что, по издревле установившемуся обычаю, царей можно было хоронить только въ одномъ мѣстѣ Скиѳіи — въ Геррахъ.

«Гробницы царей»—повѣствуетъ Геродотъ—«находятся въ Геррахъ, въ томъ мѣстѣ, до коего можно плыть по Борисѳену. Тамъ, когда умретъ у нихъ царь, вырываютъ большую четвероугольную яму. Тѣло навощиваютъ, разрѣзываютъ брюхо, вычищаютъ его, наполняютъ изрубленнымъ ситовникомъ *), благовоніями, сѣменемъ петрушечнымъ и анисовымъ; потомъ зашиваютъ и везутъ тѣло на колесницѣ къ другому на-

*) *Ситовникъ* — земляной миндаль (Cyperus esculentus), на востокѣ и въ Европѣ, травянистое растеніе, клубни котораго содержатъ въ себѣ жирное масло и вкусомъ напоминаютъ миндаль.

роду. Кто привезенное тѣло приметъ, дѣлаютъ тоже, что и Царскіе Скиѳы: урѣзываютъ себѣ ухо, остригаютъ волосы, порѣзываютъ кругомъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри, и прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами. Отсюда везутъ тѣло царево къ другому народу, Скиѳамъ подвластному, а тѣ, къ кому привезено оно было прежде, сопровождаютъ его. Объѣхавъ съ тѣломъ всѣхъ, привозятъ оное къ Геррамъ, послѣднему изъ народовъ, подвластныхъ Скиѳамъ, гдѣ находится мѣсто погребенія. Тутъ кладутъ тѣло въ ложницѣ на кровати и, водрузивъ по сторонамъ его копья, сверху ихъ кладутъ брусья, на коихъ потомъ дѣлаютъ крышу изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ остальномъ же пространствѣ ложницы, удушивъ одну изъ наложницъ царевыхъ, виночерпія, повара, конюшаго, письмоводца, вѣстоносца, лошадей—погребаютъ съ первенцами всего прочаго имущества и золотыми фіалами; ибо серебра и мѣди не употребляютъ. Совершивъ сіе, всѣ наперерывъ засыпаютъ покойника землею, стараясь сдѣлать могилу какъ можно выше».

Какъ ни велико было это торжество погребенія, но оно не заканчивалось тѣмъ, что надъ могилою воздвигалась громадная насыпь, на память будущимъ вѣкамъ. Черезъ годъ по смерти царя совершались на его могилѣ поминки—лилась снова кровь. На могилѣ закалывали пятьдесятъ лучшихъ коней и пятьдесятъ лучшихъ слугъ царскихъ. Трупы коней на особыхъ подставахъ разставляли кругомъ могилы, а на трупы лошадей сажали верхомъ трупы удавленныхъ юношей, пропустивъ сквозь тѣло ихъ колъ и укрѣпивъ его въ той жерди, которою пробито было тѣло лошади. Поставивъ такимъ образомъ всадниковъ кругомъ могильнаго холма, всѣ удалялись... Жертва, достойная народа степнаго, для котораго конь былъ важнѣйшею частью его достоянія, а жизнь человѣческая не имѣла большой цѣны!

Прошли тысячелѣтія послѣ того, какъ Геродотовъ разсказъ былъ написанъ. Исчезли давнымъ давно не только слѣды посѣщенныхъ имъ богатѣйшихъ греческихъ колоній, но и слѣды тѣхъ могущественныхъ народовъ, которые стерли ихъ съ лица земли. Имя «Скиѳовъ» начинало позабываться и давало поводъ только къ географическимъ спорамъ; правдивымъ разсказамъ Геродота о бытѣ Скиѳовъ, о ихъ нравахъ, о несмѣтныхъ богатствахъ, которыми они обладали, о торжественныхъ погребеніяхъ скиѳскихъ царей начинали не довѣрять, относя ихъ къ области басень... И вдругъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, совершенно неожиданное открытіе дало возможность на мгновенье заглянуть въ это отдаленное прошлое, и блистательно подтвердило разсказы Геродота: одному изъ археологовъ-любителей представился случай (съ тѣхъ поръ, увы! не повторившійся болѣе) увидѣть въ одномъ изъ кургановъ южной Россіи полную, дивно-сохранившуюся картину погребенія скиѳскихъ владыкъ, во всемъ ея высокоторжественномъ великолѣпіи. Это

случилось въ окрестностяхъ Керчи, вообще богатыхъ курганами и доставившихъ Императорскому Эрмитажу драгоцѣнный музей, извѣстный подъ названіемъ «Отдѣленія Керченскихъ Древностей».

Въ Сентябрѣ 1831 года, по распоряженію начальства, назначено было доставить въ Керчь, для постройки казармъ, нѣсколько сотъ саженъ тесанаго камня, а такъ какъ этотъ камень жители Керчи обыкновенно въ ту пору добывали изъ кургановъ, ни мало не тревожась тѣмъ, что это служитъ къ разрушенію историческихъ памятниковъ, то и на этотъ разъ за тесанымъ камнемъ отправились за 6 верстъ отъ города къ нетронутому еще кургану, прозванному Татарами Куль-Оба (т. е. *земля пепла*). Добывая изъ него камни, 21 Сентября открыли внутри его могильный склепъ, котораго входъ былъ тщательно заложенъ. Сдѣлавъ сверху отверстіе, открыватель вошелъ въ склепъ. Вотъ что представилось его глазамъ:

Подъ балдахиномъ, на возвышенномъ ложѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ лежали царь и царица. Митра царя была украшена двумя золотыми повязками. На шеѣ находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота. Много золотыхъ колецъ покрывали его руки. Возлѣ него лежало царское оружіе: мечь съ золотой рукоятью, золотой скипетръ, безцѣнный щитъ изъ массивного золота и золотое налучье. Голова царицы была украшена точно такою же митрою, съ превосходными повязками. Шея ея была украшена золотыми обручами и пятью золотыми медальонами. На обоихъ, на царѣ и царицѣ, одежда была украшена золотыми бляхами. Оба саркофага были окружены множествомъ драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ золота и серебра; въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ, драгоцѣнный по изображеніямъ сценъ изъ домашняго быта Скиѳовъ, музыкальный инструментъ превосходнѣйшей работы, съ гравированными на немъ фигурами, электровыя статуэтки и т. д.

Пока открыватель съ археологическою точностью описывалъ положеніе каждаго предмета, въ Керчи разнеслась вѣсть о сокровищахъ, открытыхъ въ курганѣ Куль-Оба. Утомленный трехдневными трудами, простодушный открыватель покинулъ склепъ, оставивъ его подъ присмотромъ полицейскаго чиновника съ двумя служителями. Произошло нѣчто неслыханное: ночью, шайка грабителей, оттолкнувъ часовыхъ, проникла въ склепъ, пренебрегая всѣми опасностями, грозившими жизни дерзновенныхъ, такъ какъ потрясенный каменный сводъ ежеминутно грозилъ рухнуть внутрь гробницы. Началась страшная сцена грабежа: похитители безжалостно ломали тѣ предметы, за которые хваталось нѣсколько человѣкъ, и по-ровну дѣлили ихъ между собою. Но этого мало! Въ самомъ разгарѣ грабежа, грабители услышали, что каменный полъ, находившійся подъ ногами ихъ, издаетъ глухой гулъ. Тотчасъ подняты были каменныя плиты, и подъ верхнимъ склепомъ

[redacted]

открытъ нижній, въ которомъ былъ схороненъ отецъ или прадѣдъ скиѳскаго царя. Говорятъ, что находки того склепа были еще богаче...

Когда открыватель на другое утро (24 Сентября) явился на мѣсто своей находки, онъ увидѣлъ, что склепъ совершенно расхищенъ: только кое-гдѣ на полу валялись забытыя и растерянныя бляхи отъ одежды. Позднѣе, на вѣсъ золота, подъ обѣщаніемъ полной безнаказанности, удалось скупить часть похищенныхъ предметовъ, составляющихъ нынѣ главное сокровище Императорскаго Эрмитажа. Все прочее попало тайкомъ въ плавильный горшокъ и исчезло безслѣдно. Такъ погибли навсегда для науки безцѣннѣйшія произведенія древняго искусства» ([43]).

По счастью, въ числѣ предметовъ, сохранившихся отъ этой замѣчательной находки, уцѣлѣла драгоцѣнная небольшая ваза, на ко-

Рис. 60. Сцена совѣщанія съ Куль-Обской вазы.

торой Скиѳы превосходно изображены со всѣми подробностями своего костюма и вооруженія. Мы воспроизводимъ ее здѣсь вполнѣ, въ натуральную величину *), и затѣмъ, въ отдѣльныхъ медальонахъ, даемъ три остальныхъ сцены, размѣщенныя художникомъ вокругъ вазы. Замѣтимъ кстати, что ваза сдѣлана не изъ чистаго золота, а изъ *электрона*, особаго сплава золота и серебра, который, по показанію Плинія, состоялъ изъ 4-хъ частей золота и одной части серебра ([44]).

Главною группою изъ числа четырехъ, изображенныхъ на Куль-Обской вазѣ, слѣдуетъ, конечно, считать *сцену совѣщанія*, въ ко-

*) $3^1/_2$ вершка вышины; 3 вершка въ поперечникѣ нижней части; 2 неполныхъ—въ поперечникѣ верхней части. См. рис. 59, приложенный нами въ началѣ этого выпуска.

торой скиѳскій вождь (судя по повязкѣ на головѣ), сидя на небольшомъ земляномъ бугоркѣ и опираясь на копье, слушаетъ то, что передаетъ ему другой Скиѳъ, который, по степному, сидитъ на землѣ, поджавъ ноги. Вождь приложилъ лобъ къ древку копья, и слушаетъ молча, а Скиѳъ, сидящій передъ нимъ, судя по выраженію лица и жестамъ, разсказываетъ что-то съ большимъ оживленіемъ. Обращая вазу вправо,—вслѣдъ за этою группою, встрѣчаемъ мы другую, состоящую изъ одной фигуры: Скиѳъ, преклонивъ колѣно, старается натянуть тетиву на лукъ. Далѣе, въ томъ же направленіи, слѣдуютъ еще двѣ группы—каждая изъ двухъ лицъ. На первой, одинъ Скиѳъ щупаетъ у другаго во рту зубъ, на который обращено все его вниманіе. Лицо паціента выражаетъ страданіе отъ физической боли: онъ даже крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. На второй группѣ, Скиѳъ перевязываетъ рану на ногѣ того же Скиѳа-паціента. Всѣ участвующіе въ группахъ Скиѳы одѣты одинаково, и одинаково неразлучны со своимъ любимымъ оружіемъ, не большимъ лукомъ, вложеннымъ въ налучье, съ особымъ при немъ карманомъ для стрѣлъ. Часть этого налучья, съ концомъ лука, торчащаго изъ-за спины Скиѳа, можетъ даже показаться для непривычнаго глаза чѣмъ-то въ родѣ спинки стула, хотя дѣйствіе всѣхъ вышеописанныхъ группъ, очевидно, происходитъ въ степи, на голой землѣ, какъ это видно изъ того, что художникъ не забылъ на своемъ произведеніи изобразить и траву, и цвѣты у ногъ Скиѳовъ ([45]).

Нельзя отрицать того, что открытіе, сдѣланное въ Куль-Обской гробницѣ, много способствовало возбужденію въ средѣ нашихъ ученыхъ вновь интереса къ розысканіямъ въ области скиѳскихъ древностей. Но, собственно говоря, только въ концѣ 50-хъ годовъ, вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ въ Малой-Азіи и весьма важныхъ для исторіи Скиѳовъ, вопросъ о Скиѳахъ былъ снова выдвинутъ на первый планъ въ европейской наукѣ. Это побудило Археологическую Коммиссію, одновременно съ раскопками въ Керчи, обратиться и къ раскопкамъ въ приднѣпровскихъ степяхъ, а впослѣдствіи и въ Землѣ войска Донскаго ([46]).

На очереди явился вопросъ объ опредѣленіи положенія и предѣловъ Геродотова *Герроса*, относительно котораго существовало большое разногласіе въ мнѣніяхъ ученыхъ. Одни видѣли Геродотовъ *Герросъ* въ мѣстности ниже пороговъ, насупротивъ Никополя, гдѣ окрестности села Малая Знаменка «покрыты буграми, между которыми и теперь еще видны слѣды искусственныхъ холмовъ, водоемовъ и окоповъ, а въ пескѣ находятъ въ чрезвычайномъ множествѣ остатки глиняной посуды (донышки, горлышки, ручки), кости человѣческія и кости домашнихъ животныхъ, древнія монеты, золотыя кольца, пуговицы и бляшки греческой работы съ различными выпуклыми изображеніями. Другіе пріурочиваютъ Герросъ къ такъ называемому Бѣлозерскому городку, въ 9

Рис. 61. Сцена ощупыванья зуба, съ Куль-Обской вазы.

Рис. 62. Сцена перевязки ноги (оттуда-же).

верстахъ ниже Знаменки, гдѣ и доселѣ сохранились высокіе двойные валы и глубокіе рвы, ограждающіе не большую площадь, усѣянную курганами. Около этого городка стоятъ четыре кургана значительной высоты, а не въ дальнемъ оттуда разстояніи, по горѣ, идетъ цѣлый рядъ большихъ кургановъ, обѣщающихъ обильную жатву будущимъ изслѣдователямъ, судя по тому, что окрестные жители уже находили въ городкѣ и въ курганахъ золотыя украшенія, конскую сбрую и большіе глиняные сосуды, подобные греческимъ амфорамъ ([47]). Третьи ученые, наконецъ, указывали на приднѣпровскую степь выше пороговъ (въ Екатеринославской губ.), весьма богатую высокими и большими могильными насыпями, какъ на мѣстность Геродотова Герроса, и многія счастливыя находки, сдѣланныя при раскопкахъ въ этой мѣстности, по-видимому, заставляютъ предполагать, что именно здѣсь-то и хоронили нѣкогда скиѳскихъ царей.

Первыя раскопки, предпринятыя для уясненія этого вопроса, произведены были въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близь Днѣпровскихъ пороговъ.

Здѣсь, въ 1853 г., близь с. Александрополя (въ 50 верстахъ отъ Днѣпра и 30 отъ Базувлука) раскопана была громадная Луговая могила, господствовавшая надъ окружающей степью болѣе чѣмъ на 25 верстъ въ окружности. Подъ ея циклопическимъ основаніемъ, состоявшимъ изъ такихъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, которыя съ трудомъ могли ворочать 15 человѣкъ — открыты обширныя подземелья. Хотя главная могила и оказалась до-чиста разграбленною, однако же находки въ боковыхъ подземельяхъ (въ могилѣ коней) были весьма важны въ научномъ отношеніи. Изъ этихъ подземелій отрытъ былъ полный наборъ верховой сбруи на нѣсколько коней, сдѣланный почти весь изъ золота; одинъ недоуздокъ, съ шеи лошади, вѣсилъ около полуфунта чистаго золота. Всѣ украшенія эти признаны были за греческія издѣлія, подобныя вещамъ, найденнымъ въ Куль-Обской гробницѣ, и принадлежащія несомнѣнно къ III или IV в. до Р. Хр.

Открытія эти побудили Коммиссію приступить въ томъ же году къ раскопкѣ могильныхъ насыпей, расположенныхъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Луговой могилы, по величавымъ размѣрамъ своимъ обѣщавшихъ обильную жатву для археолога. Но раскопки *Близницъ* (*) близь с. Марьевки не привели къ желаемымъ результатамъ. Въ нихъ открыты были цѣлыя кладбища:—десять, двѣнадцать остововъ лежали въ бѣдныхъ гробницахъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка. Костяки находимы были въ гробницахъ скорченными, лежавшими то на

*) *Близницами* называютъ мѣстные жители тѣ курганы, которые стоятъ попарно, невдалекѣ одинъ отъ другаго, и притомъ — схожи по внѣшности.

боку, то навзничь. У одного изъ остововъ лежало въ головахъ кремневое остріе копья; у другаго, за плечами – плоскій, мѣдный наконечникъ копья; у иныхъ— по простому глиняному горшку нынѣшней поваренной формы и у двухъ—по обыкновенной рѣчной раковинѣ. Всѣ эти гробницы, повидимому, составляли одну группу, тѣсно связанную съ Луговою могилою. Въ первой погребены были останки властелина, въ остальныхъ— останки рабовъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ могилу.

Въ 1860 г., продолжая изслѣдованія въ той же полосѣ, Коммиссія избрала для раскопокъ такъ называемыя *толстыя* могилы *).

Изъ толстыхъ могилъ подвергнуты изслѣдованію сначала *Краснокутская*, въ 20 верстахъ отъ *Луговой* могилы, на дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь, у Краснокутской станціи. При раскопкѣ ея приходилось преодолѣвать большія трудности, такъ какъ слой дикарнаго камня, ограждавшій всю нижнюю часть насыпи снаружи, доходилъ мѣстами до 1 сажени толщины. Главная гробница тоже оказалась разграбленною, но въ боку насыпи были отысканы 70 удилъ, обломки колесницы и серебряныя украшенія узды, по характеру совершенно сходныя съ вещами, отрытыми изъ Луговой могилы.

Рядомъ, въ 60 саженяхъ отъ Толстой Краснокутской могилы разрытъ былъ меньшій курганъ, и въ немъ открыто также цѣлое кладбище, совершенно подобное отрытому въ 1859 г. въ вышепомянутыхъ Близницахъ. При остовахъ были только глиняные горшки и болѣе никакихъ вещей.

Затѣмъ работы были перенесены на 50 верстъ къ юго-востоку, на толстыя могилы у с. Бѣленькаго (въ 4 верстахъ отъ Днѣпра), а въ 1861—на могилы Острую (на востокъ отъ села Токмаковки), Близницы Слоновскія и могилу Каменную, все въ томъ же Екатеринославскомъ уѣздѣ. Результаты изслѣдованій были чрезвычайно скудны, при весьма значительныхъ затратахъ на работы, такъ какъ раскопка требовала весьма большихъ и сложныхъ земляныхъ сооруженій ([18]).

Но за то результаты, добытые изслѣдованіями 1862 и 1863 года, вполнѣ вознаградили Коммиссію за то благородное упорство, съ которымъ она продолжала свои поиски въ Екатеринославской губерніи. Въ 1862 г. начата была раскопка Толстой Чертомлыцкой могилы, въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ 20 къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Никополя (на берегу Днѣпра, на выходѣ изъ пороговъ), и сокровища, доставленныя этой могилой, превзошли всѣ ожиданія археологовъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ подробному исчисленію всѣхъ предметовъ, добытыхъ изъ знаменитой Чертомлыцкой могилы—считаемъ

*) Объясненіе этого названія см. выше на стр. 59.

не излишнимъ дать понятіе читателю, въ нѣсколькихъ словахъ, о внутреннемъ устройствѣ всѣхъ подобныхъ могильныхъ сооруженій и о способѣ ихъ раскопки.

Достовѣрно извѣстно то, что насыпаніе могилы производилось съ юга къ сѣверу; отъ этого, по естественной причинѣ, южный бокъ кургана становился всегда наиболѣе отлогимъ, а сѣверный наиболѣе крутымъ, такъ что въ большихъ насыпяхъ, такихъ какъ, напр. Чертомлыцкая могила, строители вынуждены были подкрѣплять этотъ бокъ рядами или гнѣздами камней, чтобы удержать въ отвѣсномъ положеніи почти рыхлую насыпь чернозема. «Этотъ способъ насыпанія могилы, конечно, не былъ случайнымъ, а напротивъ,—представляетъ неизмѣнное условіе, которое, можетъ быть, служило выраженіемъ вѣрованій, освящавшихъ, безъ сомнѣнія, каждый шагъ и каждое дѣйствіе въ обрядахъ. сопровождавшихъ похороны и самое сооруженіе подземнаго памятника.»

Внутреннее устройство толстыхъ могилъ оказывается чрезвычайно сложнымъ. Въ большей части случаевъ онѣ состояли изъ одной центральной ямы, съ правильно-окопанными и выглаженными стѣнами, и изъ нѣсколькихъ боковыхъ гробницъ, соединенныхъ между собою правильно-устроенными подземными ходами. Въ иныхъ гробницахъ главная, центральная яма соединена была особымъ потайнымъ ходомъ съ обширнымъ подземельемъ, находившимся въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ гробницъ.

Центральныя гробницы служили усыпальницами для тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ воздвигались самые курганы. Въ боковыхъ гробницахъ погребались кони, убитые на могилѣ покойнаго, а также и тѣ лица, которымъ суждено было сопровождать покойника за предѣлы жизни. Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что всѣ гробничныя ямы одинаково копались до извѣстнаго слоя *бѣлой* глины, который всюду въ При-днѣпровьѣ лежитъ подъ слоемъ чернозема, слоемъ желтоватой и слоемъ красноватой глины, иногда на $2^1/_2$, иногда же и на 6 саж. глубины отъ поверхности степи. Само собою разумѣется, что и въ этомъ условіи погребенія, какъ и въ способѣ насыпанія могилы съ юга на сѣверъ, нельзя не видѣть одной изъ важныхъ обрядовыхъ подробностей погребенія скиѳскихъ владыкъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, становится совершенно понятнымъ, что раскопка такихъ громадныхъ могильныхъ насыпей представляла чрезвычайныя трудности и должна была производиться съ величайшею осторожностью. Голова или вершина кургана обыкновенно вся снималась сажени на четыре отъ вершины, а затѣмъ образовавшаяся на курганѣ площадь пересѣкалась широкимъ рвомъ въ 21 и болѣе сажень шириною. Ровъ этотъ прокапывался уступами, постепенно съуживаясь къ глубинѣ кургана до 15—16 сажень.

Медленность раскопокъ значительно увеличивалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, углубившись до той поверхности, на которой уже можно было ожидать нѣкоторыхъ находокъ, гробари должны были производить раскопку не обыкновеннымъ способомъ, а *штыхомъ*, т. е. горизонтальнымъ поднятіемъ слоя земли отъ 6 до 8 вершковъ одновременно по всей площади. Эта осторожность дѣлала раскопки настолько медленными, что нѣкоторыя изъ нихъ не успѣвали оканчивать въ теченіе одного года. Такъ, напримѣръ, и раскопка Чертомлыцкой могилы, начатая въ 1862 году, была окончена въ 1863 г.

Но сокровища, добытыя изъ этой могилы (они одни могли бы составить цѣлый музей!) вознаградили съ лихвою за тяжкіе двухлѣтніе труды, и значительно способствовали разъясненію вопроса о загадочномъ Герросѣ.

Во время двухъ-лѣтнихъ раскопокъ изъ Чертомлыцкой могилы добыты были во множествѣ бляхи бронзовыя, до 250 штукъ желѣзныхъ удилъ, изображенія драконовъ, грифовъ, львовъ и птицъ, которыя насаживались, по видимому, на древки и украшали собою шатры или колесницы, золотыя пластинки, раковины, глиняныя амфоры, золотые и серебряные обручи, золотыя и серебряныя серьги греческой работы, масса стрѣлъ и копій, сѣдельный нарядъ, бронзовая чаша и ведерце, около 700 штукъ разновидныхъ золотыхъ бляхъ съ различными изображеніями для нашиванія на одежду, золотые перстни, золотыя украшенія изъ пластинъ съ изображеніемъ Медузиной головы, Геркулеса со львомъ и проч. Однимъ словомъ, около 2500 предметовъ отдѣльныхъ древностей! Въ числѣ ихъ вниманіе археологовъ обратили на себя:

1) два массивныхъ золотыхъ перстня, съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки на одномъ изъ нихъ и быка на другомъ;

2) золотое массивное кольцо и нѣсколько прорѣзныхъ бляхъ изъ листоваго золота;

3) шесть мечей, рукоятки которыхъ обложены листовымъ, чеканнымъ золотомъ, съ изображеніемъ на пяти изъ нихъ фантастическихъ животныхъ, а на шестомъ — овцы, бычачьихъ головъ и нѣсколькихъ всадниковъ, охотящихся на дикихъ козъ;

4) круглый мусатъ *) съ золотой рукоятью и золотой наконечникъ отъ ноженъ меча;

5) двѣ большія пластинки чеканеннаго золота, съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи; одна изъ этихъ пластинъ служила, повидимому, украшеніемъ налучья, другая—украшеніемъ ноженъ меча. Обѣ признаны относящимися несомнѣнно къ періоду высшаго процвѣтанія греческаго искусства ([49]).

---

*) Круглая или граненая стальная пластинка для оттачиванія ножей.

Рис. 63—70. Предметы золотые и бронзовые, добытые изъ скиѳскихъ могилъ.

И, несмотря на все богатство добытыхъ изъ Чертомлыцкой могилы древностей, главная гробница ея оказалась расхищенной. Грабителямъ однако же удалось, вѣроятно, воспользоваться немногимъ; неожиданный обвалъ земли помѣшалъ дальнѣйшему расхищенію: рядомъ съ сокровищами, снесенными изъ главной гробницы въ одно изъ отдѣльныхъ подземелій, при раскопкахъ отысканъ былъ и скелетъ одного изъ грабителей, и лампа, при свѣтѣ которой производилось расхищеніе. «Форма этой лампы, сдѣланной изъ бронзы, въ 6 рожковъ, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что могила ограблена еще въ древности. На это указываетъ также и то обстоятельство, что въ курганѣ открытъ одинъ только ходъ, проведенный прямо къ (главной) гробницѣ. Ясно, что грабители еще хорошо были знакомы съ внутреннимъ устройствомъ гробницы, между тѣмъ какъ расхитителямъ Александропольской (Луговой) могилы пришлось сначала провести въ различныхъ направленіяхъ нѣсколько болѣе или менѣе извилистыхъ ходовъ, прежде нежели удалось отыскать настоящую гробницу» ([50]).

Другіе обвалы, подобные только что упомянутому нами, и совершившіеся, вѣроятно, еще до попытокъ расхищенія главной гробницы въ Чертомлыцкомъ курганѣ — способствовали тому, что боковыя подземелья, устроенныя въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной гробницы, уцѣлѣли отъ рукъ грабителей. Одно изъ этихъ подземелій доставило археологіи возможность дополнить важными подробностями сообщаемыя Геродотомъ свѣдѣнія о погребеніи у Скиѳовъ и, сверхъ того, сохранило для науки одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, *которому подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ музеевъ Европы* *) — знаменитую серебряную вазу, извѣстную подъ названіемъ Чертомлыцкой или Никопольской Скиѳской вазы Императорскаго Эрмитажа.

Въ этомъ подземельѣ открыты были два остова—мужской и женскій. Первый лежалъ въ деревянномъ, раскрашенномъ саркофагѣ, признаки котораго еще видны были въ остаткѣ красокъ и перетлѣвшаго дерева. На шеѣ женскаго остова находился золотой массивный обручъ, съ изображеніемъ льва по концамъ; на лбу лежала золотая чеканенная пластинка, въ родѣ вѣнчика съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ; при ушныхъ отверстіяхъ были двѣ золотыя серьги съ подвѣсками; вокругъ головы и по сторонамъ верхней части скелета до кистей рукъ шелъ рядъ золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніями на нихъ сидящей женщины и стоящей передъ нею мужской фигурки. Бляшки эти, повидимому, служили украшеніемъ покрова, отъ котораго на нихъ еще сохранились признаки пурпуровой

*) Замѣчаніе академика Стефани.

ткани. На кистяхъ рукъ были гладкіе золотые браслеты и стеклянныя бусы, а на каждомъ пальцѣ по золотому перстню. Одинъ изъ этихъ перстней, съ праваго мизинца, украшенъ рѣзнымъ изображеніемъ летящей птицы (гуся?); остальные девять — гладкіе. Возлѣ правой руки лежало круглое бронзовое зеркало съ костяною ручкою, а съ лѣвой— между тазомъ и ребрами—найденъ небольшой шарообразный черноватый камень.

У мужскаго скелета были только на рукахъ небольшіе бронзовые браслеты; съ лѣвой стороны—колчанъ со стрѣлами и ножикъ (желѣзный) съ костяною ручкою; нѣсколько далѣе лежала обыкновенная амфора.

Вблизи этихъ двухъ остововъ и была открыта серебряная Никопольская ваза, о которой мы говорили выше. Подлѣ этой вазы стояло на круглой подставкѣ большое серебряное желобчатое блюдо или скорѣе—плоская круглая чаша о двухъ ручкахъ; а на этомъ блюдѣ лежала большая серебряная ложка, ручка которой оканчивается кабаньей головой.

Раскопка Чертомлыцкаго кургана, произведенная подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока русской старины И. Забѣлина, привела къ важнымъ результатамъ по изученію подробностей скиѳскаго быта.

«Всѣ вещи Чертомлыцкаго кургана, почти безъ исключенія—замѣчаетъ академикъ Стефани, — носятъ на себѣ отпечатокъ лучшаго греческаго стиля IV столѣтія до Р. Хр....» Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы ясно видимъ, что здѣсь греческое искусство явилось исключительно къ услугамъ Скиѳа. Нѣкоторыя вещи могли быть употреблены *только Скиѳомъ*; другія, судя по украшеніямъ, предназначены были *для Скиѳа*. Если затѣмъ принять въ соображеніе мѣстоположеніе гробницы, находящейся вдали отъ греческихъ поселеній, среди степей, далеко простирающихся отъ нихъ на сѣверъ, на берегахъ Борисѳена (Днѣпра), *то можно-ли сомнѣваться въ томъ, что передъ нами гробница скиѳскаго царя IV в. до Р. Хр.* ([51]). Съ другой стороны, открытія, сдѣланныя въ Чертомлыцкой могилѣ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ и на тѣ находки очевидно свиѳскихъ древностей, которыя за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ сдѣланы были около Керчи.

«Бросается въ глаза и въ высшей степени заслуживаетъ вниманія»—говоритъ г. Стефани—«почти совершенное сходство большей части мелкихъ украшеній и вещей, найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, съ предметами, открытыми въ Куль-Обской гробницѣ. Сходство это такъ велико, что невольно приходится предположить, что всѣ они сдѣланы не только въ одно и тоже время, но отчасти даже на одной и той же фабрикѣ. Если, слѣдовательно, до сихъ поръ позволительно было думать, что Кульобскій курганъ заключалъ въ себѣ гробницу

знатнаго Грека, можетъ быть пантикапейскаго архонта, который до извѣстной степени усвоилъ себѣ скиѳскіе обычаи, *то теперь скорѣе становится вѣроятнымъ*, что одинъ изъ скиѳскихъ вельможъ, по временамъ жилъ въ Пантикапеѣ, какъ царь Скиллъ въ Ольвіи, и потомъ тамъ умеръ и схороненъ» ([52]).

По важности своего значенія для археологіи, первое мѣсто въ числѣ предметовъ, добытыхъ изъ Чертомлыцкаго кургана, занимаетъ, конечно, Никопольская серебряная ваза. Она важна не только потому, что представляетъ собою одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній греческаго искусства IV в. до Р. Хр., но еще болѣе потому, что служитъ, вмѣстѣ съ Куль-Обской вазой, главнымъ основаніемъ для изу-

Рис. 71. Скиѳы, ухаживающіе за конями (первая группа съ фриза Никопольской вазы).

ченія скиѳскихъ древностей, такъ какъ верхняя часть украшена изображеніями Скиѳовъ, ухаживающихъ за конями, и эти изображенія живо знакомятъ насъ со многими сторонами ихъ степнаго быта.

Сознавая вполнѣ значеніе этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника, мы сообщаемъ здѣсь его подробное описаніе и затѣмъ, съ разрѣшенія академика Стефани, сообщаемъ важнѣйшія выдержки изъ его превосходныхъ объясненій къ изображеніямъ, помѣщеннымъ по фризу вазы.

Сосудъ этотъ вышиною въ $15^3/_4$ вершка, въ самой широкой своей части имѣетъ въ поперечникѣ $8^3/_4$ вершка. Онъ сдѣланъ изъ серебра;

но, кромѣ того, подножіе, шейка, ручки и всѣ предметы, рельефно изображенные на разныхъ частяхъ вазы, — густо вызолочены, тогда какъ собственно основная поверхность остальныхъ частей не покрыта позолотою.

Ваза имѣетъ форму амфоры и, очевидно, была предназначена для храненія при пиршествахъ вина. Поэтому внутрь ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такія же ситечки видимъ и въ трехъ носикахъ, придѣланныхъ къ нижней части вазы, для выцѣживанія жидкости.

Носику, помѣщенному на передней сторонѣ сосуда, художникъ придалъ форму лошадиной головы, украшенной двумя крыльями и лучезарнымъ вѣнцомъ. Оба боковые носика сдѣланы въ видѣ львиныхъ головъ. Всѣ три головы припаяны и густо вызолочены. Чтобы жидкость, находящаяся внутри вазы, не вытекала, отверстія въ этихъ носикахъ затыкались пробками, прикрѣпленными къ небольшимъ серебрянымъ цѣпочкамъ. Отъ одной изъ такихъ цѣпочекъ еще сохранилась часть при одной изъ львиныхъ головъ.

Нижняя часть вазы, вплоть до фриза, украшена различными рѣзными изображеніями травъ, птицъ и цвѣтовъ. Кругомъ всей вазы, по фризу, группами, размѣщены фигуры Скиѳовъ и коней, сильнымъ рельефомъ (мѣстами, болѣе чѣмъ на половину) выступающіе изъ фона. Выше ихъ, на самыхъ плечахъ сосуда, помѣщены художникомъ изображенія грифоновъ, терзающихъ оленя.

Помѣщая въ книгѣ нашей важнѣйшія группы, заимствованныя съ фриза этой вазы, важныя по бытовымъ подробностямъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщаемъ, рядомъ съ этими изображеніями, объясненія академика Стефани, съ удивительною ясностью истолковывающаго намъ смыслъ и значеніе всѣхъ группъ, помѣщенныхъ на фризѣ, въ ихъ общей связи и въ соотвѣтствіи съ замысломъ художника.

«Всѣ человѣческія фигуры, помѣщенныя на фризѣ нашей серебряной вазы, очевидно, изображаютъ Скиѳовъ. Передъ нами»—говоритъ почтенный академикъ—«пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей. Ни у одного нѣтъ шапки на головѣ, но всѣ отличаются густыми, длинноостриженными волосами, какіе еще и теперь точно также носятъ русскіе крестьяне и которые повторяются на множествѣ другихъ древнихъ изображеній Скиѳовъ».

«Въ очертаніи лицъ этихъ фигуръ также довольно ясно высказывается скиѳскій типъ, хотя онъ и не выраженъ такъ опредѣленно, какъ на знаменитомъ Куль-Обскомъ золотомъ сосудѣ, отчасти потому, что на послѣднемъ фигуры представлены еще въ бо́льшемъ видѣ, отчасти же и оттого, что золото противится вліянію времени несравненно сильнѣе, нежели серебро. Кромѣ того, формы теряютъ опредѣленность своихъ частей тѣмъ легче, чѣмъ выпуклѣе рельефъ».

Рис. 72. Скиѳы, ухаживающіе за конями (вторая группа съ фриза Никопольской вазы).

«За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ эти Скиѳы представлены въ короткихъ сапогахъ, которые не только стянуты ремнемъ на лодыжкахъ, какъ на вышепомянутомъ Куль-Обскомъ сосудѣ, но и скрѣплены другимъ ремнемъ, идущимъ поперегъ подошвы. Кромѣ того, на каждомъ изъ Скиѳовъ длинные широкіе шаровары, которые также, какъ на Куль-Обскомъ сосудѣ, заткнуты, кажется, за сапоги, но будучи шире и длиннѣе, чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ».

«Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ теперешній казацкій кафтанъ (казакинъ). Наконецъ, у двухъ Скиѳовъ виситъ на поясѣ пустой *коритъ* (родъ налучья)».

«Разсматриваемая нами композиція, очевидно, изображаетъ поимку или, можетъ быть, дрессировку кровныхъ царскихъ коней, свободно скитающихся по степи. Мѣстомъ дѣйствія служитъ самая степь. Двѣ лошади еще спокойно пасутся на ней. Двумъ другимъ два конюха накинули на головы длинныя веревки съ петлями, но онѣ еще надѣются бѣгствомъ спастись отъ своихъ преслѣдователей, которые всею силою стараются унять неукротимыхъ. Веревки, состоявшія изъ тонкихъ, неприкасавшихся къ поверхности вазы, серебряныхъ нитей, пострадали отъ времени; но на рукахъ человѣческихъ фигуръ еще видны слѣды этихъ нитей, отъ которыхъ, кромѣ того, найдены были еще небольшія части возлѣ вазы».

«Затѣмъ, съ правой стороны зрителя, ближе къ главной группѣ, слѣдуетъ Скиѳъ, который смирно стоящему возлѣ него своему коню спутываетъ переднія ноги хорошо сохранившеюся веревкою. Во всемъ ряду изображеній это единственный степной конь не улучшенной породы. Кажется, что видишь передъ собою одну изъ нынѣшнихъ киргизскихъ лошадей: съ такою удивительною вѣрностью переданы особенности этой породы. На конѣ сѣдло и узда, которыя также отдѣланы художникомъ во всѣхъ частностяхъ чрезвычайно тщательно. Конь этотъ, очевидно, принадлежитъ не къ царской конюшнѣ, какъ остальныя лошади, а прислугѣ царской, которая, можетъ быть, только что согнала въ одно мѣсто разбѣжавшихся по степи коней чистой крови. По исполненіи этой обязанности, ему спутываютъ переднія ноги съ тѣмъ, чтобы онъ могъ пастись на степи, но въ случаѣ нужды и опять могъ быть пойманъ безъ труда».

«Съ другой стороны главной группы художникъ также помѣстилъ отдѣльнаго Скиѳа, спокойно стоящаго рядомъ съ лошадью. Но этотъ конь принадлежитъ къ чистѣйшей породѣ. Онъ зануздан, но безъ сѣдла. Конюхъ одною рукою приподнимаетъ ему лѣвую переднюю ногу

такъ, какъ это еще и до сихъ поръ дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится укрощать очень дикихъ лошадей. Но заставивъ лошадь стоять только на одной передней ногѣ, ему необходимо, чтобы центръ тяжести всей передней части тѣла лошади заключался въ этой одной ногѣ, а потому онъ, въ то же самое время, другою рукою натягиваетъ ремень уздечки такимъ образомъ, что лошадь принуждена повернуть голову совершенно на правую сторону, прямо къ зрителю. Этимъ онъ переноситъ центръ тяжести передней части тѣла животнаго въ линію правой передней ноги, такъ что лошадь въ состояніи спокойно стоять на этой одной ногѣ. Но этимъ самымъ художникъ получилъ возможность представить взору зрителя все благородство очертаній лошади. Эта-то группа фриза, очевидно, и должна производить самое сильное впечатлѣніе».

«Въ центрѣ главной группы художникъ помѣстилъ другаго коня чистѣйшей крови, а по обѣимъ сторонамъ его по два Скиѳа. Трое изъ нихъ спутали ноги его веревками и тянутъ ихъ изо всѣхъ силъ къ себѣ. Серебряныя нити, посредствомъ которыхъ изображены были эти веревки, обломились, не бывъ прикрѣплены къ поверхности вазы. Но на рукахъ Скиѳовъ еще ясно видны слѣды этихъ веревокъ».

«Другой Скиѳъ, стоящій позади этого коня, занятъ только самимъ собою. Онъ скинулъ сапоги и обнажилъ правую часть груди и правую руку, снявъ соотвѣтствующую часть своего кафтана. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ не большую чашечку или какую-то другую вещь, а правая свободная рука, какъ доказываетъ совершенно свѣжій ея изломъ, къ сожалѣнію, отбита и не найдена при вынутіи вазы изъ гробницы. Можно думать, что принимая участіе въ укрощеніи коня, конюхъ былъ имъ раненъ и осматриваетъ свою рану ([53]).

Въ заключеніе своего замѣчательнаго разбора академикъ Стефани говоритъ положительно: «какъ самое содержаніе изображенія (по фризу вазы) не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что сосудъ этотъ былъ сдѣланъ для богатаго Скиѳа, такъ оно, въ то же время, ясно указываетъ на близкое знакомство художника со скиѳскими нравами, и заставляетъ думать, что онъ или имѣлъ постоянное пребываніе въ одной изъ греческихъ колоній южной Россіи, или, по крайней мѣрѣ, долго жилъ въ этихъ мѣстахъ» ([54]).

Подземелья Чертомлыцкаго и нѣкоторыхъ другихъ кургановъ, вмѣстѣ съ открытыми въ нихъ сокровищами, могутъ служить «самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ Геродотова сказанія о погребеніи скиѳскихъ царей» ([55]). Мало того—они даже могутъ пополнить сохраненныя намъ Геродотомъ свѣдѣнія нѣсколькими новыми чертами, которыхъ мы не находимъ у Геродота. Такъ напримѣръ, раскопки *толстыхъ* могилъ Екатеринославской губ. заставили прійти къ заключенію, что вели-

[redacted]

колѣпіе погребенія въ царскихъ гробницахъ еще усугублялось тѣмъ, что всѣ стѣны подземелій увѣшивались великолѣпными одеждами, которыя были покрыты множествомъ нашитыхъ на нихъ золотыхъ бляхъ. Бляхи были отысканы на кучахъ перетлѣвшихъ одеждъ, а въ стѣнахъ подземелій открыты даже и тѣ крючья, на которыхъ одежды

Рис. 73. Скиѳы, ухаживающіе за конями (третья группа съ фриза Никопольской вазы.

Рис. 74. Золотыя нашивныя бляшки, служившія Скиѳамъ для украшенія одежды.

висѣли. Съ другой стороны въ толстой могилѣ Краснокутской найдены были двѣ кучи обломковъ отъ колесницы и при нихъ до 70 желѣзныхъ удилъ. «Быть можетъ», замѣчаетъ археологъ въ своемъ отчетѣ объ этой раскопкѣ, «это была та самая колесница, въ которой, по свидѣтельству Геродота, возили останки царя по всѣмъ подвластнымъ ему

[redacted]

въ родѣ лентъ или обручиковъ, къ которымъ прикрѣплялись особыя пуговицы висюльками». Вожди носили «золотыя ленточныя перевязи въ родѣ вѣнчиковъ, которые у насъ теперь кладутъ на покойниковъ».

«На шеѣ и цари, и царицы, и ихъ слуги, какъ вѣроятно и всѣ знатные Скиѳы, носили *гривны*, т. е. обручи золотые, литые, въ полфунта и въ фунтъ вѣсомъ», а меньшіе люди—легкіе, бронзовые; концы этихъ гривнъ *украшались* изображеніями львовъ, грифовъ, сфинксовъ и фигурами самихъ Скиѳовъ. «На рукахъ у кистей и даже выше локтя носились браслеты; на пальцахъ—перстни. Около ушей царицы найдены были въ гробницахъ серьги, состоявшія изъ колецъ — съ семью подвѣсками каждое», — форма многократно отысканная и потомъ при курганныхъ раскопкахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и даже въ самой Москвѣ.

Вооруженіе Скиѳа заключалось въ короткомъ прямомъ мечѣ, длиною 12—15 вершковъ, считая въ томъ числѣ и рукоять въ 3 вершка. У царя Куль-Обской гробницы найденъ былъ великолѣпный мечъ, длиною въ 17½ вершковъ. Но главное вооруженіе Скиѳа былъ его лукъ и стрѣлы. На поясѣ Скиѳа, опускаясь по лѣвому бедру, всегда висѣлъ лукъ въ налучьѣ, т. е. въ футлярѣ, который, въ тоже время, содержалъ особый, небольшой боковой кошелекъ для стрѣлъ». По замѣчанію академика Стефани, «лукъ и стрѣла врядъ-ли пользовались у другаго народа такимъ почетомъ, какъ именно у Скиѳовъ, у которыхъ оружіе это носили даже вожди. На Куль-Обскомъ золотомъ сосудѣ, Скиѳъ, который, судя по головной повязкѣ и по всей его позѣ, долженъ быть принятъ за вождя, также вооруженъ лукомъ въ налучьи, наравнѣ съ остальными воинами» ([58]).

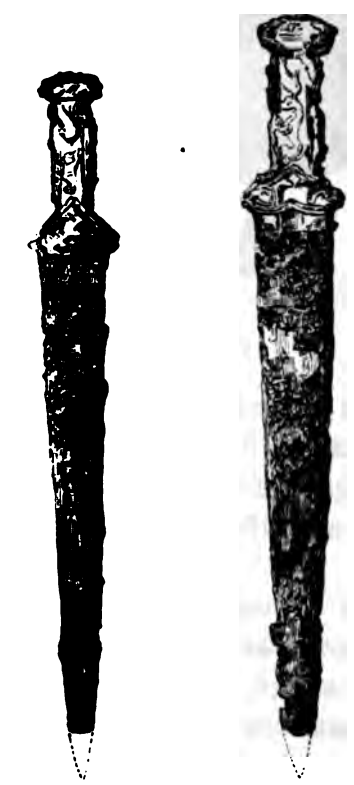


Рис. 75. Скиѳскіе мечи, отрытые изъ могилъ.

«Нѣкоторые Скиѳы»—говоритъ г. Забѣлинъ—«носили и броню, состоявшую изъ желѣзныхъ пластинокъ, которыя нашивались на одежду; остатки такой брони и были отысканы при раскопкѣ могилы».

Главнымъ богатствомъ Скиѳа, какъ степнаго наѣздника по преимуществу, являлся, конечно, его конь. Судя по сохранившимся на Чертомлыцкой вазѣ изображеніямъ, простой Скиѳъ довольствовался очень простою ременной уздечкой и довольно первобытнымъ сѣдломъ; но раскопки могилъ, въ которыхъ похоронены были скиѳскіе цари или вель-

можи, дали намъ возможность получить полное представленіе о великолѣпіи убора, которымъ украшали коней своихъ знатные Скиѳы.

«Конскій уборъ главнымъ образомъ сосредоточивался въ уздечномъ приборѣ, состоявшемъ изъ круглыхъ большихъ и малыхъ бляхъ, украшавшихъ связки узды и оголови;' спереди у узды былъ наносникъ *) въ видѣ конской, грифовой или другой подобной головки; большія бляхи, въ видѣ змѣй или другихъ подобныхъ фигуръ, покрывали щеки коня. Кромѣ того, иногда еще особыми большими пластинками, длиною въ 9½ вершковъ, покрывались переносье и лобная часть головы коня. Въ одной изъ южно-русскихъ могилъ такія пластины были открыты золотыя и великолѣпно украшенныя ([59]). «Сверхъ всего этого убора на шеѣ

76 77 78

Рис. 76—78. Скиѳскіе котлы, добытые при раскопкѣ кургановъ.

коня въ иныхъ случаяхъ навѣшивались длинныя желѣзныя цѣпочки съ бляхами въ видѣ полумѣсяца, съ привѣсками изъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, въ родѣ гремящихъ цѣпей, въ конскомъ уборѣ XVII столѣтія» и какъ задняя, такъ и передняя часть сѣдла обивалась чеканенными золотыми пластинками ([60]).

Живя подлѣ Грековъ и сносясь съ ними безпрестанно, скиѳскіе цари, судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ, были очень богаты разнородною посудою, по преимуществу греческой работы: бронзовыми и серебряными чашами, блюдами, ложками и другими предметами домашняго обихода. Даже и вино хранилось въ большихъ греческихъ глиняныхъ амфорахъ. Пили Скиѳы изъ роговъ и сосудовъ, напоминающихъ формою наши старинныя братины. Для отрѣзыванія мяса у каждаго Скиѳа былъ въ запасѣ свой небольшой ножикъ съ костяною ручкою. Для натачиванія ножа употреблялось особое точило или мусатъ въ

*) *Наносникъ*—поперечный, а иногда и накрестъ положенный ремень уздечки, на носу лошади или повыше, между переносьемъ и лбомъ.

Рис. 79—86. Разнообразныя фигурки изъ коньковъ, которыя были употребляемы Скиѳами, какъ украшенія.

видѣ небольшой палочки. Но конечно важнѣйшею частью скиѳской утвари, при степной жизни Скиѳовъ, былъ котелъ, въ которомъ они варили себѣ пищу. Котлы эти дѣлались въ видѣ объемистой кругловатой чаши, на высокомъ стоянцѣ въ видѣ ножки, съ ручками въ видѣ козловъ (скорѣе каменныхъ барановъ), придѣланныхъ къ верхнему краю котла; ихъ ставили прямо на землю и подъ ними разводили огонь ([61]).

Въ дополненіе ко всему, сказанному выше о подробностяхъ скиѳскаго быта, слѣдуетъ добавить, что и въ скиѳскихъ курганахъ, какъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, было найдено много предметовъ, пока еще не объясненныхъ. Можно только догадываться, что нѣкоторые

87

88

Рис. 87—88. Изображеніе грифоновъ, служившія, какъ полагаютъ, навершьями къ древкамъ знаменъ.

изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ скиѳскимъ вѣрованіямъ. Къ числу подобныхъ изображеній можно отнести такъ часто находимыя въ гробницахъ фигуры грифовъ, крылатыхъ львовъ, крылатыхъ драконовъ, сфинксовъ, оленя, быка, птицъ, кабановъ. Подобныя-же изображенія являются и навершьями къ древкамъ знаменъ и къ столбикамъ погребальныхъ колесницъ. Къ этому-же разряду предметовъ слѣдуетъ отнести и тѣ раковины (такъ наз. змѣиныя головки), и тѣ челюсти какого-то маленькаго животнаго, нанизанныя на нитку или ремешокъ, о которыхъ мы упоминали уже выше, а также и обдѣланные въ золото медвѣжьи когти, отысканные въ нѣкоторыхъ гробницахъ, и въ на-

шей старинѣ также игравшіе немаловажную роль въ видѣ óбереговъ или амулетовъ ([62]).

Чѣмъ болѣе удаляются извѣстія о Скиѳахъ отъ времени Геродота, тѣмъ болѣе становятся они темны и сбивчивы. Позднѣйшіе писатели греческіе—Діодоръ, Страбонъ, Діонъ Хризостомъ и Птоломей—говоря о Скиѳіи и приводя множество названій отдѣльныхъ скиѳскихъ племенъ, мало прибавляютъ новыхъ свѣдѣній къ бытовымъ даннымъ Геродота. Изъ всего, сообщаемаго ими, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что подъ общимъ именемъ Скиѳовъ могутъ скрываться различныя народности. Слово *Скиѳія* то употреблялось въ значеніи общаго названія страны, обнимавшей весь Востокъ Европы, то въ болѣе ограниченномъ значеніи страны, лежавшей за Танаисомъ (Дономъ) — какъ думалъ Страбонъ—ближе къ предѣламъ Азіи. На основаніи этихъ извѣстій мы можемъ прійти только къ тому заключенію, что скиѳскія племена часто вели между собою войны, которыми, вѣроятно, пользовались для своей выгоды Греки, «а иногда, по доброй волѣ или по необходимости, вступали въ союзы между собою или съ какимъ нибудь пришлымъ народомъ. Въ тотъ же продолжительный періодъ времени постепенно крѣпли и вырабатывались особенности наиболѣе живучихъ скиѳскихъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче опредѣлялись ихъ національныя отличія. Такимъ-то образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подготовлялась возможность образованія болѣе прочныхъ племенныхъ союзовъ на Востокѣ Европы» ([63]).

Изъ тѣхъ же извѣстій, сообщаемыхъ греческими писателями, узнаемъ, что въ началѣ перваго вѣка до Р. Хр. Скиѳы принимаютъ участіе въ борьбѣ Митридата, царя Понтійскаго, съ могущественнымъ Римомъ. Сто лѣтъ спустя, Діонъ Хризостомъ, свидѣтель-очевидецъ, посѣтившій Ольвію въ 81—90 гг. по Р. Хр., описываетъ намъ Скиѳовъ и Сарматовъ какъ кочевниковъ, которые, не имѣя нигдѣ постоянныхъ жилищъ, безпокоятъ нападеніями своими греческія поселенія и въ то же время находятся между собою въ постоянной враждѣ. Плиній уже прямо заявляетъ, что отъ Скиѳовъ сохранилось только одно имя, которое произвольно переносится писателями отъ одного племени къ другому и придается то Германцамъ, то Сарматамъ. И мы дѣйствительно видимъ, что у позднѣйшихъ писателей византійскихъ, общее названіе *Скиѳовъ* является въ значеніи *варваровъ вообще* и примѣняется къ Гуннамъ!

Ближайшее изученіе всего, что сообщаютъ намъ о Скиѳахъ писатели греческіе, въ связи съ изученіемъ тѣхъ памятниковъ, которыми обогатили археологическую науку раскопки на югѣ Россіи — привело ученыхъ новѣйшаго времени къ тому заключенію, что обширная группа скиѳскихъ народовъ несомнѣнно заключала въ себѣ элементъ славян-

скій. Вотъ почему и неудивительно, что мы въ подробностяхъ Геродотова разсказа о нравахъ скиѳскихъ, и въ данныхъ, доставленныхъ изслѣдованіемъ скиѳскихъ могильныхъ насыпей—видимъ много чертъ, явно изобличающихъ сродство Скиѳовъ съ племенами славянскими.

Любопытнымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія могутъ намъ служить тѣ очерки скиѳскихъ нравовъ, которые встрѣчаемъ у византійца Приска Панійскаго въ его отчетѣ о странствованіяхъ посольства, отправленнаго изъ Византіи къ Аттилѣ, въ 448 г. по Р. Хр.

Прискъ, сопровождавшій посольство въ качествѣ секретаря и совѣтника, близко видѣлъ Гунновъ, прожилъ довольно долгое время при дворѣ Аттилы и совершилъ большое путешествіе по землямъ, завоеваннымъ грознымъ владыкою Гунновъ. Давая общее названіе *Скиѳовъ* всѣмъ племенамъ, обитающимъ въ при-дунайскихъ и при-карпатскихъ мѣстностяхъ, Прискъ въ то же время называетъ этихъ Скиѳовъ «сборищемъ разныхъ народовъ» и говоритъ, что они, кромѣ «своего варварскаго языка», охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готѳовъ. Когда же онъ переходитъ къ описанію скиѳскихъ нравовъ и обычаевъ, то мы безъ затрудненія узнаемъ Славянъ въ Скиѳахъ Приска. Такъ, напримѣръ, эти Скиѳы, по его описанію, отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ; иноземцы, поселившіеся между ними, ведутъ жизнь спокойную и беззаботную. На встрѣчу Аттилѣ выходятъ попарно скиѳскія дѣвушки, держась за руки и распѣвая пѣсни, а жена его главнаго вельможи принимаетъ Аттилу у порога своего дома съ хлѣбомъ-солью. Скиѳянки-рабыни, окружающія одну изъ женъ Аттилы, испещряютъ разноцвѣтными вышивными узорами полотняныя покрывала (полотенца, убрусы), которыя варвары, ради красы, любятъ носить поверхъ своей одежды. Самые дома Скиѳовъ, по описанію Приска, красиво отстроенные изъ бревенъ и украшенные тесовой рѣзьбой, напоминаютъ наши сѣверныя избы. Но и этого мало. Прискъ, вдаваясь въ подробности быта Скиѳовъ, доставляетъ намъ еще болѣе матеріаловъ для сравненія: его Скиѳы стригутъ волосы въ кружокъ, парятся въ баняхъ (которыя даже и у знатныхъ людей занимаютъ самое видное мѣсто среди ихъ двора), пьютъ медъ и «добываемое изъ ячменя питье, которое на своемъ варварскомъ языкѣ называютъ *камосъ* (квасъ?)» (64).

Приводя всѣ эти подробности о бытѣ Скиѳовъ, Прискъ въ то же время сообщаетъ намъ, что между Скиѳами его времени еще живы были въ видѣ преданій отголоски тѣхъ вѣрованій, съ которыми насъ знакомитъ разсказъ Геродота. Ясно, что и здѣсь, въ разсказѣ Приска, мы встрѣчаемся, подъ общимъ названіемъ Скиѳовъ, съ такою же смѣшанною народностью, съ какою насъ ознакомилъ безсмертный «отецъ исторіи» въ своемъ увлекательномъ разсказѣ о Скиѳіи. Въ Скиѳахъ Геродотовыхъ мы уже должны были отмѣтить нѣсколько бытовыхъ

[redacted]

чертъ, несомнѣнно славянскихъ; черезъ тысячу лѣтъ послѣ Геродота мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Византійца Приска, подъ тѣмъ-же общимъ наименованіемъ Скиѳовъ, еще болѣе опредѣлившійся типъ славянской народности.

Но и здѣсь, въ V в. по Р. Хр., какъ и 1000 лѣтъ назадъ, народность славянская еще не выступаетъ самостоятельно, открыто, подъ своимъ именемъ и со своимъ знаменемъ... Ее можно еще только угадывать среди несмѣтныхъ полчищъ Гунновъ, вынудившихъ и славянскія племена двинуться на Западъ и принять, вмѣстѣ съ ними, участіе въ разрушеніи Западной Римской Имперіи.

Рис. 89. Скиѳъ на конѣ (золотая бляшка, служившая украшеніемъ пояса).

СЛАВЯНЕ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СЛАВЯНЕ.

Общая картина разселенія Славянъ.—Важныя услуги, оказанныя сравнительнымъ языкознаніемъ изученію древнѣйшаго быта Славянъ въ періодѣ арійскомъ и общеславянскомъ.—Очеркъ быта Славянъ по извѣстіямъ иностранцевъ.—Значеніе источниковъ.—Жилища Славинъ.—Занятія и образъ жизни.—Вооруженіе и способы веденія войны.—Бытъ семейный и общественный.—Наружность Славянъ; одежда; характеръ и природныя свойства.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Руси, доставляемыя лѣтописью.—Рано развившійся городской бытъ.—Два вида городовъ.—Значеніе городищъ.—Городская жизнь.—Промыслы и ремесла.—Сословія.—Пути и способы торговли.—Особенности семейнаго быта.—Двѣ формы браковъ.—Бѣдность религіозныхъ вѣрованій.—Воззрѣніе на смерть и загробную жизнь.—Два способа погребенія мертвыхъ.—Различіе въ обрядахъ сожженія, подтверждаемое археологическими данными.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Славянахъ, какъ объ отдѣльной народности, у византійскихъ писателей не восходятъ далѣе VI вѣка. До этого времени Византійцы не говорятъ намъ ничего точнаго и опредѣленнаго о Славянахъ. Весь сѣверо-востокъ Европы представлялся Византійцамъ сплошь заселеннымъ Скиѳами. Скиѳовъ видѣли Греки и на сѣверъ отъ Чернаго моря, въ степяхъ между Дономъ и Волгою, и на сѣверъ отъ устьевъ Днѣпра, хорошо и близко знакомыхъ греческимъ колонистамъ, заселявшимъ сѣверные берега Понта Евксинскаго. Слово «Скиѳъ», какъ мы уже видѣли выше, вовсе не являлось для Грека названіемъ племени, имѣющимъ опредѣленный этнографическій смыслъ.

Вполнѣ соотвѣтствующимъ, по степени неопредѣленности, греческому названію Скиѳовъ являлось латинское названіе «Сарматовъ». Подъ общимъ названіемъ Сарматіи у римскихъ писателей разумѣется вся обширная равнина сѣверо-восточной Европы, простиравшаяся на в. отъ Балтійскаго моря и Вислы, и на юго-востокъ до самаго Дона и Каспійскаго моря. Эта Сарматія, подобно Скиѳіи Грековъ, также рисовалась въ воображеніи римскихъ писателей сплошнымъ простран-

*

[redacted]

ствомъ степей и лѣсовъ, заселенныхъ дикими и неукротимыми племенами кочевниковъ. Такою и должна была представляться Римлянину эта мрачная и недоступная его завоеваніямъ даль, обширное поле какихъ-то громадныхъ народныхъ движеній, страна, черезъ которую непрестанно, какъ грозныя тучи, надвигались и шли на Европу все новыя и новыя орды варваровъ, передъ которыми начинало трепетать, склоняться и отступать римское могущество.

Мало-по-малу, однако-же, этотъ сарматскій мракъ начинаетъ разсѣяваться: Сарматію начинаютъ подраздѣлять на части; изъ сплошной массы ея населенія выдѣляются постепенно отдѣльныя племена. Писатели перваго вѣка нашей эры (Тацитъ и Плиній Старшій) уже знаютъ о существованіи Венетовъ, отдѣльнаго племени сарматскаго, которое отличаютъ и отъ германскихъ, и отъ финскихъ племенъ, его близкихъ сосѣдей, а затѣмъ называютъ намъ по имени и другое племя, «Сербовъ», жившее, какъ они полагаютъ, далѣе къ востоку. Имя *Сербы* или *Сервы* (у Прокопія—*Споры*), какъ кажется, дошло къ византійскимъ писателямъ отъ самихъ Славянъ, какъ одно изъ ихъ туземныхъ племенныхъ названій; имя *Венетовъ*, *Венедовъ*, напротивъ того, было придано Славянамъ Германцами и уже черезъ нихъ перешло къ ихъ южнымъ сосѣдямъ. Рядъ свидѣтельствъ о Венетахъ тянется до VII в. по Р. Хр., и на основаніи этихъ свидѣтельствъ можно предполагать, что область ихъ поселеній занимала весьма значительную часть нынѣшней восточной Европы, простираясь отъ озера Ильменя и верховьевъ Волги на юго-востокъ почти до р. Дона, а на западъ — мимо верховьевъ Днѣстра — до горъ Карпатскихъ и Вислы ([65]).

Должно предполагать, что они уже очень рано распространили свои поселенія на югъ, къ низовьямъ Днѣпра и прибрежьямъ Понта, не могли въ борьбѣ съ Готами сохранить своей самостоятельности и отчасти подпали ихъ власти. Но вскорѣ послѣ того, вторженіе Гунновъ, вѣроятно, вынудило Славянъ къ новымъ передвиженіямъ, хотя Гунны и освобождаютъ ихъ отъ ига Готовъ и, впослѣдствіи, вступаютъ съ ними въ такія мирныя, дружественныя отношенія, что нѣкоторые писатели даже смѣшиваютъ Гунновъ со Славянами ([66]).

Разрушеніе быстро образовавшейся Гуннской державы и окончательное паденіе Западной Римской Имперіи, почти совпавшія на грани V—VI вѣковъ, открываютъ новую эпоху въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ, въ особенности же народовъ славянскихъ.

Когда послѣ паденія Гуннскаго царства, Остготы и Гепиды продвинулись далѣе на западъ, Славяне могли свободно владѣть берегами Понта и низовьями Дуная. Когда же, съ другой стороны, слѣдуя общему теченію, Лонгобарды и Герулы покинули свои прежнія поселья— Славяне могли раздвинуть предѣлы владѣній своихъ и на западъ, и

укрѣпили славянскій элементъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ они до того времени могли проживать только въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ поселеній.

Очевидно, что это движеніе племенъ славянскихъ много способствовало тому, чтобы и западные хронисты, и писатели византійскіе ближе ознакомились съ этимъ новымъ народомъ, выступавшимъ на историческую сцену; и дѣйствительно, съ начала VI вѣка, свѣдѣнія о Славянахъ становятся гораздо болѣе ясными и точными. Это особенно замѣтно изъ того, что писатели VI вѣка уже начинаютъ придавать народамъ славянскимъ ихъ настоящее, общее имя: названіе *Сербы* (Сорбы, Споры), очевидно заимствованное отъ одного племени и перенесенное на всѣхъ Славянъ Нѣмцами—одинаково уступаетъ мѣсто другимъ, болѣе правильнымъ названіямъ. Іорнандъ, писавшій между 551—555 гг., упоминая о Венетахъ, даже очень близко знакомитъ насъ съ наступленіемъ этого новаго періода въ знакомствѣ Запада со Славянами, когда изъ сплошной, неясной, разноплеменной массы стала отчетливо выдѣляться группа народовъ славянскихъ.

...«За Дунаемъ»—говоритъ Іорнандъ—«лежитъ Дакія, огражденная высокими горами; по лѣвую сторону ихъ, къ сѣверу, отъ самыхъ истоковъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ многолюдный народъ *Винды*. Хотя *теперь имена ихъ измѣняются, по различію племенъ и поселеній*, однако они *преимущественно называются Славянами и Антами*».

Прокопій,—современный Іорнанду писатель византійскій,—перечисляя по порядку народы, обитающіе при устьѣ Дона и по берегамъ Меотійскаго залива (Азовскаго моря), заканчиваетъ описаніе свое слѣдующими словами:... «дальнѣйшіе края на сѣверѣ занимаютъ *безчисленные народы Антовъ*» ([67]).

Большая достовѣрность и большее обиліе извѣстій о Славянахъ съ VI в. объясняется тѣмъ, что они въ періодъ времени отъ VI—VIII вѣкъ распространяютъ свои поселья не только на западъ, но проникаютъ въ задунайскія области Восточной Римской Имперіи, въ Мизію, Ѳракію и Македонію, а оттуда, въ VII и началѣ VIII вѣка, отдѣльныя поселенія славянскія являются не только въ Ѳессаліи и Эпирѣ, но даже и въ самомъ Пелопоннезѣ. Напоръ славянскаго потока оказывается даже настолько сильнымъ, что, наконецъ, въ средѣ греческихъ писателей начинаютъ слышаться жалобы на *ославяненіе* всей Эллады ([68]).

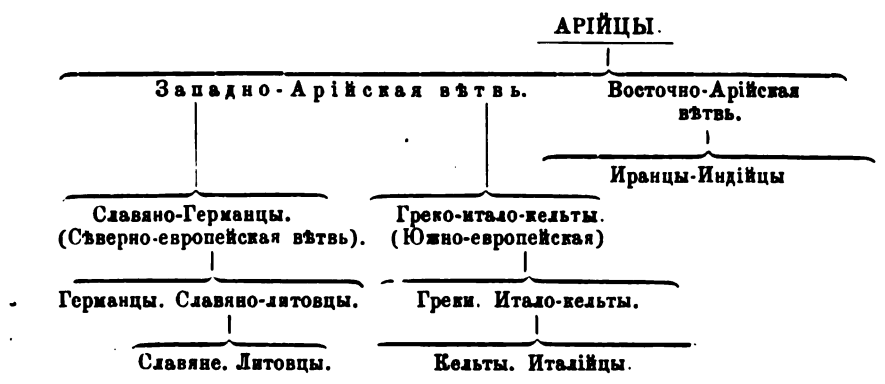
Вмѣстѣ съ этимъ наплывомъ славянскаго элемента на Византію, конечно, болѣе и болѣе возрастаетъ знакомство Византійцевъ со Славянами и выражается въ томъ, что имя Антовъ исчезаетъ безслѣдно, и общимъ нарицательнымъ названіемъ всѣхъ племенъ, занимавшихъ

въ VI в. поселья Венедовъ, является и донынѣ сохраненное ими наименованіе *Славянъ*.

Не ясныя и скудныя данныя, сообщаемыя Византійцами о различныхъ передвиженіяхъ Славянъ восполняются отчасти славянскими преданіями. На Дунай и при-дунайскія мѣстности указываютъ они, какъ на древнѣйшую родину Славянъ. Тщательное изученіе географическихъ названій подтверждаетъ эти преданія, доказывая, что славянскія племена много вѣковъ сряду пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, и оставили въ наименованіяхъ урочищъ долговѣчную память о себѣ даже и тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ славянскаго поселенія. Тѣ-же преданія сохранили довольно смутное воспоминаніе о движеніи Славянъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Но далѣе этихъ смутныхъ преданій, далѣе отрывочныхъ извѣстій о бытѣ Славянъ, оставленныхъ намъ византійскими и западными хронистами, въ глубь вѣковъ оказалось возможно заглянуть только тогда, когда сравнительное изученіе славянскихъ нарѣчій открыло новые пути для изслѣдованія славянской древности. Только благодаря этому изученію, удалось разсѣять мракъ, покрывавшій начала исторіи Славянъ и опредѣлить ихъ настоящее мѣсто въ семьѣ арійскихъ народовъ.

Изученіе языковъ арійскаго или индо-европейскаго племени, какъ со стороны ихъ грамматическихъ формъ, такъ и со стороны кореннаго значенія словъ, привело ученыхъ къ тому заключенію, что всѣ Арійцы когда-то, въ весьма отдаленное время, жили еще въ одной общей прародинѣ и говорили однимъ общимъ языкомъ. Съ теченіемъ времени однакоже этотъ одинъ народъ сталъ подраздѣляться на отдѣльныя вѣтви, а эти отдѣльныя вѣтви въ свою очередь—распадаться на отдѣльныя племена, по мѣрѣ того, какъ великое арійское племя выселялось изъ прародины и селилось на новыхъ поселяхъ. Сообразно этому распаденію и этимъ выселеніямъ, видоизмѣнялись и первоначальныя основы языка-праотца, который тоже распадался на вѣтви и подраздѣлялся на новые, отдѣльные другъ отъ друга языки. Сравнительное изученіе языковъ арійскаго племени дало возможность даже набросать въ общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ шло распаденіе арійскаго племени на отдѣльныя вѣтви, и распаденіе этихъ вѣтвей на отдѣльныя племена, что́ и привело къ образованію всѣхъ нынѣ-извѣстныхъ европейскихъ языковъ. Предполагаютъ, что сначала Арійцы распались на двѣ главныя вѣтви: восточную и западную. Восточная вѣтвь впослѣдствіи выдѣлила изъ себя два племени: иранское и индійское. Западная, выселившаяся въ Европу распалась первоначально *на сѣверно-европейскую* или *славяно-германскую* вѣтвь и на *южно-европейскую* или *греко-итало-кельтійскую*. Впослѣдствіи, славяно-германская вѣ[illegible] очередь, распалась— на *германскую* и *славяно-литовскую* [illegible]ошли *Германцы*,

отъ второй *Славяне* и *Литовцы*. Все вышеизложенное можетъ быть наглядно выражено въ слѣдующей родословной таблицѣ:



То-же сравнительное изученіе языковъ арійскаго племени дало возможность прійти къ тому заключенію, что славяно-германская (сѣверно-европейская) вѣтвь ранѣе всѣхъ другихъ отдѣлилась отъ обще-арійской семьи и направилась на Западъ. За нею послѣдовала южно-европейская вѣтвь, а индо-иранская (восточно-арійская) вѣтвь долѣе всего оставалась на мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселій, въ общей арійской прародинѣ. Когда сѣверно-европейская вѣтвь раздѣлилась на германскую и славяно-литовскую, и много времени спустя, эта послѣдняя вѣтвь распалась на двѣ народности — славянскую и литовскую—то славянской народностью усвоенъ былъ одинъ общій языкъ *славянскій*, праотецъ всѣхъ нынѣ-извѣстныхъ славянскихъ нарѣчій.

Принимая въ соображеніе всѣ эти постепенные переходы и фазисы развитія языка, мы должны непремѣнно прійти къ тому же выводу, къ которому и пришла наука сравнительнаго языкознанія: нынѣ существующіе языки славянскіе, вмѣстѣ взятые, должны были сохранить въ себѣ слѣды того періода, когда они еще составляли одинъ общій языкъ нераспавшагося на отдѣльныя племена народа славянскаго; а такъ какъ языкъ служитъ живымъ отраженіемъ жизни и быта народнаго, то при помощи запаса словъ, общихъ всѣмъ языкамъ славянскимъ, не трудно составить себѣ довольно правильное представленіе о степени развитія и бытѣ Славянъ въ ту эпоху, когда они, отдѣлившись отъ общей арійской семьи, однако-же еще составляли одинъ общій славянскій народъ. Такимъ же образомъ, выдѣливъ изъ всѣхъ извѣстныхъ славянскихъ нарѣчій запасъ корней, общихъ языкамъ славянскимъ и остальнымъ европейскимъ, не трудно составить себѣ подобное же понятіе о степени развитія и о бытѣ западно-арійской вѣтви народовъ (отъ которой и произошли Славяне) въ ту отдаленную пору, когда эта вѣтвь еще не отдѣлилась отъ обще-арійской семьи.

И такъ, вотъ какимъ путемъ удалось ученымъ возстановить до нѣкоторой степени исторію древнѣйшаго быта Славянъ за много вѣ-

ковъ до той эпохи, когда они, подъ именемъ Скиѳовъ и Венетовъ, стали доступны наблюденію греческихъ и римскихъ писателей. Прежде, чѣмъ приступимъ къ подробному обзору быта Славянъ восточныхъ въ болѣе близкое намъ время VI—IX вв. по Р. Хр., бросимъ бѣглый взглядъ на то, что́ при помощи сравнительнаго языкознанія сдѣлано для изученія древнѣйшаго общеарійскаго періода. Затѣмъ перейдемъ къ обзору періода *обще-славянскаго*, на основаніи тѣхъ же данныхъ языка, и наконецъ — къ общей картинѣ быта Славянъ восточныхъ, на основаніи древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ.

На основаніи данныхъ доставляемыхъ этою областью наблюденія, народы арійскаго племени уже и въ обще-арійскій періодъ стояли на степени развитія, весьма далекой отъ первобытнаго дикаго состоянія; языкъ указываетъ на существованіе *семьи* различныхъ *степеней родства* и обладаетъ выраженіями для такихъ общихъ понятій, какъ *мужъ*, *жена*, *юноша*, *дѣвушка*. Выраженіе *вдова* указываетъ на то, что вдовство допускалось и что супруга не осуждалась на одновременную смерть со своимъ супругомъ, какъ было позднѣе у Индійцевъ.

Судя по нѣкоторымъ намекамъ языка, и въ обще-арійскомъ періодѣ Арійцы не были исключительно ни рыболовнымъ, ни охотничьимъ племенемъ, а скорѣе кочующимъ пастушескимъ. Это не трудно заключить изъ того что всѣ домашнія животныя (коровы, козы, бараны, лошади, свиньи, собаки) были уже имъ извѣстны, между тѣмъ какъ знакомство ихъ съ дикими животными было чрезвычайно ограниченно *). Скотъ же являлся и въ значеніи богатства, и въ значеніи предмета для мѣны. Отъ пастушескаго быта оказывались заимствованными и древнѣйшія выраженія для обозначенія такихъ понятій, какъ *правитель*, *вождь*, *защитникъ*.

Впрочемъ, можно предположить нѣкоторое знакомство съ земледѣліемъ, хотя и въ весьма первобытной формѣ. Греча (и можетъ быть пшеница) была уже извѣстна; ее мололи въ муку на ручныхъ мельницахъ и употребляли въ пищу вмѣстѣ съ вареным мясомъ. Вино еще не было извѣстно; мѣсто его заступало какое-то одуряющее питье, добываемое изъ растительныхъ соковъ;—употребленіе его находилось въ нѣкоторой связи съ религіозными обрядами.

Изъ ремеслъ извѣстны были: тканье, плетеніе, шитье, умѣнье изготовлять нѣкоторыя орудія для обработки земли. Было нѣкоторое знакомство съ металлами: золото, серебро и мѣдь были извѣстны Арійцамъ. О письменахъ не существовало въ ту пору никакого понятія; важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу довольно значительной степени

*) Находятъ только названія волка, медвѣдя и зайца.

развитія служитъ умѣнье считать десятками и отличать цвѣта отдѣльными названіями.

Языкъ сохранилъ представленіе объ умѣренномъ климатѣ и отличительныхъ его растеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изобличаетъ полное незнакомство и съ моремъ, и съ мореплаваніемъ.

Любопытною чертою этого древнѣйшаго періода является то, что въ обще-арійскомъ запасѣ словъ существуютъ выраженія, служащія только для описанія мирнаго быта и его занятій, и положительно не существуетъ никакихъ выраженій, заимствованныхъ изъ быта военнаго:—все, касающееся этой стороны народной жизни, принадлежитъ позднѣйшему періоду отдѣльнаго существованія разрозненныхъ вѣтвей обще-арійскаго корня ([69]).

Отдѣлившись отъ общей семьи народа арійскаго племени, Славяне занимали территорію, которая выше была уже указана нами, какъ территорія Венетовъ, и говорили на языкѣ, изъ котораго вышли не только всѣ нынѣшніе, но и многіе, давно уже вымершіе языки славянскіе.

Когда именно овладѣли Славяне своею территоріею—съ точностью опредѣлить не возможно. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, однакоже, не безъ основанія предполагаютъ, что это постепенное заселеніе должно было произойти въ концѣ бронзоваго вѣка. Доселѣ произведенныя археологическія изслѣдованія дѣйствительно привели къ тому важному результату, что на пространствѣ между Дономъ и Вислой—не встрѣчается вовсе предметовъ, принадлежавшихъ древнѣйшему періоду бронзоваго вѣка, который, какъ мы уже видѣли выше, коснулся только двухъ окраинъ древней славянской территоріи.

Но на той же территоріи славянской, рядомъ съ каменными издѣліями древнѣйшаго и позднѣйшаго періода, отрываютъ изъ земли множество предметовъ изъ желѣза, которое греческимъ колоніямъ (а слѣдовательно и сосѣднимъ съ ними племенамъ) было извѣстно уже во времена Геродота. Изслѣдованія языковъ славянскихъ, съ другой стороны, усилили значеніе этихъ археологическихъ находокъ тѣмъ важнымъ свидѣтельствомъ, что *желѣзо* было уже извѣстно Славянамъ еще до ихъ раздѣленія на отдѣльныя племена, и притомъ въ такое время, когда въ средней Европѣ бронзовый вѣкъ несомнѣнно еще продолжался, не уступая мѣста вѣку желѣзному.

Легко можетъ быть, что знакомство съ желѣзомъ и его обработкою было въ значительной степени облегчено Славянамъ вліяніемъ сосѣдившихъ съ ними на югѣ греческихъ колоній; но, во всякомъ случаѣ, можно утверждать положительно, что бронза могла проникать къ

Славянамъ только съ запада, и что на той территоріи, которую они первоначально заняли въ Европѣ, они нашли рѣдкое населеніе, состоявшее изъ племенъ, находившихся на весьма низкой степени развитія, и между которыми камень еще служилъ матеріаломъ для выдѣлки орудій и оружія.

Занявъ территорію, изрѣзанную множествомъ рѣкъ, покрытую болотами и озерами, поросшую дремучими, дѣвственными лѣсами, Славяне должны были потратить громадныя усилія на расчистку и обработку своихъ земель, на проложеніе путей для своей колонизаціи — и на этотъ громадный трудъ ушло много вѣковъ! Только принимая въ соображеніе этотъ трудъ, мы начинаемъ понимать, почему именно Славяне, при всѣхъ врожденныхъ имъ способностяхъ и добродѣтеляхъ, послѣдніе изъ числа арійскихъ народовъ выступаютъ на историческую сцену.

Изъ фактовъ, доставленныхъ изученіемъ обще-славянскаго языка, оказывается возможно прійти къ слѣдующимъ двумъ важнымъ выводамъ: уже и въ V в. до Р. Хр. Славяне успѣли обособиться отъ Литовцевъ, и, занимая выше указанную нами территорію, по нарѣчіямъ уже распадались на двѣ вѣтви (сѣверо-восточно-южную и западную).

Самыя условія почвы и климата тѣхъ равнинъ, которыя заняты были Славянами въ Европѣ, можетъ быть въ значительной степени способствовали тому, чтобы развить и усилить въ Славянахъ привязанность къ земледѣлію. Факты, добытые путемъ изученія славянскихъ языковъ, ясно указываютъ на то, что и въ періодъ нераздѣльнаго пребыванія славянскихъ племенъ на одной общей территоріи, земледѣліе и пчеловодство были любимыми и наиболѣе распространенными промыслами среди Славянъ. На это указываютъ общія всѣмъ славянскимъ языкамъ слова: *пчела*, *улей*, *медъ*, *воскъ;* а также и общность названій для *плуга* и его частей и для важнѣйшихъ видовъ хлѣбныхъ растеній: *ржи*, *пшеницы*, *ячменя*, *проса*. Еще болѣе любопытнымъ въ томъ же смыслѣ является слово *жито* (1), въ смыслѣ названія всѣхъ вообще хлѣбныхъ растеній, указывающее на хлѣбныя растенія, какъ на главный, преобладающій родъ пищи у племенъ славянскихъ и въ ту отдаленную пору, точно также какъ и нынѣ. Въ общераспространенности земледѣльческаго промысла между Славянами въ эпоху ихъ нераздѣльной, совмѣстной жизни, убѣждаетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями и то, что всѣ нынѣ-употребляемые сельскохозяйственные термины и тогда уже были извѣстны Славянамъ. Слова: *орать*, *сѣять*, *жать*, *косить*, *молоть*, *молотить; коса*, *серпъ*, *мотыка*, *лопата*, *возъ*; *снопъ*, *гумно*, *житница*—существуютъ во всѣхъ языкахъ славянскихъ до настоящаго времени; слѣдовательно, они должны были существовать и въ томъ языкѣ-праотцѣ, отъ котораго произошли всѣ нынѣшніе языки

[redacted]

славянскіе. Рядомъ съ этими драгоцѣнными свидѣтельствами въ пользу древности и преобладающаго значенія земледѣлія какъ промысла, сравнительное изученіе языковъ славянскихъ даетъ намъ и о другихъ сторонахъ быта довольно точныя понятія. Такъ, напр., изъ этого источника узнаемъ мы, что Славяне и въ древнѣйшую эпоху уже употребляли въ пищу *мясо*, *молоко*, *овощи*, а изъ плодовъ знали *яблоки*, *груши*, *вишни*, *сливы*, *орѣхи*. Изъ деревьевъ имъ были извѣстны: *дубъ*, *липа*, *яворъ* (кленъ), *букъ*, *верба*, *береза*—слѣдовательно, только тѣ, которыя въ Европѣ растутъ между 46—59° и принадлежатъ умѣренной полосѣ. Всѣ славянскія названія деревьевъ и кустарниковъ, растущихъ южнѣе и сѣвернѣе этой полосы, составляютъ частную собственность отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, изъ чего можно заключить, что знакомство Славянъ съ ними было результатомъ позднѣйшаго ихъ разселенія.

Преобладаніе земледѣлія надъ всѣми остальными промыслами уже обусловливаетъ значеніе и степень развитія, на которой находились Славяне до эпохи разселенія изъ древнѣйшей своей территоріи. Многія стороны быта развиваются въ средѣ осѣдлаго, земледѣльческаго населенія изъ той привязанности, которая проявляется въ земледѣльцѣ, какъ естественное слѣдствіе тѣсной связи, устанавливающейся между нимъ и землею, на обработку которой онъ не щадитъ своихъ трудовъ.

На глубокую древность осѣдлости и прочныхъ поселеній между Славянами указываетъ цѣлый рядъ словъ, во главѣ которыхъ стоятъ слова *весь* (въ смыслѣ *деревни*, *селенія*) и *домъ*, а также и полное собраніе терминовъ для обозначенія отдѣльныхъ частей дома и двора, указывающее на то, что домъ Славянина не былъ ни шалашомъ, ни землянкою дикаря. Это доказывается общимъ распространеніемъ словъ: *стѣна*, *стрѣха*, *окно*, *дверь*, *порогъ*, *пещь*, и рядомъ съ ними *изба* (истба), *пивница*, *гумно*, *хлѣвъ*, *дворъ*.

Слово *градъ*, существующее во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не имѣетъ (какъ и въ болѣе позднемъ періодѣ) значенія города, а только огражденнаго пункта, избраннаго для обороны.

По отношенію къ ремесламъ, Славяне, въ начальный періодъ своего отдѣльнаго существованія, недалеко ушли отъ того, что мы уже видѣли въ общеарійскомъ періодѣ. Языкъ указываетъ только на *тканье*, *плетеніе*, умѣнье изготовлять необходимую *обувь* и *одежду*. Постоянное пребываніе въ странѣ лѣсистой и необходимость строить дома изъ дерева рано ознакомили ихъ съ *плотничествомъ*, какъ это можно видѣть изъ общаго распространенія глагола *тесать* и названія важнѣйшихъ орудій плотника: *сѣкира*, *длато* (долото), *клещи*.

При давнемъ существованіи вполнѣ установившагося осѣдлаго быта, конечно, извѣстны были Славянамъ и первыя основы общественности,

какъ это можно видѣть изъ словъ *право*, *правда*, *судъ*. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что для нѣкоторыхъ понятій, мы не находимъ общихъ выраженій въ славянскихъ языкахъ. Такъ напримѣръ не видимъ общихъ терминовъ для обозначенія понятій «наслѣдованія и имущества», что́ можетъ быть объясняется преобладаніемъ родоваго начала въ устройствѣ первоначальныхъ славянскихъ обществъ. Точно также не находимъ никакихъ общихъ терминовъ для обозначенія «монеты, денегъ» въ древнѣйшемъ періодѣ славянства: всѣ позднѣйшія, отдѣльныя названія этого общаго понятія заимствованы изъ различныхъ сторонъ быта или переняты у другихъ сосѣднихъ народовъ ([70]).

Изложивъ вкратцѣ и сопоставивъ то, что можно извлечь наиболѣе замѣчательнаго изъ фактовъ, доставленныхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ, по отношенію къ исторіи древнѣйшаго быта Славянъ въ обще-арійскомъ и потомъ въ обще-славянскомъ періодѣ, мы обратимся къ изученію быта Славянъ въ болѣе близкій къ намъ періодъ, на сколько это возможно по сохранившимся намъ письменнымъ памятникамъ.

Память о древнихъ передвиженіяхъ Славянъ сохранилъ намъ и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, пытающійся пояснить одно изъ движеній славянскаго племени тѣмъ, что «Волохи нашли на Славянъ Дунайскихъ, насѣли на нихъ и насиловали ихъ». Затѣмъ онъ разсказываетъ подробно, какъ разселились первые славянскіе пришельцы, осѣвшіе на Днѣстрѣ и его притокахъ. Одни изъ нихъ, по разсказу лѣтописца, назвались Полянами, «потому что сѣли въ поляхъ»; другіе — Древлянами, «потому что сѣли въ лѣсахъ». Нѣкоторая часть славянскихъ пришельцевъ сѣла между рѣками Припетью и Западною Двиною и назвалась «Дреговичами» (отъ слова: *дрегва*, *дрягва*, болото); третьи, наконецъ, сѣли по Западной Двинѣ и назвались Полочанами, отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Нѣкоторая часть Славянъ пошла еще далѣе на сѣверъ и поселилась на берегу Ильменя-озера, сохранивъ свое исконное названіе *Словянъ:* «прозвались своимъ именемъ», говоритъ лѣтописецъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ племенамъ, будто-бы принявшимъ прозвища отъ своихъ новыхъ поселій. По словамъ лѣтописца, Полочане (они-же и Кривичи), занявъ сначала верховья Двины, заняли впослѣдствіи верховья Днѣпра и Волги; на югъ отъ нихъ осѣли Сѣверяне, поселившіеся по рр. Деснѣ, Семи и Сулѣ. Далѣе всѣхъ выселились на сѣверо-востокъ Радимичи и Вятичи, которыхъ лѣтописецъ производитъ отъ Ляховъ (слѣдовательно, отъ западно-славянской отрасли), утверждая, что они получили свое прозваніе отъ именъ двоихъ родоначальниковъ: Радима и Вятко, изъ

которыхъ первый сѣлъ съ родомъ своимъ на р. Сожѣ, а второй—на Окѣ. Набросавъ эту картину разселенія славянскихъ племенъ, двинувшихся съ береговъ Дуная въ сѣв.-восточномъ направленіи, лѣтописецъ прибавляетъ еще, что на западъ отъ Полянъ, по Западному Бугу, жили Дулѣбы (они-же Бужане), за ними на западъ, въ нынѣшней Галиціи—Хорваты; а по Днѣстру до моря и морскому побережью до Дуная —многочисленныя и сильныя племена Угличей и Тиверцевъ.

Изъ словъ лѣтописца ясно, что Радимичи и Вятичи позднѣе всѣхъ другихъ заняли мѣста своихъ поселеній, а Хорваты, Дулѣбы, Угличи и Тиверцы, по видимому, вовсе не участвовали въ общемъ движеніи, и только продолжали жить на мѣстахъ своихъ давнихъ поселій. Подъ именемъ Угличей и Тиверцевъ лѣтописецъ, очевидно, разумѣетъ тѣже племена, которыя, какъ мы видѣли выше, уже въ VI в. были извѣстны и византійскимъ, и западнымъ писателямъ подъ именемъ Антовъ, и прибавляетъ, что у Грековъ эти племена (а можетъ быть и мѣсто ихъ жительства) назывались «*Великая Скуѳь* (т. е. Скиѳія)».

Важною отличительною чертою этой картины разселенія славянскихъ племенъ по Днѣпру и его притокамъ и далѣе на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ является то, что лѣтописецъ, хотя и не говоритъ, когда именно поселились Славяне въ при-Днѣпровьѣ и въ верховьяхъ Волги, но, по-видимому, даетъ поводъ думать, что это разселеніе могло произойти не очень давно; а между тѣмъ, поселенія эти, какъ мы уже указывали выше, относятся къ эпохѣ весьма отдаленной. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ частныхъ, видовыхъ названій отдѣльныхъ племенъ, приводимыхъ нашимъ лѣтописцемъ, были уже ранѣе IX вѣка извѣстны и западнымъ, и византійскимъ писателямъ, хотя первые и видѣли, на тѣхъ же мѣстахъ, поселья только одного обширнаго племени Венетовъ, а вторые—«безчисленные народы Славянъ и Антовъ».

Но всего изумительнѣе должно казаться то, что отдѣльныя племена славянскія, впослѣдствіи вошедшія въ составъ великаго Русскаго народа, до половины IX вѣка, ни у Византійцевъ, ни у западныхъ хронистовъ не являются подъ своимъ настоящимъ именемъ, подъ именемъ *Руси*, *Русскихъ*, тогда какъ съ X вѣка это имя покрываетъ собою всѣ частныя, видовыя названія славянскихъ племенъ, поселившихся на территоріи нынѣшней Россіи, и съ именемъ *Руси* Византійцы начинаютъ постоянно связывать понятіе о сильномъ Русскомъ народѣ и обширномъ Русскомъ государствѣ. Свѣдѣнія о *Руси* и бытѣ *Русскихъ* Славянъ сохранились, кромѣ нашей древней лѣтописи, въ извѣстіяхъ писателей византійскихъ, западныхъ и арабскихъ; но свѣдѣнія эти относятся къ эпохѣ довольно поздней, т. е. къ концу IX и къ X в. по Р. Хр. До половины IX вѣка всѣ эти источники молчатъ о Руси, хотя рядъ свидѣтельствъ византійскихъ писателей о

бытѣ и нравахъ Славянъ тянется почти непрерывною нитью съ конца V и начала VI вѣка. Такъ какъ Русскій народъ, громко заявившій о своемъ существованіи и выступившій на сцену историческую въ IX вѣкѣ, долженъ былъ, конечно, въ нравахъ и обычаяхъ своихъ имѣть много общаго со всѣми Славянами, то свидѣтельства Византійцевъ о нравахъ и обычаяхъ Славянъ (преимущественно придунайскихъ) должны быть признаны весьма важнымъ матеріаломъ и для древнѣйшей исторіи быта восточной, собственно русской вѣтви Славянъ.

Изъ писателей византійскихъ наиболѣе важныя свѣдѣнія о Славянахъ находимъ у Прокопія (конецъ V, начало VI в.), императора Маврикія (582—602), императора Константина Багрянороднаго (905—959) и Льва, діакона Калойскаго (959 — 976). Не мѣшаетъ замѣтить, что, изъ числа поименованныхъ нами писателей, только Левъ-діаконъ писалъ какъ очевидецъ и сообщалъ факты, почерпнутые имъ изъ личнаго наблюденія. Любознательный и высоко образованный императоръ Константинъ Багрянородный, никогда не выѣзжавшій изъ столицы, почерпалъ свои драгоцѣнныя свѣдѣнія о Славянахъ изъ вторыхъ рукъ; что-же касается Прокопія и Маврикія, то хотя они и сами входили въ сношеніе съ нѣкоторыми народностями славянскими, жившими въ предѣлахъ византійской имперіи, но о многомъ говорятъ по наслышкѣ и по догадкамъ. Принимая во вниманіе свидѣтельства Византійцевъ, не слѣдуетъ забывать, что всѣ византійскіе писатели, какъ люди, привыкнувшіе къ утонченно-образованному быту классическихъ (греческихъ и римскихъ) центровъ, къ проявленіямъ и потребностямъ тысячелѣтней цивилизаціи, положительно не способны были понимать многія явленія простаго и нѣсколько грубоватаго быта племенъ славянскихъ и склонны были преувеличивать ихъ грубость, рисовать ихъ дикарями и варварами. Вотъ почему и слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою критикой къ весьма важнымъ свидѣтельствамъ византійскимъ, которыя съ VI вѣка почти непрерывною нитью тянутся до той минуты, когда восточная отрасль Славянскаго племени, сложившись въ видѣ земли Русской, окончательно выступила на историческое поприще и вынудила Византію вступить съ собою въ болѣе близкія сношенія.

Есть еще другой рядъ свидѣтельствъ, почти также непрерывно идущій отъ VII по X вѣкъ: свѣдѣнія, доставляемыя арабскими писателями, посѣщавшими области Волжскаго бассейна, крайней восточной и юго-восточной окраины Россіи. Арабы доставляютъ очень много и чрезвычайно любопытныхъ извѣстій, но, къ сожалѣнію, извѣстія эти чрезвычайно сбивчивы и запутаны, а собственныя имена лицъ, племенъ и мѣстностей такъ страшно искажены, что доставляютъ обширнѣйшее поле догадкамъ всякаго рода, и не даютъ возможности

отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ весьма многимъ изъ приводимыхъ арабскими писателями фактовъ. Наиболѣе важны, подробны и любопытны свѣдѣнія, доставленныя Ибнъ-Фадланомъ, которому пришлось нѣкоторое время прожить въ Болгарахъ на Волгѣ, и во время пребыванія своего тамъ видѣть и наблюдать Славянъ и Руссовъ. Кромѣ Ибнъ-Фадлана, важныя свѣдѣнія о Славянахъ (хотя и сообщаемыя по наслышкѣ) находимъ у Масуди, Аль-Истахри, Ибнъ-Даста.

Болѣе всего важны для исторіи собственно-русскаго быта факты, сообщаемые нашею первоначальною лѣтописью о бытѣ и нравахъ Славянъ Восточныхъ. Относительно этого источника сдѣлаемъ только двѣ небольшихъ оговорки. Условія разселенія славянскихъ племенъ на сѣв.-востокѣ Европы были далеко не одинаковы. Одни племена, поселившіяся въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, или же ближе къ древнему торговому пути съ сѣвера на югъ, должны были идти быстрѣе по пути развитія и установленія прочныхъ, опредѣленныхъ формъ гражданственности; другія, осѣвшія въ мѣстахъ дикихъ, лѣсныхъ и болотистыхъ, поставленныя въ необходимость бороться съ суровой природой и съ вытѣсненными славянскимъ наплывомъ финскими племенами—развивались туже, складывались медленнѣе. Но тѣмъ не менѣе, даже и племена, поставленныя въ эти невыгодныя условія, были очень далеки отъ состоянія дикости еще за пять, за шесть столѣтій до нашего лѣтописца, который, со своей христіанской, монашеской точки зрѣнія, любитъ нѣсколько преувеличивать грубость славянскихъ обычаевъ и нравовъ. Притомъ, лѣтописецъ, самъ Полянинъ по роду, хвалитъ Полянъ и ихъ нравы, рѣзко противополагая ихъ нравамъ и обычаямъ Древлянъ; въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго пристрастія къ Полянамъ. Замѣтимъ кстати, что въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ лѣтописца о Полянахъ, Древлянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, есть черты быта, несомнѣнно принадлежащія къ глубокой, сѣдой древности, можетъ быть уже отживавшей свой вѣкъ во времена, описываемыя нашими древнѣйшими письменными памятниками.

Древнѣйшія письменныя свидѣтельства византійскія даютъ намъ не очень выгодное понятіе о жилищахъ Славянъ. По свидѣтельству Прокопія, «всѣ Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ». Къ свидѣтельству Прокопія о славянскихъ жилищахъ Маврикій добавляетъ только то, что «Славяне устроиваютъ въ своихъ жилищахъ много выходовъ на всякій случай»;... «все свое имущество зарываютъ въ землю, ничего лишняго не выставляя на показъ». Самый выборъ мѣста поселенія среди лѣсовъ и болотъ дѣлаетъ (по мнѣнію Маврикія) всякій походъ въ землю Славянъ совершенно невозможнымъ. Западные лѣтописцы также говорятъ, что Славяне, постоянно живущіе подъ страхомъ войны и нападенія, «не

заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды» (Гельмольдъ). Арабы тоже упоминаютъ о жилищахъ Славянъ, «построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и обмазанныхъ глиною».... «Какъ только раздастся воинственный кликъ»,—говоритъ Гельмольдъ,—«они, собравши хлѣбные запасы, зарываютъ ихъ въ ямы вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями, а женъ и дѣтей уводятъ въ укрѣпленія и лѣса. Врагу ничего не остается, кромѣ хижины, потерю которой они считаютъ ничтожною». Едва ли слѣдуетъ вполнѣ довѣрять этимъ отзывамъ объ устройствѣ жилищъ славянскихъ; не говоря уже о вышеприведенныхъ нами свидѣтельствахъ языка, указывающихъ на давній, вполнѣ развитый осѣдлый бытъ, на житье «*домомъ*», поименовывающихъ подробно и части дома,—мы только обратимъ вниманіе читателя на то, что и доселѣ, на югѣ Россіи, опрятное и уютное жилище Малоросса строится большею частью тѣмъ же первобытнымъ способомъ, т. е. стѣны его плетутся изъ вѣтвей и обмазываются толстымъ слоемъ глины, а крыша кроется камышемъ или соломой. Народамъ, привыкшимъ къ прочной и массивной каменной постройкѣ, къ строительнымъ матеріаламъ въ родѣ песчаника и мрамора, и южнорусская хата должна казаться «дрянною избою».

На основаніи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, должно предполагать, что въ каждой такой избѣ помѣщалась отдѣльная семья, и каждая семья селилась на отдѣльномъ участкѣ. Ту же разбросанность жилищъ, составляющихъ нерѣдко одну и ту же деревню, замѣчаемъ и до сихъ поръ на всемъ югѣ и юго-западѣ Россіи. Бо́льшую скученность, сплоченность населенія въ одномъ мѣстѣ—сёла и деревни въ великорусскомъ смыслѣ—слѣдуетъ считать явленіемъ сѣвернымъ.

Есть и еще одинъ поводъ недовѣрять вполнѣ этому описанію древняго славянскаго жилища или, по крайней мѣрѣ, предполагать, что жилища Славянъ не всюду были одинаково дурны. На Траяновой колоннѣ сохранились изображенія селеній и отдѣльныхъ жилищъ Даковъ, которыя, вѣроятно, строились точно также, какъ и жилища всѣхъ древнихъ народовъ, поселявшихся въ низовьяхъ Дуная. Какъ можно видѣть изъ прилагаемаго нами изображенія, жилища эти представляютъ собою неправильно построенныя, но крѣпко-сколоченныя деревянныя избы, крытыя тесомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ построены на сваяхъ, и входъ въ нихъ возможенъ былъ только снизу или со двора, такъ какъ наружныхъ дверей эти свайныя постройки не имѣютъ; другія избы выведены въ два яруса, съ дверями и окнами, обращенными наружу. Все селеніе обнесено деревянною (мѣстами даже двойною) оградою, съ бойницами и башенками и съ крѣпкими створчатыми воротами. Около этой ограды, въ качествѣ внѣшняго укрѣпленія, на нѣкоторыхъ изо-

[redacted]

Рис. 90—92. Виды дакійскаго городка и отдѣльныхъ дакійскихъ жилищъ (съ изображеній Траяновой колонны).

[redacted]

браженіяхъ дакійскихъ поселеній, видимъ еще тынъ, состоящій изъ заостренныхъ кольевъ. Съ перваго же взгляда на такое изображеніе дакійскаго селенія или городка, каждому должно броситься въ глаза замѣчательное сходство дакійскаго жилья съ сѣверною славянскою избою, и можно, пожалуй, съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что и хижины Славянъ при-дунайскихъ, о которыхъ съ такимъ пренебреженіемъ говорятъ византійскіе и западные писатели, едва-ли могли многимъ отличаться отъ дакійскихъ жилищъ, изображенія которыхъ сохранились намъ на Траяновой колоннѣ ([71]).

Относительно строя и состава семьи мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно прійти къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Рис. 93, 94. Изображеніе отдѣльныхъ дакійскихъ построекъ (съ Траяновой колонны).

Семью составляли не одни только родственники по прямой, нисходящей линіи, отецъ, его дѣти и внуки, но и иногда и родственники по боковой линіи, какъ напр. братья двоюродные, и лица, вступившія въ семью и принятыя ею. У каждой семьи были свои представители въ лицѣ ея старшихъ членовъ, оберегавшіе ея интересы. Отношенія же всѣхъ членовъ семьи носили на себѣ характеръ патріархальный.

Извѣстный знатокъ сравнительнаго языкознанія, Шлейхеръ ([72]) доказалъ, что уже и въ весьма отдаленную эпоху у Славянъ существовало одноженство. Легко можетъ быть, что впослѣдствіи многоженство и водворялось на время у нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, но намъ кажется, что вообще къ извѣстіямъ о многоженствѣ у Славянъ слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Повидимому, и Византійцы, и Арабы были введены въ заблужденіе тѣмъ, что принимали многочисленныхъ рабынь-наложницъ за женъ; а при сильно развитой торговлѣ невольниками, та-

[redacted]

кихъ наложницъ могло, конечно, быть очень много у каждаго зажиточнаго купца-Славянина. Но при многоженствѣ, само собою разумѣется, семейная жизнь не могла бы стоять высоко, и женщина не занимала-бы того виднаго положенія, которое принадлежало ей въ семьѣ славянской, судя по нѣкоторымъ фактамъ, упоминаемымъ въ болѣе позднихъ памятникахъ, тѣмъ не менѣе не лишенныхъ значенія для описываемой эпохи. Таковы сохраненныя намъ лѣтописцемъ извѣстія о бракахъ у Полянъ и другихъ племенъ славянскихъ. Древній лѣтописецъ нашъ опредѣленно указываетъ на то, что уже и въ языческій періодъ у Полянъ были брачные обычаи; женихъ не ходилъ по невѣсту; невѣсту вводили подъ вечеръ въ домъ жениха, а за утро приносили то, что давали за нею (т. е. приданое). Даже у тѣхъ племенъ, которыхъ нравы лѣтописецъ, со своей христіанской точки зрѣнія, старается изобразить особенно мрачными красками, былъ свой брачный обычай, состоявшій въ томъ, что «молодые люди, сходясь на игрищахъ между селами, сговаривались между собою, и женихъ, по предварительному соглашенію, похищалъ, *умыкалъ* себѣ невѣсту. Существовали, слѣдовательно, одновременно двѣ формы заключенія браковъ: *умычка* — похищеніе и *веденіе* женъ. Ни та, ни другая форма брака не уничтожала совершенно личности женщины, такъ какъ по прямому указанію лѣтописца, «умычка» происходила съ согласія невѣсты, точно также какъ «веденію», вѣроятно, предшествовалъ уговоръ жениха съ родителями невѣсты. По справедливому замѣчанію одного ученаго изслѣдователя ([73]), умычка, вѣроятно, представляетъ собою форму брака болѣе древнюю. Она, вѣроятно, и господствовала нѣкогда у всѣхъ Славянъ. Веденіе, какъ форма брака болѣе совершенная, ввелось позднѣе и сначала вошло въ обычай между сословіями городскими, потомъ стало господствовать и вытѣснило умычку, которая, постепенно исчезая, сохранилась мѣстами и до нашего времени, въ качествѣ простого свадебнаго обряда, утратившаго всякое практическое значеніе.

Всѣ писатели иностранные, даже и тѣ, которые относятся къ Славянамъ очень враждебно, отзываются съ похвалою о цѣломудріи славянскихъ женъ и говорятъ о той самоотверженной любви ихъ къ мужьямъ, которая побуждаетъ ихъ «сожигаться на одномъ кострѣ съ умершимъ мужемъ» или «умерщвлять себя потому, что жизнь во вдовствѣ казалась имъ невыносимой». Нельзя однако-же предполагать, чтобы это явленіе было общимъ обычаемъ; вѣроятнѣе будетъ допустить его какъ выраженіе личной скорби, какъ частное проявленіе привязанности къ горячо-любимому супругу. Чувство матери, конечно, должно было громко и внятно говорить и въ ту отдаленную эпоху; и если вдовство представлялось «не выносимымъ» женщинѣ, то еще болѣе невыно-

[redacted]

симымъ должно было ей представляться положеніе сиротъ, которыхъ она покидала безъ защиты, рѣшаясь на добровольную смерть. И не смотря на то, что мы вообще мало знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ между членами семьи, мы однако-же имѣемъ основаніе думать, что вдова оставалась главною представительницею семьи, главною защитницей дѣтей и ихъ имущества по смерти отца.

Земледѣліе, какъ мы уже знаемъ, было издавна на столько любимымъ и общимъ занятіемъ всѣхъ Славянъ, что даже Нѣмцы призывали къ себѣ славянскихъ колонистовъ, которые, не жалѣя трудовъ, вырубали дремучіе германскіе лѣса и безплодные пустыри обращали въ плодоносныя поля. Обширныя луговыя степи южной Россіи способствовали развитію скотоводства, которымъ также издревле занимались Славяне; а громадные лѣса средней и сѣверной полосы Россіи открывали обширное поприще для двухъ другихъ важныхъ промысловъ,—пчеловодства и въ особенности звѣроловства. Менѣе знаемъ мы о рыболовствѣ,хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что имъ издревле занимались Славяне, любившіе селиться по рѣкамъ и озерамъ.

Однакоже мирныя занятія земледѣліемъ нимало не мѣшали тому, чтобы Славяне, въ случаѣ нужды, оказывались отличными воинами.

«Вступая въ бой»,—говоритъ Прокопій—«Славяне выходятъ на непріятеля пѣшіе, съ копьемъ въ одной и щитомъ въ другой рукѣ; панцыря не носятъ. Сражаясь, скидаютъ съ себя и плащь, и рубашку, и устремляются въ битву въ одномъ исподнемъ платьѣ». Императоръ Маврикій добавляетъ къ этимъ свѣдѣніямъ, что Славяне любятъ сражаться въ мѣстахъ тѣсныхъ, непроходимыхъ, употребляютъ разныя военныя хитрости и, между прочимъ, отлично плаваютъ и долго могутъ держаться подъ водою, дыша посредствомъ долбленыхъ изъ тростника трубокъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ копій, луковъ и стрѣлъ, намазанныхъ ядомъ. Если имъ случалось сражаться въ открытомъ полѣ, то они любили окружать себя укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, внутри котораго укрывали своихъ женъ и дѣтей.

Славяне во всѣхъ извѣстіяхъ одинаково представляются народомъ рослымъ и сильнымъ, ведущимъ жизнь чрезвычайно простую, одинаково способнымъ переносить и холодъ, и жаръ, и всякія невзгоды. Русоволосые, румяные и стройные, они особенно поражали Арабовъ своею внѣшностью на столько, что слово «Саклабъ» (Славянинъ) стало у нихъ даже нарицательнымъ названіемъ *бѣлаго* (вѣрнѣе: *краснокожаго*) человѣка.

Византійцы и Нѣмцы удивлялись ловкости и способности Славянъ къ различнымъ работамъ и воинскимъ упражненіямъ; эти же качества заставляли особенно цѣнить на арабскомъ Востокѣ Славянъ-рабовъ, которыхъ положеніе въ Калифатѣ вовсе не было безнадежно; они не-

рѣдко получали свободу, затѣмъ вступали обыкновенно въ тѣлохранители халифа и, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, достигали иногда высокихъ почестей ([74]). Не менѣе дорожили службою Славянъ и хазарскіе хаканы, у которыхъ они тоже являлись, по свидѣтельству Арабовъ, тѣлохранителями и главною, лучшею частью войска.

Одежда Славянъ, по однимъ арабскимъ извѣстіямъ—состояла изъ короткаго полукафтанья, по другимъ—изъ грубаго плаща, накинутаго на одинъ бокъ, такъ что правая рука постоянно оставалась открытой и свободной и всегда готовой владѣть оружіемъ, съ которымъ Славянинъ не разлучался.

На головахъ Славяне носили шапки; любили украшать себѣ шею золотыми и серебряными обручами и въ одно ухо продѣвали серьгу. Женщины славянскія любили обвѣшивать себѣ грудь множествомъ цѣпочекъ, бусъ, особенно зеленыхъ (главной статьи привоза Арабовъ); на груди-же висѣлъ у нихъ ножъ, на кольцѣ, придѣланномъ къ какой-то металлической коробочкѣ *)—можетъ быть амулету—назначеніе которой опредѣлить трудно. На рукахъ носили женщины запястья, на ногахъ — обножья. Но вдаваясь въ подробности одежды и быта Славянъ, Арабы отзываются съ отвращеніемъ объ ихъ нечистоплотности; совершенно согласно съ ними показываетъ и Прокопій.

Много согласія замѣчаемъ и въ отзывахъ иностранныхъ писателей о характерѣ Славянъ. Ихъ вообще представляютъ народомъ добродушнымъ, восхваляютъ ихъ почтеніе къ родителямъ, и въ особенности гостепріимство и щедрость по отношенію къ тѣмъ иностранцамъ, которые ихъ посѣщаютъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у Славянъ не считалось грѣхомъ и украсть для того, чтобы угостить заѣзжаго гостя, и каждому, кто отказывалъ въ гостепріимствѣ чужестранцу, грозила жестокая кара со стороны его сосѣдей.

Императоръ Маврикій говоритъ: «они благосклонны къ чужестранцамъ, и болѣе всего стараются о томъ, чтобы провести ихъ цѣлыми и невредимыми изъ одного мѣста въ другое, что́ у нихъ необходимо, ибо, если по безпечности случится, что чужестранецъ потерпитъ вредъ, то съ виновникомъ подобной случайности сосѣди начинаютъ войну изъ благочестиваго желанія отмстить за чужестранца».

Сохранились свидѣтельства о томъ, что Славянинъ, однажды произнесшій клятву, умѣетъ сохранять ее. Этому даже не противорѣчитъ отзывъ Маврикія, который называетъ Славянъ «вѣроломными»; вѣроломство Славянъ заключалось въ томъ, что они дѣйствовали всегда врозь, не поддаваясь никакому общему соглашенію; слѣдствіемъ этого и было весьма частое нарушеніе мира то со стороны одного, то со

*) Желѣзной, мѣдной, серебряной или золотой, смотря по состоянію мужа.

стороны другаго славянскаго племени. Вообще говоря, та славянская рознь, отъ которой такъ сильно страдали и доселѣ страдаютъ племена славянскія, и въ ту отдаленную эпоху уже составляла одну изъ наиболѣе выдающихся, характерныхъ особенностей славянскаго типа.

«Между ними»—говоритъ Маврикій—«постоянно господствуетъ раздоръ, такъ что они ни въ чемъ не могутъ между собою согласиться, всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому». Тоже самое повторяетъ Масуди, а другой арабскій писатель добавляетъ къ этому: «Славяне народъ столь могущественный и страшный, что если бы не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, то не помѣрялся-бы съ ними въ силѣ ни одинъ народъ въ мірѣ» ([75]). Замѣчаніе, исполненное глубокаго значенія!

О внутреннемъ, общественномъ устройствѣ Славянъ, жившихъ такъ разрозненно, такъ широко и привольно, Византійцы знаютъ, повидимому, очень немногое; это видно изъ того, что всѣ сообщенія ихъ преисполнены противорѣчій, на первый взглядъ почти непримиримыхъ. Одни изъ нихъ говорятъ, что «Славяне не знаютъ никакого правительства», что они «не повинуются одному мужу», «не терпятъ никакого повелителя», и прибавляютъ: «ихъ невозможно никоимъ образомъ склонить къ рабству или повиновенію». Но въ то-же время, какъ бы противорѣча этимъ-же самымъ свидѣтельствамъ, тѣ-же писатели византійскіе упоминаютъ, что «Славяне изначала живутъ при народномъ правленіи», что «у нихъ въ обычаѣ совѣщаться вмѣстѣ обо всякихъ дѣлахъ», и что «во главѣ управленія у нихъ стоятъ много царьковъ (или князьковъ)».

Народное правленіе, о которомъ сообщаютъ намъ Византійцы, коренилось на общинномъ началѣ, получившемъ широкое развитіе у всѣхъ Славянъ, въ особенности восточныхъ. Этимъ началомъ опредѣлялись у нихъ всѣ важнѣйшія формы ихъ сельскаго и городскаго быта.

Сельская община представляла особый, тѣсно сплоченный міръ отношеній правовыхъ (юридическихъ) и имущественныхъ (экономическихъ), крѣпко держалась своими уставами-обычаями и потому послужила основою для развитія болѣе сложнаго общественнаго организма. Ея жизнь слагалась и развивалась подъ весьма разнообразными вліяніями, внѣшними и внутренними. Свойства почвы и климата, уровень мѣстности, близость торговыхъ путей, отношенія къ сосѣдямъ, составъ общины въ эпоху ея возникновенія—все это опредѣляло естественный ходъ ея развитія.

Община владѣла землею и распредѣляла ее между своими членами, представителями отдѣльныхъ семей, изъ которыхъ она слагалась. Члены ея сходились на сходъ и на немъ обсуждали и рѣшали дѣла, касавшіяся общины.

Но то устройство, котораго было совершенно достаточно для управленія сельскою общиною, значительно должно было видоизмѣниться въ *городѣ*, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, исключительно свойственныхъ жизни городской. Разсмотримъ эти условія.

Города на сѣверо-западѣ, западѣ и юго-западѣ Россіи явились уже очень рано. Въ концѣ IX в. слава о Кіевѣ, какъ о городѣ торговомъ, многолюдномъ и богатомъ, успѣла уже достигнуть далекаго саманидскаго Востока; надо, слѣдовательно, предположить, что онъ долженъ былъ существовать гораздо ранѣе. Хотя въ извѣстіяхъ западныхъ, между VI и IX вѣкомъ, находимъ очень мало свѣдѣній о городахъ у Славянъ, однако же Константинъ Багрянородный знаетъ уже о существованіи на Руси Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышеграда и Витичева. Во время правленія Игоря (912—945 г.) мы знаемъ о существованіи болѣе чѣмъ 20 городовъ русскихъ. Судя по этому количеству городовъ, должно предположить, что города стали строиться на занятомъ Славянами с.-востокѣ очень рано, и что вообще городская жизнь развилась тамъ рано.

Относительно значенія древне-славянскаго слова *градъ* (городъ — русская форма), можемъ только замѣтить, что подъ *градомъ* первоначально понимали всякое *огражденное* мѣсто, а такъ какъ *оградить*, обнести оградой, можно было двояко—или насыпавъ земляной валъ, или поставивъ деревянный тынъ,—то и первоначальные города славянскіе могли быть *земляные* (т. е. съ насыпнымъ землянымъ валомъ) или *деревянные* (т. е. обнесенные деревянными стѣнами). Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ старинномъ русскомъ языкѣ два выраженія, соотвѣтствующія этимъ двумъ способамъ сооруженія городскихъ стѣнъ: — *сметать* градъ и *срубить* градъ.

Слѣдуетъ, кажется, предположить, что первоначально къ построенію градовъ вынуждала опасность военная, необходимость защищаться отъ нападеній внѣшняго врага и отсиживаться за стѣнами отъ набѣговъ кочевническихъ. Въ этомъ предположеніи отчасти убѣждаетъ насъ множество остатковъ древнихъ земляныхъ насыпей, извѣстныхъ подъ названіемъ *городищъ*, *замковъ* и *городковъ*, которыми покрыто все наше Приднѣпровье и вся область первоначальныхъ поселій, занятая Славянами ([76]).

Городища эти представляютъ собою то правильный кругъ, то полукружье, то двойной, угловой валъ, съ различными насыпными къ нему придѣлками и приставками; одни изъ нихъ состоятъ изъ насыпи совершенно ровной и не имѣютъ входа; другія насыпаны неравномѣрно, выше съ одной стороны, ниже съ другой, и снабжены входомъ или даже нѣсколькими входами. Всѣ они очень не обширны; средней величины городища простираются въ длину на 150—300 ша-

[redacted]

говъ по вѣнцу вала, а во внутреннемъ пространствѣ имѣютъ въ поперечникѣ не болѣе 80 шаговъ ([77]). Городища бо́льшихъ и меньшихъ размѣровъ встрѣчаются рѣже.

Попадаются городища и на мѣстахъ ровныхъ, открытыхъ, при рѣкахъ и на крутыхъ скатахъ горъ, встрѣчаются и среди болотъ, и среди густыхъ лѣсовъ. Вѣрнымъ признакомъ отличія древнѣйшихъ городищъ отъ позднѣйшихъ земляныхъ насыпей христіанской эпохи— является присутствіе кургановъ (языческихъ могилъ) вблизи городища ([78]). Вся площадь ихъ, при раскопкахъ, оказывается покрыта слоемъ перегноя и щебня, подобнаго тому, который встрѣчаемъ на мѣстахъ всякихъ древнихъ поселій. Въ этомъ же слоѣ и подъ нимъ, среди глиняныхъ черепковъ, золы и угля, попадаются кости различныхъ животныхъ и самые разнообразные предметы домашняго обихода — ключи, замки, гвозди, ножи, иногда украшенія (бусы, серьги, привѣски, браслеты, кольца); иногда оружіе — наконечники стрѣлъ, пращевые камни, копья ([79]).

Очевидно, что опредѣленнаго плана при насыпаніи этихъ древнихъ градовъ не было, что насыпались они вслѣдствіе необходимости прибѣгнуть къ самозащитѣ, что первоначально за ихъ насыпями укрывалось мѣстное населеніе на время, покидая свои разсѣянныя жилища, оставляя свой мирный трудъ, мѣняя ра́ло на щитъ и мечъ, а по минованіи опасности, насыпной градъ пустѣлъ снова, и жители возвращались въ прежнія мѣста своихъ поселій.

Городки деревянные, срубленные носили на себѣ нѣсколько иной характеръ. Первоначально, можетъ быть, они были сборными пунктами для продажи и обмѣна товаровъ; но потомъ выгоды торговли начинали болѣе и болѣе привлекать населеніе къ этимъ не многимъ избраннымъ пунктамъ, на извѣстныхъ торговыхъ путяхъ; населеніе скучивалось, городокъ обстраивался, а по мѣрѣ того, какъ развивалась его внутренняя жизнь, оказывалось, наконецъ, необходимымъ и огражденіе поселья отъ внезапныхъ набѣговъ и опасностей прочною деревянною оградою. И этотъ новый городъ, съ теченіемъ времени, въ свою очередь, могъ въ такой-же степени служить цѣлямъ защиты всего мѣстнаго населенія, въ какой—служили тѣмъ-же цѣлямъ и прежніе, насыпные, земляные города. Но, кажется, необходимо признать извѣстное, опредѣленное различіе между древними городищами и болѣе новыми, огражденными посельями, возникавшими на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ: различіе не только во времени, но и въ тѣхъ потребностяхъ, которыми вызывалось появленіе обоихъ видовъ города, и которыя, по отношенію къ послѣднему виду, указывали на значительный успѣхъ въ развитіи внутренней жизни ([80]).

[redacted]

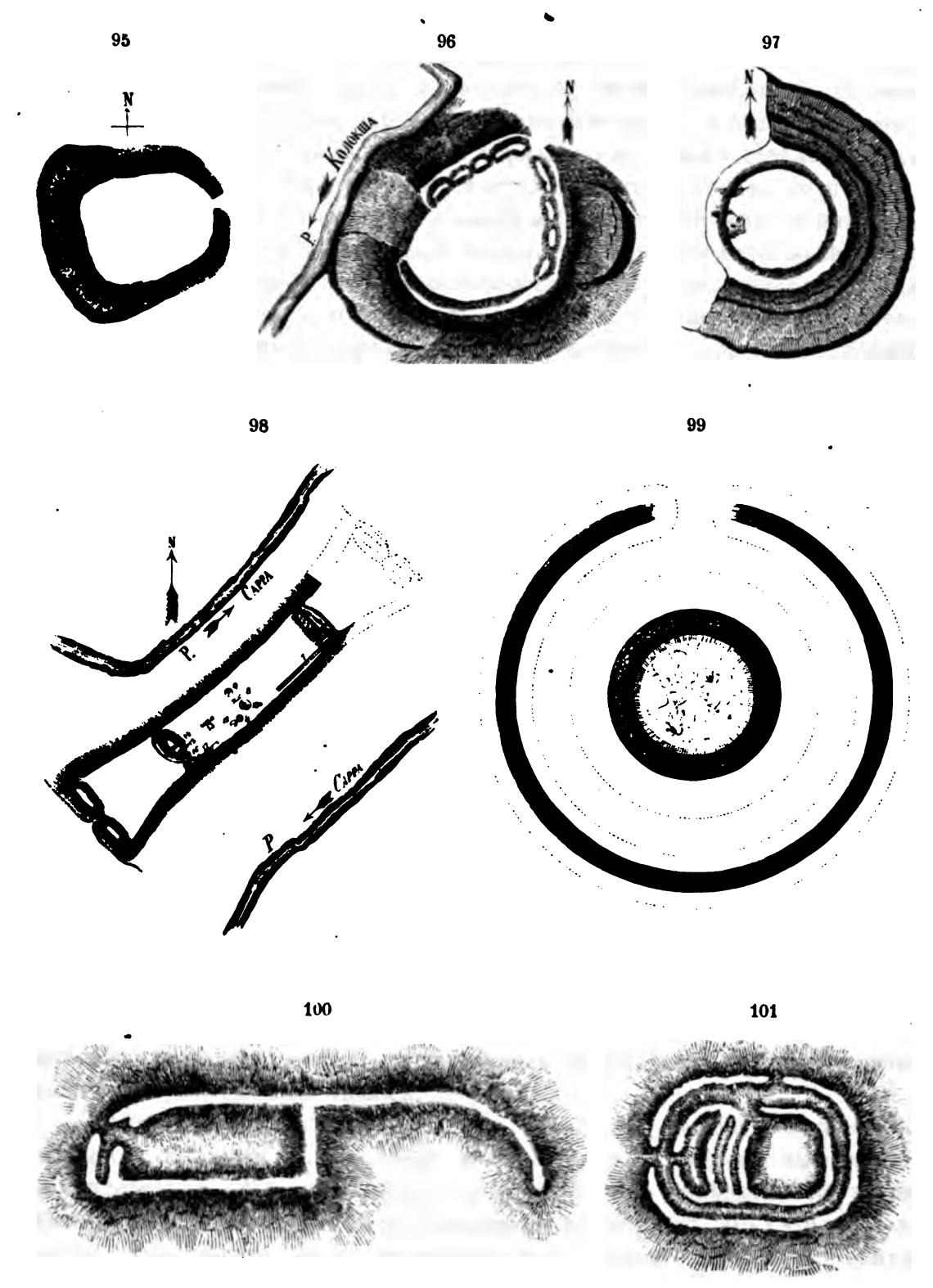


Рис. 95—101. Виды различныхъ типовъ городищъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

[redacted]

Въ городъ шли люди отборные, на все готовые, подвижные, — словомъ, всѣ тѣ, кому тѣсенъ былъ домашній очагъ, кого не удовлетворялъ тяжелый трудъ замледѣльца, тѣсно связанный съ независящими отъ человѣка условіями климатическими, и потому не всегда вознаграждаемый. Городъ, такимъ образомъ, не только давалъ средства для защиты, не только становился средоточіемъ торговли, но вмѣстѣ и поприщемъ для обмѣна новыхъ понятій и свѣдѣній. По мѣрѣ возникновенія городовъ и развитія городской жизни, сельское населеніе должно было подпасть до нѣкоторой степени зависимости отъ города, который служилъ ему мѣстомъ сбыта и убѣжищемъ на случай опасности отъ враговъ. Интересы городскаго населенія, преимущественно торговые, должны были приводить къ частымъ столкновеніямъ, перепутываться, вызывать къ враждѣ и раздорамъ, вслѣдствіе чего сказывалась постепенно необходимость въ новыхъ, болѣе развитыхъ формахъ общественнаго строя. Явилась потребность рѣшать вопросы общественные, одинаково важные для всѣхъ жителей города: этой потребности удовлетворяло *вѣче*,—собраніе всѣхъ свободныхъ жителей города, въ основѣ своей мало отличавшееся отъ сельскаго схода. Но оно оказалось недостаточно для рѣшенія всѣхъ вопросовъ усложнившейся жизни: потребовались новыя начала для болѣе правильнаго, болѣе спокойнаго и ровнаго управленія городами, которые мало-по-малу становились главными выразителями жизни отдѣльныхъ племенъ, отдѣльныхъ земель. Постепенно стала крѣпнуть власть *княжеская*, въ началѣ, вѣроятно, очень ограниченная. Что князья были у Славянъ восточныхъ до IX вѣка, въ этомъ убѣждаютъ насъ не только единогласныя свидѣтельства Византійцевъ и Арабовъ, но и то, что слово князь встрѣчается во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Первоначально достоинство князя не было ни пожизненнымъ, ни наслѣдственнымъ; выборный князь являлся не болѣе, какъ правителемъ «на всей волѣ народной». Едва-ли около такого выборнаго князя могла являться дружина—тѣ пособники и думцы княжескіе, которыхъ мы впослѣдствіи видимъ около князей? Власть законодательная была въ рукахъ вѣча, и семейно-общинный бытъ еще сказывался въ томъ, что старцы пользовались нѣкоторымъ преимуществомъ даже и на городскихъ вѣчахъ.

Свидѣтельства иностранцевъ отъ VI—X в. указываютъ намъ на то, что у Славянъ была *знать*, *военные люди*, *купцы-промышленники* и *земледѣльцы*. Мы позволяемъ себѣ не вполнѣ довѣрять этимъ свидѣтельствамъ по отношенію къ Славянамъ восточнымъ. До IX в. едва-ли могли существовать рѣзко-опредѣлившіяся сословія:—не было ни знати, ни военныхъ людей; земледѣльцы-же являлись и промышленниками. Войска постояннаго у Славянъ также не было: всѣ, въ минуту опасности, брались за оружіе и становились воинами. Отдѣльнымъ, болѣе

[redacted]

или менѣе цѣльно-сложившимся сословіемъ являлись купцы, тѣ купцы-воины, которые торговали, не выпуская меча изъ рукъ; они-то, вѣроятно, положили первыя начала тѣсной связи между племенами славянскими и финскими на сѣверо-востокѣ, той связи, которую одинъ изъ ученыхъ нашихъ называетъ торговымъ союзомъ, и которая привела впослѣдствіи къ сліянію отдѣльныхъ племенъ славянскихъ въ одну общую Русь. Сословіе купцовъ-воиновъ уже и до IX вѣка было, вѣроятно, богато, судя по тѣмъ кладамъ, которые несомнѣнно принадлежатъ тому времени и до сихъ поръ откапываются на всѣхъ древнихъ путяхъ нашей торговли. Какъ сословіе богатое, купцы, вѣроятно, пользовались и нѣкоторымъ значеніемъ въ управленіи. Въ тѣсной зависимости отъ купцовъ-воиновъ стояло, вѣроятно, и еще одно сословіе, несомнѣнно существовавшее у Славянъ восточныхъ и западныхъ до IX вѣка — сословіе рабовъ. Рабы (челядь) составляли одну изъ древнѣйшихъ отраслей торговли и съ Византіей, и съ Востокомъ. Рабовъ доставляла во множествѣ война, столь частая и обычная въ то тревожное время, и, какъ мы уже видѣли, столь тѣсно связанная съ торговлей. О положеніи рабовъ въ эпоху до IX в. очень трудно сказать что-нибудь положительно вѣрное; достовѣрно только то, что торговля рабами существовала и гораздо позже, а въ X в. была еще въ полной силѣ. Нѣкоторый свѣтъ на положеніе рабовъ у Славянъ бросаетъ свидѣтельство Маврикія, который говоритъ, что «военно-плѣнные содержатся у Славянъ въ рабствѣ не на всю жизнь, какъ это дѣлается у другихъ народовъ, но, по прошествіи извѣстнаго времени, предоставляется имъ на выборъ – возвратиться-ли на родину, заплативъ выкупъ, или остаться между ними на свободѣ».

Возникая преимущественно изъ потребностей торговли, города, какъ мы уже сказали выше, должны были первоначально появляться при важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ. Такими путями являлись у насъ на Руси, съ древнѣйшихъ временъ, рѣки и рѣчные волоки, служившіе, конечно, и путями самой колонизаціи славянской на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европы. Таковъ былъ и знаменитый «путь изъ Варягъ въ Греки», соединявшій Балтійское море съ Чернымъ. Пути по рѣкамъ должны были, конечно, предпочитаться, въ ту отдаленную эпоху, всѣмъ прочимъ, и самое слово *путь*, родственное съ греческимъ *понтосъ* (море), указываетъ на то предпочтеніе, которое первоначально отдавали движенію *водою* передъ движеніемъ *горою* (т. е. сухимъ путемъ). Но, конечно, нельзя отрицать и того, что позднѣе, по мѣрѣ разселенія племенъ далѣе, въ глубь страны, стали пролагать торговые пути и по степямъ, и по лѣснымъ дебрямъ; однако-же эти пути должны были несомнѣнно имѣть лишь второстепенное значеніе.

Съ какими чрезвычайными трудностями и опасностями соединено

[redacted]

было плаваніе по путямъ воднымъ, тому лучшимъ свидѣтельствомъ является подробное описаніе движенія торговыхъ каравановъ по пути «изъ Варягъ въ Греки», оставленное намъ современникомъ. «Снарядивъ въ Кіевѣ суда»—такъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный—«въ іюнѣ мѣсяцѣ спускались Россы по Днѣпру, до города Витичева; пробывъ тутъ два-три дня, выждавъ, пока соберутся всѣ суда (входящіе въ составъ каравана), они продолжали свой путь внизъ по Днѣпру». Сказавъ объ опасностяхъ перваго порога Днѣпровскаго, императоръ говоритъ, что именно во избѣжаніе этихъ опасностей «Россы не осмѣливались плыть прямо черезъ этотъ порогъ, но останавливались по близости и высаживали

Рис. 102. Видъ Перепетовыхъ кургановъ въ Кіевской губерніи.

людей, оставляя въ лодкахъ одну поклажу. Потомъ одни входили въ воду и босыми ногами ощупывали дно, чтобъ не наткнуться на камень, между тѣмъ какъ другіе толкали веслами въ переднюю, среднюю и заднюю часть судна. Такимъ образомъ, съ великимъ трудомъ, проходили они этотъ первый порогъ между утесами и берегомъ рѣки». Точно также пробирались они и черезъ второй, и черезъ третій порогъ. «Потомъ подплывали они къ четвертому большому порогу. Здѣсь всѣ суда причаливали. Люди выходили изъ нихъ и составляли охранную стражу ради Печенѣговъ. Другіе вытаскивали изъ судовъ поклажу и высаживали скованныхъ рабовъ, которыхъ отводили на 6000 шаговъ, пока

не минуютъ порога. Остальные, между тѣмъ, тянули суда волокомъ или несли на плечахъ. За порогомъ спускали ихъ опять въ рѣку, нагружали и плыли далѣе». Черезъ пятый, шестой и седьмой порогъ Руссы проводили свои суда по фарватеру, какъ въ трехъ первыхъ порогахъ, и затѣмъ «доходили до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ переправляются Херсонцы, возвращающіеся изъ Руси, и Печенѣги, идущіе въ Херсонъ. Берегъ здѣсь такъ высокъ, что пущенная съ него стрѣла прямо достигаетъ переѣзжающихъ. Поэтому Печенѣги приходятъ именно сюда, чтобы нападать на Россовъ». Миновавъ это мѣсто, Россы приставали къ острову св. Георгія, гдѣ приносили жертвы передъ большимъ дубомъ, вѣроятно, въ благодарность богамъ, избавившимъ ихъ отъ опасности. Но между тѣмъ опасности странствованія не кончались здѣсь: предстояло переплыть днѣпровскій лиманъ и бурное море, и у Сулинскаго рукава Дуная вновь готовиться къ нападенію Печенѣжской засады. «И нерѣдко случалось»,—замѣчаетъ императоръ,—«если нѣсколько судовъ прибьетъ къ берегу, что всѣ Россы бываютъ вынуждены высадиться на берегъ и общими силами отбиваться отъ враговъ».

Понятно, что въ то отдаленное время, среди такихъ препятствій и опасностей, торговля не могла существовать, какъ исключительно мирное занятіе: военное ремесло являлось неразлучнымъ съ торговлею. Торговый человѣкъ того времени, отправляясь съ товаромъ своимъ къ мѣстамъ сбыта, долженъ былъ преодолѣвать тысячи опасностей, долженъ былъ готовиться ко всевозможнымъ случайностямъ. Онъ шелъ въ свое торговое плаваніе вооруженный съ головы до ногъ, принималъ всякаго рода предосторожности противъ нападенія хищниковъ, преграждавшихъ ему путь въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, преодолѣвалъ громадныя трудности, то разгружая, то вновь нагружая товаромъ свои лодьи, то перенося ихъ черезъ каменныя гряды. Достигнувъ, наконецъ, желаннаго мѣста сбыта, послѣ долгаго и труднаго странствованія, купецъ вступалъ въ торговыя сношенія съ туземцами, продавалъ или промѣнивалъ свой товаръ, и нерѣдко, сведя итоги своихъ оборотовъ,—вдругъ соблазнялся возможностью легкой наживы, и начиналъ грабить тѣхъ, съ кѣмъ торговалъ вчера. Торгъ кончался грабежемъ и войною, и наоборотъ—война нерѣдко приводила къ установленію мирныхъ торговыхъ сношеній и къ проложенію новыхъ торговыхъ путей. Вслѣдствіе этого особаго, исключительнаго положенія торговли, торговое сословіе, конечно, должно было состоять изъ отборныхъ людей, изъ смѣлыхъ, отважныхъ, на все готовыхъ удальцовъ; чѣмъ смѣлѣе и предпріимчивѣе оказывался торговецъ, чѣмъ лучше разумѣлъ онъ торговое ремесло, чѣмъ отважнѣе пускался онъ въ даль, съ твердою увѣренностью въ свою мощь и удаль—тѣмъ и торговля его была удачнѣе, и обогащеніе

[redacted]

шло быстрѣе и вѣрнѣе. Идеалами такого рода купцовъ-воиновъ являлись на сѣверѣ, въ прибалтійскомъ поморьѣ, сбродныя дружины Варяговъ. Вѣроятно, уже очень рано, въ VI—VII в. онѣ должны были войти въ столкновеніе съ тѣми Ильменскими Славянами, Кривичами и Весью, которые, осѣвъ на сѣверномъ концѣ «пути изъ Варягъ въ Греки», захватили въ свои руки всю торговлю, шедшую этимъ путемъ съ сѣвера на югъ и востокъ, и съ юга на сѣверъ и западъ. Столкновенія эти, сначала, вѣроятно, враждебныя, привели впослѣдствіи къ мирнымъ сношеніямъ, и смѣлыя дружины Варяговъ открыли себѣ пря-

Рис. 103. Видъ Черной могилы (въ Черниговской губерніи).

мой путь въ Византію черезъ Русскую землю, увлекая за собою примѣромъ и тѣ славянскія племена, которыя жили вдоль великаго торговаго пути.

Вѣроятно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ опытныхъ и отважныхъ балтійскихъ мореходныхъ дружинъ, развилось мореходство и у Славянъ восточныхъ; судя по тѣмъ подробностямъ, по тѣмъ вполнѣ выработаннымъ пріемамъ судостроенія, какіе сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный, разсказывая о плаваніи Славянъ по Днѣпру и Черному морю, мы даже имѣемъ полное право предположить, что мореходство у нихъ развилось гораздо ранѣе X вѣка. Въ по-

[redacted]

ловинѣ X вѣка, по разсказу очевидца (Константина Багрянороднаго), въ Византію приходили уже суда съ товаромъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышеграда. Сохранилось даже и описаніе этихъ судовъ (*однодеревокъ*)*), неладно скроенныхъ, но плотно сшитыхъ изъ распластанныхъ на-двое, могучихъ деревьевъ. «Славяне Кривичи, Лучане и другія славянскія племена»—сообщаетъ императоръ—«въ зимнее время у себя на горахъ нарубаютъ лѣсъ для постройки этихъ судовъ и, лишь только ледъ стаетъ, сплавляютъ ихъ въ ближнія озера, и потомъ въ Днѣпръ до Кіева, гдѣ продаютъ ихъ Руссамъ, которые впрочемъ покупаютъ однѣ лодьи, а весла, уключины и снасти дѣлаютъ сами». Арабскіе писатели съ изумленіемъ и ужасомъ разсказываютъ намъ о дальнихъ походахъ и опустошительныхъ набѣгахъ Руссовъ, въ X вѣкѣ, не только на черноморскія и азовскія прибрежья, но и на берега Каспійскаго моря, къ которымъ Руссы пробирались изъ Азовскаго моря (по Дону и вóлокамъ) въ Волгу и Волгою, черезъ владѣнія Хазарскаго хакана, въ Каспійское море, къ берегамъ Кавказа и Персіи.

Выше мы уже видѣли, какъ темны и сбивчивы были свѣдѣнія, доставляемыя Византійцами о внутреннемъ устройствѣ славянскаго быта; еще менѣе могли быть доступны ихъ пониманію религіозныя вѣрованія Славянъ.

Отличительною и важною чертою вѣрованій у Славянъ восточныхъ является простота и неразвитость ихъ религіозныхъ воззрѣній, сравнительно съ миѳологіею остальныхъ арійскихъ народовъ и даже нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. У Славянъ западныхъ, преимущественно у Славянъ балтійскихъ, видимъ опредѣленныхъ боговъ, богослуженіе, сословіе жрецовъ, многочисленныхъ идоловъ и богатые, искусно-выстроенные храмы; — а у Славянъ восточныхъ не видимъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни идолослуженія, ни даже опредѣленныхъ типовъ божества. Немногосложныя, простыя вѣрованія восточныхъ Славянъ носили на себѣ характеръ первобытнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы, которыхъ вліяніе сознавалось, но представлялось въ образахъ блѣдныхъ, не ясныхъ, еще не носившихъ на себѣ печати вполнѣ сознательнаго типическаго представленія. Краткія, отрывочныя упоминанія древняго лѣтописца нашего о Перунѣ и о Волосѣ, *скотьемъ* богѣ, и о томъ, что ихъ имена употреблялись въ клятвахъ и при заключеніи договоровъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что поклоненіе этимъ богамъ было распространено и даже имѣло довольно важное значеніе; но эти упоминанія

*) Однодеревками (по греч. *монокскюла*) назывались эти суда потому, что въ основу ихъ полагалось одно толстое дерево, выдолбленное или выжженное въ формѣ большаго челна, къ которому, судя по нѣкоторымъ пріемамъ современнаго намъ народнаго судостроенія, по краямъ придѣлывали борта изъ толстыхъ досокъ.

[redacted]

не вводятъ насъ въ общій кругъ религіозныхъ вѣрованій восточныхъ Славянъ. Судя по извѣстіямъ византійскихъ писателей и по свидѣтельствамъ, сохранившимся отъ ближайшей къ IX вѣку эпохи, между всѣми Славянами распространено было вѣрованіе въ единое, верховное существо, правившее всѣмъ міромъ. Можно догадываться, по нѣкоторымъ намекамъ, что имя этому верховному существу было *Сварогъ*, и что оно было олицетвореніемъ свѣта и неба, среди котораго Сварогъ властвовалъ, повелѣвая молніей и громомъ. Соотвѣтствующимъ Сварогу божествомъ женскаго пола являлась *мать-земля*, производящая все видимое человѣку и питающая его. Сыновьями этого вышняго бога почитались Солнце и Огонь.

Принимая во вниманіе эти вѣрованія, мы понимаемъ, почему арабскіе писатели почти единогласно утверждаютъ, что Славяне поклонялись солнцу. Красному солнышку, оживлявшему всю природу своими лучами, пробуждавшему ее отъ зимняго сна, посвящались особыя празднества, сопровождавшіяся обрядовыми играми, плясками и пѣснями, въ которыхъ прославляли солнце и его благодѣянія, просили «вёдра» и урожая.

Олицетвореніемъ солнца на землѣ являлся огонь, которому приписывалось вѣщее, священное значеніе: оно и проявлялось въ уваженіи Славянина къ его домашнему очагу. Не менѣе важною и священною стихіею представлялась и вода, которую высоко чтилъ Славянинъ, ставя земныя воды — рѣки, озера и ручьи — въ тѣсную связь съ водами небесными. У воды совершались «умыкиванія» невѣстъ и обрядовыя игрища; воображеніе Славянина населяло воды, какъ и лѣса, особыми существами, отъ которыхъ въ тѣсной зависимости находились различныя обстоятельства жизни, различныя условія быта. Вотъ почему Славянинъ и старался умилостивить эти существа, принося жертвы «кладязямъ, источникамъ и рощеніямъ».

Вода и огонь, олицетворявшій на землѣ солнце — благодѣтельныя и вмѣстѣ губительныя стихіи—стояли въ сознаніи Славянъ, какъ и прочихъ арійскихъ народовъ, очень близко къ представленію о смерти. Огонь пожиралъ и уничтожалъ; вода поглощала и умерщвляла; и вотъ почему, вѣроятно, представленіе о смерти, о загробной жизни тѣсно связывалось въ славянской древности съ огнемъ и водою. По водѣ приплывали весною и выходили на землю—насладиться земною жизнью, полюбоваться оживленною природою—тѣни усопшихъ, олицетворявшіяся въ образѣ русалокъ; огню предавались тѣла усопшихъ, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что этимъ облегчается имъ переходъ въ иной невѣдомый міръ, въ царство мертвыхъ. Въ тѣсной связи съ этими воззрѣніями на смерть и загробную жизнь стояли и самые ія у

[redacted]

Славянъ, о которыхъ намъ сохранились весьма древнія и достовѣрныя свидѣтельства.

По извѣстіямъ арабскихъ писателей и по свѣдѣніямъ, сохранившимся у нашего древняго лѣтописца, сожиганіе мертвыхъ было чрезвычайно распространеннымъ обычаемъ погребенія, хотя едва ли общимъ, исключавшимъ всѣ другіе обычаи. Сожигались мертвецы на высокихъ кострахъ, а потомъ надъ костями и пепломъ ихъ, собранными въ глиняную посудину, насыпался высокій холмъ; въ другихъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописца, по сожженіи, посудину не зарывали въ землю, «а ставили на столпѣ на путехъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по свидѣтельству Арабовъ, при похоронахъ богатыхъ и знатныхъ людей, вмѣстѣ съ мертвецомъ, на одномъ кострѣ, сожигались и рабы, и одна изъ наложницъ покойнаго, и домашнія животныя, вѣроятно для того, чтобы этимъ доставить ему и въ загробномъ существованіи тѣ-же удобства, какими онъ пользовался при жизни. Сожженію предшествовалъ и за сожженіемъ слѣдовалъ пиръ, сопровождавшійся иногда и борьбою, и другими играми въ честь умершаго. Женщины при этомъ, въ знакъ печали, царапали себѣ ножемъ руки и лице. Всѣ эти обряды, совершавшіеся при сожженіи, извѣстны были подъ общимъ названіемъ «тризны» или поминокъ. Арабы упоминаютъ и о томъ, что тризны повторялись черезъ годъ послѣ смерти покойнаго и совершались на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ тѣло его его предано было сожженію.

Новѣйшія раскопки въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи (преимущественно въ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губерніяхъ), подтверждая эти древнія извѣстія, дополнили ихъ важными бытовыми подробностями. Оказалось, что и самое сожженіе труповъ производилось въ разныхъ случаяхъ различно. Одинъ способъ сожженія состоялъ въ томъ, что покойниковъ сожигали *возлѣ* того мѣста, гдѣ насыпался курганъ, послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, клали ихъ въ глиняный сосудъ, ставили сосудъ въ приготовленный заранѣе земляной холмъ (отъ 1 до 2 аршинъ вышины) и засыпали его слоемъ земли, отъ двухъ четвертей до полутора аршина толщиною. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ видно по украшеніямъ, находимымъ между остатками костей. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигали мелкихъ животныхъ; ихъ кости складывали въ тѣже сосуды ([81]).

Другой способъ сожженія производился иначе. Сначала приготовлялась насыпь съ обкруглымъ основаніемъ, и на этой насыпи устраивали громадный (судя по остаткамъ) костеръ. На этомъ кострѣ полагали покойника въ одеждѣ и украшеніяхъ, а около него—разныя вещи: оружіе, орудія, сбрую, монеты, горныя принадлежности, зерновой

[redacted]

хлѣбъ, заколотыхъ на его могилѣ домашнихъ животныхъ. Послѣ сожженія, пепелище закрывали слоемъ земли отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. Поверхъ этого слоя, въ центрѣ кургана, ставили сосудъ съ костями жертвеннаго животнаго, и затѣмъ, весь курганъ прикрывали новымъ слоемъ земли, отъ 2—6 аршинъ толщиною ([82]).

Но какъ ни древенъ былъ этотъ обычай сожженія мертвыхъ, одновременно съ нимъ могъ существовать (и вѣроятно существовалъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ) и другой способъ погребенія, посредствомъ зарыванія въ землю. Это также подтверждается раскопкою кургановъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. И дѣйствительно, въ воззрѣніяхъ на смерть и на посмертное существованіе и тогда, какъ и нынѣ, могли отражаться слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ: «въ народномъ сознаніи сталкивались и пересѣкались разныя міросозерцанія, образовались изъ нихъ различныя религіозныя наслоенія, которыя, въ свою очередь, были вытѣснены только ученіемъ христіанскимъ» ([83]) Насколько сожженіе служило выраженіемъ болѣе высокаго, болѣе развитаго представленія о загробномъ существованіи въ какомъ-то иномъ, далекомъ мірѣ, на столько же закапываніе въ землю (при которомъ опускали въ могилу, вмѣстѣ съ мертвецомъ, и оружіе его, и украшенія, и домашнюю утварь, и даже запасъ пищи) было выраженіемъ болѣе ограниченнаго, болѣе матеріальнаго, а потому, вѣроятно, и болѣе древняго представленія о смерти, которою все кончалось для умершаго, уходившаго отъ живыхъ «въ ту недальную сторонушку безъизвѣстную, куда вѣтрышки не провѣвываютъ, люто звѣрьё не прорыскиваетъ, малая птичка не пролётываетъ» — куда «и не колоденъ путь, да безповоротный» ([84]).

Въ связи съ религіозными вѣрованіями Славянъ стоялъ, вѣроятно, и весьма богатый запасъ обрядовой народной поэзіи, насколько мы можемъ судить о немъ по обширному запасу дошедшихъ до насъ заклинаній, заговоровъ, причитаній, шептаній и даже цѣлыхъ пѣсенъ, доселѣ еще не вполнѣ утратившихъ свой обрядовый характеръ и отчасти сохранившихъ намъ отголоски языческихъ вѣрованій. Вообще говоря, богатая (хотя еще и далеко не вполнѣ разработанная) сокровищница славянской народной поэзіи служитъ лучшимъ доказательствомъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ задатковъ, которыми издревле одарены были всѣ племена славянскія, вообще проявляющія такъ много способностей къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкѣ. Вѣроятно, наклонность эта очень замѣтно проявлялась въ Славянахъ и въ ту отдаленную эпоху, потому что арабскіе писатели весьма опредѣленно говорятъ намъ о ихъ расположеніи къ музыкѣ и о томъ, что у нихъ были въ употребленіи и струнные, и духовые инструменты ([85]).

Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу той степени развитія, на которой находились всѣ славянскія племена въ описываемую нами эпоху, служитъ конечно то, что у нихъ несомнѣнно существовали свои *письмена* и гораздо ранѣе введенія христіанства въ Болгаріи. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только арабскія и западныя свидѣтельства, но и болѣе позднія свидѣтельства византійскія, на основаніи которыхъ узнаемъ, что у Славянъ уже и до братьевъ-первоучителей была своя азбука, по которой они читали, и знаки которой, сверхъ того, служили и для счета, и для гаданія. (¹). Въ связи съ дошедшими до насъ свидѣтельствами о существованіи этихъ письменъ, стоитъ и важное извѣстіе древняго житія Константина и Меѳодія, по которому Константинъ, задолго до проповѣди своей въ земляхъ славянскихъ отправившійся просвѣщать Хазаръ въ Тавридѣ, нашелъ въ Корсуни «русскія книги», Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; отъ этого-то Русина, по свидѣтельству житія, онъ выучился и читать, и говорить по русски, «къ удивленію многихъ» (⁸⁶).

ХАЗАРЫ, БОЛГАРЫ, БІАРМІЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ХАЗАРЫ, БОЛГАРЫ, БІАРМІЯ.

Отношенія Славянъ къ финскимъ племенамъ на Сѣверѣ и къ тюркскимъ на Востокѣ Россіи.— Арабскія извѣстія о Хазарахъ.—Внутреннее устройство Хазарскаго царства; наиболѣе замѣчательныя черты быта.—Волжскіе Болгары.—Торговля ихъ съ Арабами.—Важнѣйшія статьи вывоза и ввоза.— Арабское серебро и болгарскія монеты.—Древняя столица Болгаръ.—Сношенія Болгаръ съ Біарміей и Югрой.—Пути и способы болгарской торговли.—Походы скандинавскихъ викинговъ въ Біармію.

Въ предыдущихъ главахъ мы ознакомились съ первобытными обитателями обширной территоріи, занимаемой нынѣшнею европейскою Россіей, прослѣдили бытъ ихъ, насколько это было возможно, по остаткамъ, уцѣлѣвшимъ до настоящаго времени и разъясненнымъ археологическою наукою.

Черезъ глубокій сумракъ каменнаго вѣка, черезъ длинный рядъ постепенныхъ переворотовъ и движеній, произведенныхъ въ средней и сѣверной Европѣ бронзовымъ вѣкомъ, мы дошли, въ изложеніи нашемъ, до временъ историческихъ—до Скиѳовъ Геродота—и могли перейти наконецъ къ описанію древнѣйшаго быта Славянъ, которому и посвятили всю предшествовавшую главу. Въ этой главѣ считаемъ необходимымъ представить общій очеркъ племенъ, съ которыми славянской народности приходилось сталкиваться на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и юго-западѣ.

Поселенія славянскія, слѣдуя вверхъ по бассейну Днѣпра и его притоковъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ область р. Волги, клиномъ врѣзались въ самое сердце финскихъ поселій, занимавшихъ весь сѣ-

веръ Россіи и большую часть Приволжья, почти до границы степной полосы. Борьбы долгой и упорной между Славянами-пришельцами и Финнами, древними посельниками, почти нигдѣ не происходило, тѣмъ болѣе, что Славяне являлись не въ качествѣ деспотическихъ завоевателей, а болѣе въ качествѣ колонизаторовъ; и лишь очень немногія племена финскія были способны отстоять свою національность отъ славянскаго наплыва: — приходилось или отступать передъ нимъ въ болота и дебри, или постепенно и незамѣтно сливаться съ нимъ, входя въ составъ новыхъ русскихъ областей.

Изъ массы народовъ финскаго племени, населявшихъ сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи въ древнѣйшія времена, выдѣляются особенно Біармійцы и Югра. Изъ числа народовъ тюркскаго происхожденія преобладающее значеніе на востокѣ и юго-востокѣ Россіи принадлежало — въ эпоху между шестымъ—десятымъ вѣкомъ—Болгарамъ и Хазарамъ, народамъ, занимающимъ видное мѣсто въ исторіи русскаго востока.

Между тѣмъ какъ на Днѣпровскихъ прибрежьяхъ и около Ильменя-озера только еще начинали складываться первыя русскія княжества и лучи христіанства впервые проникали въ нихъ изъ Византіи—Хазарскій Востокъ уже давно жилъ довольно правильно-развитою гражданскою жизнью и велъ обширную торговлю съ Азіей, пользуясь преимуществами своего географическаго положенія, благодаря которому на долю его выпадало посредничество въ сношеніяхъ далекаго Востока съ европейскимъ Сѣверомъ и Западомъ.

Свѣдѣнія о бытѣ Хазарскаго народа сохранились намъ у Арабскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ юго-востокъ и востокъ Россіи въ періодъ между VIII и X вв., преимущественно съ цѣлями торговыми, хотя собственно торговыя сношенія Азіи съ сѣверо-востокомъ Европы начались вѣроятно ранѣе (въ концѣ VII в.). «Воинственные Аравитяне, настолько-же искусные въ промышленности и предпріимчивые въ торговлѣ, насколько храбрые въ битвахъ, проложили себѣ въ VII в. (въ 641 г. по Р. Хр.) новые торговые пути на Сѣверъ. Послѣ кровопролитной борьбы съ Персами, они проникли во внутреннія и сѣверныя области Ирана, утвердились при Каспійскомъ морѣ и простерли свои завоеванія до береговъ Аму-Дарьи. Тогда всѣ страны каспійскаго бассейна открыли свои рынки для ихъ предпріимчивости» ([87]). Здѣсь встрѣтили они себѣ важнаго противника. Въ это время весь западный берегъ Каспія, отъ устьевъ Волги до Ширвана, признавалъ надъ собою верховное владычество воинственной державы Хазаръ, которымъ пришлось вступить въ непосредственныя сношенія съ Арабами, сначала военныя, а потомъ и торговыя. Достовѣрныя извѣстія о Хазарахъ восходятъ до II в. по Р. Хр., когда они жили между морями

[redacted]

Чернымъ и Каспійскимъ и вели войны съ Армянами. Гунны покорили ихъ на время, но, освободившись отъ ихъ ига, Хазары вдругъ являются сильнымъ, воинственнымъ племенемъ и до такой степени тѣснятъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, Персовъ, что персидскіе цари рѣшаются оградить себя отъ ихъ нападеній громадными валами и каменными стѣнами, протянутыми во всю ширину сѣверной границы Ширвана. VII вѣкъ въ особенности представляетъ наиболѣе блестящую эпоху въ исторіи Хазарскаго царства. Въ этомъ вѣкѣ они подчинили себѣ Болгаръ Волжскихъ и овладѣли большею частью Таврическаго полуострова, вступили въ ближайшія сношенія съ Византіею, которой помогали въ войнѣ противъ Персовъ, и вели въ теченіе 70 лѣтъ упорную борьбу съ Калифатомъ, которая окончилась для нихъ неудачей: поселеніе колоніи въ 14,000 Арабовъ при Дербентѣ обезпечило закавказскія владѣнія халифовъ отъ нападенія Хазаръ, и Аравитяне остались спокойными обладателями западнаго берега Каспійскаго моря. Но это не подорвало владычества Хазаръ; мы видимъ, что власть ихъ простиралась даже и на весьма отдаленныя отъ нихъ славянскія племена: Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, которыхъ они покорили и обложили данью, по свидѣтельству нашего древняго лѣтописца ([88]). Нападенія новыхъ выходцевъ изъ-за Урала — Печенѣговъ—вынудили Хазаръ къ построенію крѣпости *Саркела* или *Бѣлой Вежи* (какъ она называется въ нашихъ памятникахъ), которое было ими произведено при помощи Византійцевъ ([89]).

Хазары, подобно Болгарамъ и другимъ приволжскимъ народамъ, были полуосѣдлы. По свидѣтельству Арабскихъ путешественниковъ, мѣстное населеніе только на зиму скучивалось въ города, а съ наступленіемъ весны уходило въ степи, гдѣ и оставалось до приближенія холодовъ и вьюгъ.

«Въ мѣсяцѣ Нисанѣ (апрѣлѣ)» — такъ пишетъ одинъ изъ хазарскихъ царей въ сохранившемся до нашего времени письмѣ къ еврею Хаздаю—«оставляемъ мы городъ, и каждый изъ насъ отправляется въ свое поле и огородъ, который и воздѣлываетъ, ибо у каждаго семейства своя вотчина, въ которую оно отправляется весело и радостно... Я же, съ моими вельможами и слугами, кочую на пространствѣ 20 парасанговъ до великой рѣки Арзакъ».

Важнѣйшими изъ Хазарскихъ городовъ были: *Семендеръ* и *Итиль*. Первый находился при Каспійскомъ морѣ, между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху и не уступалъ обширностью и населенностью своею даже самой столицѣ Хазарскаго царства—*Итилю*, который расположенъ былъ въ устьяхъ Волги, около нынѣшней Астрахани. Ибнъ-Хаукаль, много странствовавшій и любознательный купецъ изъ Мосуля, посѣтившій Семендеръ во второй половинѣ X в., набрасываетъ весьма

привлекательную картину этого города, окруженнаго плодоносными садами и виноградниками, доставлявшими столько вина, что жители даже отправляли его на Волгу, такъ какъ число виноградныхъ лозъ, по заявленію жителей, простиралось до 40,000. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ; къ торжищамъ города стекалось такое огромное и разноплеменное множество народа, что даже на Араба, видѣвшаго богатые базары Калифата, городъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе своимъ многолюдствомъ. Кромѣ винодѣлія, жители Семендера производили еще шерстяныя ткани и вообще, судя по арабскимъ извѣстіямъ, жили очень богато. Много у нихъ было и денегъ, и рабовъ, и рабынь, которыми они нерѣдко откупались отъ Арабовъ. Не слѣдуетъ забывать, что Ибнъ-Хаукаль видѣлъ Семендеръ уже въ періодъ упадка этого города, изъ котораго уже съ половины VII столѣтія столица была перенесена хаканами хазарскими въ Итиль. Семь или восемь дней караваннаго пути отдѣляли Семендеръ отъ Итиля, новой столицы Хозарской. «Городъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ Волги. На восточномъ берегу жили только купцы,— мусульмане, жиды, христіане, Славяне и Руссы—и находились амбары съ товарами: эта торговая сторона называлась *Харранъ*. Западная часть города, имѣвшая около двухъ верстъ въ длину, была обнесена стѣною, и заключала въ себѣ жилища самаго хакана, *пеха* или *бека* (царя), войска и народа, нѣсколько храмовъ, базаровъ и бань. По другимъ извѣстіямъ, царская резиденція находилась на отдѣльномъ островкѣ, который соединялся съ западною частью города деревяннымъ мостомъ, устроеннымъ на лодкахъ»... «Населеніе города было весьма многочисленно и чрезвычайно разноплеменно: корысть соединяла на берегахъ Волги и смуглаго Аравитянина, и бѣлокурыхъ обитателей Сѣвера, и подданныхъ Халифата съ языческими Норманнами, Славянами и Чудью». Число жителей въ Итилѣ было, вѣроятно, весьма велико, судя по тому, что арабскіе путешественники насчитываютъ въ немъ однихъ мусульманъ десять тысячъ, да знатныхъ еврейскихъ фамилій до 4,000 душъ. Не смотря на разноплеменность населенія, не смотря на то, что съ VIII вѣка, при царѣ Буланѣ, хаканы приняли іудейство, которое и стало съ той поры государственною религіею, вѣротерпимость и равноправность всѣхъ гражданъ были полныя. Рядомъ съ еврейскими синагогами возвышалось до тридцати мечетей; были, вѣроятно, и христіанскіе храмы, судя по тому, что для людей каждой вѣры установлены были особые судьи: «учреждено семь судей» говоритъ Масуди:—«два для Магометанъ, два для Хазаръ, которые судятъ по закону Моисееву, два для живущихъ здѣсь Христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія, и одинъ для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ». Жители Итиля занимались исклю-

[redacted]

чительно рыбнымъ промысломъ, но главнымъ источникомъ ихъ обогащенія была та обширная транзитная торговля, которая шла въ Азію черезъ Итиль изъ Волжской Болгаріи, Кіева и черноморскихъ прибрежій. Десятая часть всѣхъ товаровъ поступала въ казну, какъ пошлинный сборъ, натурою, такъ какъ Хазары, народъ не предпріимчивый и не торговый, денегъ не знали. Но уже самое взиманіе десятины въ видѣ пошлины съ привозимаго товара указываетъ на высокую цифру цѣнностей, проходившихъ черезъ Итиль, съ пяти разныхъ сторонъ: сухимъ путемъ изъ Закавказья, черезъ Семендеръ; морскимъ путемъ изъ разныхъ прикаспійскихъ городовъ; караваннымъ путемъ, по восточной сторонѣ Каспійскаго моря, изъ Бухары, Мавераннагра и Хорезма; Волгою, сверху, изъ Болгаръ, и изъ кіевской Руси; и съ Черноморскихъ прибрежьевъ, черезъ Донъ, мимо Саркела, волокомъ до Волги и Волгою. Полукочевое населеніе Итиля жило въ кибиткахъ или юртахъ изъ войлока; немногіе, побогаче, помѣщались въ глиняныхъ мазанкахъ, и у одного только царя были высокія кирпичныя хоромы. Подданнымъ такая роскошь воспрещалась ([90]).

Верховная власть въ Хазаріи была подраздѣлена. Высшимъ представителемъ ея является каганъ или хаканъ, но онъ имѣлъ болѣе значеніе религіозное, теократическое; собственно же управленіемъ государственнымъ, во всѣхъ его частяхъ, завѣдывало другое, подчиненное кагану лицо, нѣчто въ родѣ намѣстника, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Пеха или Бега. Арабскіе писатели сохранили намъ любопытныя подробности о поставленіи намѣстника каганомъ: «новаго намѣстника хаканъ сначала увѣщевалъ, потомъ накидывалъ ему петлю на шею и спрашивалъ, сколько лѣтъ онъ намѣренъ управлять? И сколько лѣтъ тотъ назначитъ, столько и долженъ править; иначе его умерщвляютъ». Самъ же хаканъ очень рѣдко показывался народу, и доступъ къ нему имѣлъ только его намѣстникъ и нѣкоторые другіе вельможи; но и тѣ, кто имѣлъ къ нему доступъ, осмѣливались переступать его порогъ только съ выраженіями величайшаго благоговѣнія къ его особѣ: безъ разрѣшенія хакана не смѣли сѣсть, не смѣли подняться съ земли или заговорить. Уваженіе и степень повиновенія хакану были таковы, что если бы даже хаканъ приказалъ кому-нибудь убить себя, тотъ неминуемо долженъ былъ исполнить это приказаніе. Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что при похоронахъ хакана старались скрыть мѣсто его погребенія, какъ бы отрицая тѣмъ самый фактъ смерти верховнаго правителя и стараясь убѣдить народъ въ непрерывности его власти. Поэтому, надъ могилою хакана строили зданіе въ 20 комнатъ и убивали всѣхъ, кто хоронилъ хакана, дабы неизвѣстно было, въ которой комнатѣ ха-

канъ погребенъ. Проѣзжая мимо надгробнаго памятника, каждый долженъ былъ сойти съ коня, поклониться до земли и пройти пѣшкомъ.

Намѣстникъ хакана предводительствовалъ войскомъ, завѣдывалъ сборомъ податей и дѣлежомъ военной добычи, изъ которой лучшая часть всегда выпадала на его долю. Войско, состоявшее преимущественно изъ наемниковъ и самихъ Хазаръ, было хорошо вооружено и организовано: оно представляетъ собою древнѣйшій образецъ постояннаго войска въ Европѣ ([91]). Есть основаніе предполагать, что все могущество Хазаръ главнѣйшимъ образомъ основывалось на томъ, что они такъ рано успѣли выработать себѣ прочную внутреннюю организацію, которая, съ одной стороны, опиралась на сильное войско, съ другой—находила поддержку въ значительныхъ выгодахъ матеріальныхъ, доставляемыхъ хорошимъ географическимъ положеніемъ. Нельзя, однако-же, не предположить въ Хазарахъ и довольно значительной степени развитія гражданственности, если мы примемъ въ соображеніе ту замѣчательную вѣротерпимость и равноправность всѣхъ передъ судомъ, которая уже въ X вѣкѣ поражала даже просвѣщенныхъ Аравитянъ.

Къ сѣверу отъ Хазаръ, въ углу, образуемомъ Волгою, при впаденіи въ нее Камы, жило другое тюркское племя — Волжскіе или Серебряные Болгары. Поселеніе Болгаръ на Волгѣ относится, вѣроятно, къ очень давнему времени. Волжскіе Болгары, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, составляли сильный народъ, занимавшій области, богатыя дремучими лѣсами и большими, судоходными рѣками, далеко открывавшими имъ пути во всѣ стороны ([92]). Не отличаясь особенною воинственностью и преимущественно занимаясь торговлею, Болгары, однако-же, не рѣдко расширяли границы своей территоріи и путемъ завоеваній. Изъ Итиля ѣздили Арабы къ Болгарамъ черезъ землю Буртасовъ, въ составъ которой входили нынѣшнія губерніи: Саратовская, часть Симбирской и Казанской по Волгѣ, а также и Пензенской, и часть Тамбовской по рр. Сурѣ и Мокшѣ до Оки. Главною частью народонаселенія Буртасской земли являлась, вѣроятно, и тогда, какъ и теперь, Мордва (поколѣнія Мокши). Главнымъ городомъ Буртасской земли былъ городъ Буртасъ, населеніе котораго простиралось до 10,000 душъ. Большая часть жителей исповѣдывала мусульманскую вѣру. Для нихъ построены были двѣ мечети, соборная и простая. Подобно жителямъ хазарскаго Итиля, жители Буртаса также вели жизнь полукочевую: они оставались въ городѣ только на зиму, а лѣтомъ откочевывали въ степь. Буртасы занимались преимущественно звѣроловствомъ, и страна ихъ доставляла превосходные мѣха чернобурыхъ лисицъ, славившихся во всемъ халифатѣ и всѣмъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Буртасскихъ*.

На переѣздъ отъ Итиля до Болгаръ степью Арабы употребляли около мѣсяца караваннаго пути; а если поднимались въ судахъ, противъ теченія, то оставались въ пути 2 мѣсяца. Но торговыя сношенія Болгаръ со среднею Азіею не всегда совершались этимъ труднымъ и продолжительнымъ путемъ: изъ Хивы и Бухары шли, черезъ земли Башкировъ, прямые караванные пути степью, направлявшіеся прямо на Оренбургскую линію,—пути, которыми и до послѣдняго времени двигались изъ Средней Азіи торговые караваны въ Россію. Этимъ путемъ ѣхалъ до Болгара на Волгѣ и знаменитый Арабъ-путешественникъ, Ибнъ-Фодланъ, посѣтившій столицу Болгаръ весною 922 года, и оставившій намъ описаніе своего путешествія. Описаніе это и представляетъ намъ первыя точныя свѣдѣнія о Болгарахъ и ихъ бытѣ.

Мы не знаемъ, какую именно религію исповѣдовали Волжскіе Болгары до начала X в., но Ибнъ-Фодланъ застаетъ ихъ уже ревностными мусульманами. Во главѣ болгарской земли стоялъ царь, которому подвластны были другіе, меньшіе владыки, вѣроятно, правившіе отдѣльными племенами. Доходы царя, по арабскимъ извѣстіямъ, состояли изъ доли въ военной добычѣ и изъ подати, которая уплачивалась натурою (лошадьми, кожами). Сверхъ того, отъ царя же зависѣло и разрѣшеніе браковъ, такъ какъ каждый женившійся обязанъ былъ платить царю за право на женитьбу. Съ каждаго купеческаго судна, приходившаго въ Болгары для торговли, нужно было также уплачивать десятину товаромъ, хотя мы и не знаемъ, въ чью пользу шла эта десятина. Болгары, по замѣчанію Арабовъ, были народъ земледѣльческій и воздѣлывали всякій зерновой хлѣбъ; занимались они и скотоводствомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ; но все же главнымъ занятіемъ ихъ была торговля. Торговлю вели они обширную и сносились для этой цѣли съ самыми отдаленными странами—съ Югрой и Біарміей на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, съ Руссами и славяно-финскими областями на западѣ. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Болгаріи въ Азію были мѣха собольи, бобровые, куньи, бѣличьи (подъ которыми разумѣли и горностаевые), выдровые и въ особенности лисьи, цѣнившіеся выше всѣхъ. Не маловажное мѣсто въ вывозной торговлѣ занимала мамонтовая кость и моржевые клыки—*рыбій зубъ* нашихъ былинъ—одинаково рѣдкіе на Востокѣ; также и янтарь, который шелъ въ Азію Волжскимъ путемъ съ береговъ Балтики. Сверхъ этихъ дорогихъ предметовъ вывоза, арабскіе писатели упоминаютъ и о болѣе важныхъ отрасляхъ торговли съ Болгаріей: о юфти и кожахъ, ревенѣ и орѣхахъ, о дешевыхъ коврахъ, и о невольникахъ. Въ обмѣнъ на это, Арабы привозили драгоцѣнные камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта, изъ котораго низались любимыя ожерелья русскихъ женщинъ, покупавшіяся чуть не на вѣсъ золота (за каждую бисеринку платили по диргему, т. е. отъ 15—20 к.),

[redacted]

золотыя и серебряныя издѣлія своихъ фабрикъ, цѣпочки различной величины, запястья, кольца, булавки, бляхи для украшенія одеждъ и конской сбруи, булатные клинки, гарпуны и багры для рыбной ловли. Шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино составляли, кажется, также не маловажную статью привоза. Но всѣ эти статьи привоза были не болѣе, какъ предметами роскоши и да-

Рис. 104. Развѣлины Болгаръ на Волгѣ: Черная палата.

леко уступали по цѣнности мѣхамъ, которыхъ много требовалось для Азіи, цѣнившей ихъ весьма высоко. Вотъ почему, сверхъ привозимыхъ товаровъ, Арабы, Персіяне и Хорезмцы должны были приплачивать и наличными деньгами, и притокъ этихъ денегъ былъ весьма значителенъ, какъ мы это можемъ видѣть изъ множества кладовъ съ серебряною восточною монетою, отрываемыхъ всюду на всемъ протяженіи путей торговли съ Востокомъ. Но этого мало: въ X в. масса чеканеннаго серебра, привозимаго изъ чужихъ краевъ, сдѣлалась даже

недостаточною для коммерческихъ оборотовъ Болгаріи; Болгары сами стали чеканить свою серебряную монету, по образцу арабской, съ именами своихъ царей. Первые монетные дворы ихъ были въ городахъ Болгарѣ и Сувазѣ, и древнѣйшая изъ доселѣ извѣстныхъ монетъ болгарскихъ относится къ 949 г. (чеканена въ Сувазѣ) ([93]).

Арабскіе путешественники сохранили намъ даже довольно подробное описаніе столицы болгарской — этого важнаго средоточія сѣверо-восточной торговли, въ которое стекалось столько народовъ, и которое пользовалось такою громкою славою на всемъ Востокѣ. «Городъ Бол-

Рис. 105. Развалины Болгаръ на Волгѣ: башня Малаго Минарета.

гаръ заключалъ въ себѣ до десяти тысячъ жителей (во время Ибнъ-Хаукаля). Дома строили здѣсь искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ. Мазанокъ, въ родѣ хазарскихъ, уже не было; но не было и такихъ высокихъ минаретовъ при мечетяхъ, и каменнаго дворца, какъ въ Итилѣ. Избы дѣлались все деревянныя,—изъ пихты, по замѣчанію Арабовъ: складывались изъ большихъ бревенъ, которыя скрѣплялись посредствомъ шиповъ («деревянныхъ гвоздей», говоритъ арабъ-путешественникъ). Въ началѣ XI вѣка, городъ обнесенъ ъ стѣною изъ дубоваго дерева. Избъ считалось не много б тъ. Надобно впрочемъ

[redacted]

замѣтить, что Ибнъ-Хаукаль, сообщающій эти извѣстія о числѣ домовъ и жителей въ Булгарѣ, видѣлъ городъ вскорѣ послѣ раззоренія его Руссами въ 968—69 г. Не говоря уже о томъ, что упоминаемые имъ пятьсотъ бревенчатыхъ домовъ составляли только часть Болгаръ, избѣгнувшую разрушенія послѣ недавняго погрома—неслѣдуетъ забывать, что подвижныя жилища полукочеваго населенія, кибитки и юрты, должны были тоже составлять весьма значительную, если не наибольшую часть города. Сверхъ того, Руссы, пріѣзжавшіе въ Болгаръ для торговли, строили себѣ на берегу большіе деревянные сараи или шалаши, нѣчто въ родѣ тѣхъ временныхъ балагановъ, которые и теперь еще строютъ пріѣзжіе купцы на нашихъ большихъ ярмаркахъ. Тамъ помѣщались они, по десяти и по двадцати человѣкъ въ каждомъ балаганѣ, съ женами своими и невольницами, съ товарами, привезенными для продажи. Тутъ же, около ихъ балагановъ, была и та роща, въ которой были поставлены вытесанные изъ дерева идолы Руссовъ; тамъ, по разсказамъ Ибнъ-Фодлана, повергались они ницъ передъ идолами, то благодаря боговъ за успѣшный ходъ торговли, то принося имъ умилостивительныя жертвы ([94]).

Развалины древняго Болгара, въ Спасскомъ у. Казанской губ., въ 125 верстахъ отъ Казани и въ 6 верстахъ отъ Волги, сохранились еще и до настоящаго времени, и еще весьма недавно, лѣтъ 40—50 назадъ, представляли много весьма любопытныхъ остатковъ древнихъ зданій. Великій преобразователь Россіи и многіе изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ прошлаго столѣтія видѣли еще въ Болгарѣ много такихъ зданій, которыя въ настоящее время представляютъ собою только стѣны, съ обвалившимися углами и сводами, да бугры, поросшіе травою. Палласъ оставилъ намъ подробныя описанія болгарскихъ башенъ—Большого и Малаго минарета, Черной палаты или Судейскаго дома и Бѣлой палаты или Царскаго дома. Но даже и въ настоящемъ своемъ видѣ эти бугры, эти полузасыпанныя мусоромъ основанія зданій, эти остатки стѣнъ и башенъ служатъ весьма краснорѣчивымъ памятникомъ той богатой и оживленной торговой дѣятельности, которая нѣкогда кипѣла въ этомъ мѣстѣ Приволжья. Нѣкоторые ученые изыскатели и археологи-любители успѣли составить себѣ на мѣстѣ древнихъ Болгаръ богатыя коллекціи древностей, добытыхъ на мѣстѣ изъ земли. Отрываніе древностей и монетъ обратилось даже въ постоянный и весьма прибыльный промыселъ мѣстнаго селенія. Одинъ изъ нашихъ туристовъ, посѣтившихъ Болгары въ 1856 г., пишетъ между прочимъ: «Здѣсь лѣтомъ, послѣ каждаго дождя, мальчики и дѣвочки отправляются на поиски, и на всемъ пространствѣ постоянно находятъ серебряныя и мѣдныя монеты восточныя и разныя вещи,—золотые, серебряные и бронзовые браслеты, перстни и

[redacted]

серьги, обломки металлическихъ зеркалъ, разныя бусы, бронзовыя украшенія отъ сбруи, замки и проч. Путешественнику, проѣзжающему это историческое село, стóитъ остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ и *кличъ кликнуть*, чтобы нанесли ему груды монетъ и вещей, безпрестанно находимыхъ крестьянами на пашнѣ или при рытьѣ земли...» Къ сожалѣнію, далеко не все, добываемое въ Болгарахъ и важное для археологической науки, попадаетъ въ коллекціи мѣстныхъ археологовъ *). Множество весьма важныхъ предметовъ и монетъ, находимыхъ въ Болгарахъ, сбываются крестьянами серебренникамъ и пропадаютъ безслѣдно для науки. Какъ велика масса подобныхъ потерь, можно судить по указанію одного казанскаго купца, торговавшаго въ серебряномъ ряду: онъ говоритъ, что онъ одинъ, на своемъ вѣку, переплавилъ не менѣе 8 пудовъ серебряныхъ монетъ и вещей, купленныхъ въ Болгарахъ ([93]).

Все вышеизложенное даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ значеніи, которое нѣкогда должно было имѣть царство Болгарское. Но представленіе наше о царствѣ Болгарскомъ еще значительно возрастаетъ и расширяется, когда мы обращаемъ вниманіе на то, что оно было не столько сильно и важно само по себѣ, по своему матеріальному и военному значенію, сколько по тому промышленному и предпріимчивому духу, который отличалъ въ то время Болгаръ, и благодаря которому они такъ рано успѣли завести и поддержать связи, а потомъ и установить прочныя сношенія съ отдѣльными областями сѣвера и сѣверо-востока. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ предметы вывоза болгарской торговли, отмѣченные арабами, принадлежали къ мѣстнымъ произведеніямъ Волжской Болгаріи. Къ мѣстнымъ произведеніямъ могутъ быть отнесены только медъ и воскъ, кожа и тѣ дешевые ковры, о которыхъ упоминаютъ Арабы (одинъ изъ нашихъ ученыхъ видитъ въ нихъ просто *цыновки*). Янтарь и невольники, вѣроятно, доставляемы были волжскимъ путемъ съ Запада, при посредствѣ Руссовъ. Большая часть мѣховъ, въ особенности дорогихъ, а также и желѣзо, добывалось изъ далекой Югры; болѣе дешевые мѣха, мамонтовая кость и моржовые клыки шли въ Болгарію съ Сѣвера, изъ туманной, полу-баснословной Біарміи. Болгары, какъ хитрые торговцы, не допускали предпріимчивыхъ Арабовъ до прямыхъ сношеній даже съ ближайшими своими сосѣдями, представляя ихъ то людоѣдами, пожирающими путешественниковъ, то ненавистниками всего чужеземнаго, а потому и безпощадно убивающими каждаго, заѣхавшаго къ нимъ чужеземца. Такъ изображали они Арабамъ племена Мордвы

*) Между ними особенно извѣстна прекрасная коллекція болгарскихъ древностей А. Ѳ. Лихачева въ Казани, обратившая на себя общее вниманіе всѣхъ русскихъ ученыхъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ.

[redacted]

и мирную Весь; относительно же сношеній своихъ съ Югрой и Біарміей, имъ даже не нужно было прибѣгать къ вымыслу: простой и правдивый разсказъ о тѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, какія приходилось преодолѣвать путешественнику, отправлявшемуся въ эти дальнія страны, уже способенъ былъ внушить трепетъ каждому жителю Юга и населить его пламенное воображеніе самыми чудовищными образами. Такъ, напр., съ изумленіемъ и страхомъ, разсказываетъ Ибнъ-Батута о пути въ Югру и способахъ сообщенія по снѣжнымъ пустынямъ: «Эта страна, страна мрака, лежитъ въ сорока дняхъ пути отъ Болгаръ, и путешествія туда совершаются въ небольшихъ повозкахъ, на собакахъ. Почва этой степи мерзлая; нога человѣка или лошади не можетъ на ней устоять: потому и употребляютъ собакъ, у которыхъ есть когти. Путешествія предпринимаютъ только достаточные купцы; каждый изъ нихъ отправляетъ до ста повозокъ съ нужнымъ запасомъ пищи, питья и дровъ, потому что тамъ нѣтъ ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителемъ служитъ собака, бывшая уже нѣсколько разъ въ этой странѣ: такія собаки очень дороги, и за нихъ даютъ до тысячи динаровъ (золотыхъ). Ее запрягаютъ въ повозку впереди, а позади ея трехъ другихъ, которыя уже слѣдуютъ за нею, какъ за вожакомъ. Она остановится, и тѣ тоже. Никогда не ударитъ и не выбранитъ ее хозяинъ, и скорѣе съ нею, чѣмъ съ человѣкомъ, подѣлится онъ своею пищею. Не сдѣлай онъ этого—собака осердится, убѣжитъ, и тѣмъ самымъ пропадетъ вся ея цѣна. Послѣ сорока дней пути этою степью, путники останавливаются въ странѣ мрака; выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣною, то беретъ ее тотчасъ съ собою; въ противномъ случаѣ оставляетъ ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ее, оставляя взамѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бываютъ, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю,—съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо» ([96]).

Въ этомъ разсказѣ очень не трудно отдѣлить вымыселъ отъ истины; онъ важенъ для насъ не только по упоминанію о способѣ сообщенія съ сѣверомъ на собакахъ—способѣ, сохранившемся для Приволжья до XVI вѣка—но еще и о *нѣмомъ* торгѣ Болгаръ съ Югрой, т. е. о томъ первобытнѣйшемъ пріемѣ торговли, который всегда въ началѣ долженъ устанавливаться между племенемъ дикимъ и племенемъ болѣе цивилизованнымъ, но еще не знающимъ языка дикарей. Самый разсказъ Арабовъ о нѣмомъ торгѣ съ Югрою подтверждается свидѣтельствомъ XI вѣка, занесеннымъ въ нашу древнюю лѣтопись,

[redacted]

въ которой разсказывается о нѣкоемъ Юрьѣ Тороговичѣ, богатомъ Новгородцѣ, который посылалъ своего отрока въ Югру, конечно, также съ торговыми цѣлями. Торговля производилась мѣновая, повидимому, въ одномъ изъ ущелій Урала. «Въ горѣ той» — разсказываетъ лѣтопись, дословно повторяющая разсказъ Новгородца — «просѣчено малое оконцо, и оттуда говорятъ (Югра), да не понять ихъ языка, и показываютъ на желѣзо, и помаваютъ рукою, прося желѣза; и ежели кто дастъ имъ желѣза, или ножъ, или сѣкиру, то они тому отдаютъ за желѣзо мѣхами». Изъ обоихъ свидѣтельствъ оказывается несомнѣннымъ существованіе мѣноваго торга Болгаръ съ Югрою, и выясняется то обстоятельство, что главною статьею этого торга были со стороны

Рис. 106.—Видъ Елабужскаго Чортова Городища (въ Вятской губерніи).

Болгаръ желѣзо и грубыя издѣлія изъ него, а со стороны Югры — мѣха, на которые они вымѣнивали желѣзо.

Нѣтъ, конечно, никакого основанія предполагать, чтобы торгъ съ Югрой, продолжаемый и поддерживаемый втеченіе долгаго времени, постоянно оставался нѣмымъ, точно также, какъ нѣтъ основанія думать, что сношенія съ Югрой и Печорскимъ краемъ производились постоянно только зимою и на собакахъ. Напротивъ того, между этими отдаленными областями и Болгаріей существовали, благодаря счастливымъ природнымъ условіямъ, постоянныя пути сообщенія при помощи рѣкъ и рѣчныхъ волоковъ. Изъ Камы, черезъ рр. Вишеру, Колву и Вишурку—суда Болгаръ могли входить въ Вогулку, а оттуда черезъ волокъ

Пустозерскій (4 версты)—въ Печору. Точно также, другой водный путь, черезъ тѣ-же рѣки, посредствомъ Камы и Вычегды, соединялъ Каму съ Двиною, черезъ Бухонинскій волокъ (въ полверсты шириною). На этихъ-то рѣкахъ, между Бѣлымъ моремъ, Волгой и Уральскими горами, лежала другая, славная своими богатствами страна—Біармія, съ которою Волжская Болгарія находилась въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Прямыхъ свидѣтельствъ объ этихъ сношеніяхъ не сохранилось, но уцѣлѣли другія свидѣтельства сношеній Болгаріи съ отдаленнымъ Сѣверомъ. Такъ около Чердыни сохранились слѣды весьма древняго городища при р. Колвѣ, и въ курганахъ около этого городища произведено было много находокъ, содержавшихъ въ себѣ монеты древнѣйшихъ арабскихъ калифовъ. Кромѣ того, такіе же клады и доски съ куфическими надписями отысканы были и въ верховьяхъ Двины, Печоры и Камы, куда, конечно, серебро съ далекаго азіатскаго юга могло быть занесено не иначе, какъ путемъ торговли ([97]). Сохранились не только могильныя насыпи и развалины городищъ, свидѣтельствующія о томъ, что при-двинскій и при-печорскій край были нѣкогда болѣе оживлены, нежели теперь; но на Бухонинскомъ волокѣ и донынѣ еще замѣтны остатки моста или наката,—очевидно устроеннаго нѣкогда для облегченія переправы судовъ черезъ волокъ. Такимъ образомъ, при двухъ важныхъ складочныхъ пунктахъ, Болгарахъ и Чердыни, цѣпь торговыхъ сношеній азіатскаго юга непрерывно тянулась на далекій европейскій Сѣверо-Востокъ. Крайними звѣньями этой живой цѣпи являлись складочные пункты въ *устьяхъ Печоры* и Сѣверной Двины, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ, находился одинъ изъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Біарміи, съ храмомъ высшаго божества Біармійцевъ—Юмалы.

Объ этой далекой окраинѣ сохранились намъ отрывочныя извѣстія только въ поэтическихъ сагахъ, повѣствующихъ о цѣломъ рядѣ набѣговъ на берега Біарміи, совершенныхъ скандинавскими викингами въ IX, X, XI, XII и до начала XIII в. На основаніи этихъ сагъ, оказывается, что даже задолго до открытія Гренландіи, когда Исландія еще только начинала заселяться,—скандинавскіе викинги уже посѣщали сѣверную окраину европейскаго материка, берега Бѣлаго моря и богатую Біармію. Во второй половинѣ IX в., Норманнъ Отеръ, посѣтившій Англію и на время поступившій на службу къ Альфреду Великому, сообщалъ любознательному королю о своихъ странствованіяхъ въ Біарміи. По его словамъ, на всемъ пути, вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и по Бѣлому морю, онъ видѣлъ только голую незаселенную пустыню, по которой лишь кое-гдѣ бродили какія-то финскія племена. Но въ устьяхъ Двины Отеръ нашелъ осѣдлыя поселенія народа, который величалъ себя названіемъ Біармійцевъ, и по

[redacted]

языку былъ схожъ съ Финнами. Біармійцы приходили къ нему на суда и много разсказывали о своей странѣ и о тѣхъ странахъ, которыя были съ ней смежны. Отеръ нашелъ страну Біармійцевъ хорошо обработанною, и привезъ на родину мѣха и моржовые клыки, вымѣненные у Біармійцевъ.

Вскорѣ послѣ того слухъ о новой странѣ, заманчивой по своимъ богатствамъ, распространился въ Скандинавіи и вызвалъ викинговъ къ цѣлому ряду походовъ, въ которые они пускались на многихъ большихъ судахъ разомъ. Прибывъ въ Біармію, они сначала мирно торговали и мѣнялись съ ея жителями, а потомъ, покончивши торгъ и увлекшись возможностью легкой наживы, бросались грабить жителей и уходили въ море, обремененные добычею. Саги разсказываютъ о многихъ подобныхъ столкновеніяхъ, о жаркихъ схваткахъ съ туземцами, о гибели многихъ храбрыхъ, и съ увлеченіемъ сообщаютъ подробности нѣкоторыхъ особенно-удачныхъ предпріятій. Наибо́льшую извѣстность получилъ походъ Карли въ Біармію; въ разсказѣ о немъ сага сообщаетъ такія важныя и любопытныя бытовыя подробности, что мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь этотъ разсказъ въ довольно большомъ извлеченіи.

Карли былъ человѣкъ богатый и знатный, одинъ изъ придворныхъ короля Олафа. Король отправилъ его въ Біармію на хорошемъ кораблѣ, нагруженномъ товарами, заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому барыши отъ торговли должны были дѣлиться между ними пополамъ. Въ походѣ этомъ принялъ участіе братъ Карли, Гунштейнъ, также захватившій съ собою много товара. Затѣмъ, къ братьямъ-удальцамъ присоединился и знаменитый своими богатырскими подвигами Тореръ-Хундъ, снарядившій съ этою цѣлью большой корабль, на которомъ поплыло съ нимъ 80 человѣкъ его дружины.

Тореръ, Гунштейнъ и Карли заключили между собою такое условіе: каждый распродаетъ свой товаръ за свой счетъ, а военную добычу всѣ они должны дѣлить поровну между кораблями. Счастливо приплыли викинги въ устье Двины, къ торговому городу Біарміи, тотчасъ же открыли торгъ, и всѣ, у кого было золото или товаръ для мѣны, получили хорошій барышъ. По окончаніи торга, съ полнымъ грузомъ дорогого пушнаго товара, викинги спустились снова по Двинѣ и, выйдя въ открытое море, стали держать совѣтъ. Викингамъ былъ хорошо извѣстенъ обычай Біармійцевъ, по которому имущество каждаго, по смерти, дѣлилось между покойникомъ и наслѣдниками; покойникъ получалъ либо половину, либо треть всего своего имущества, и эту долю хоронили у нихъ въ землю, на священномъ мѣстѣ, за городомъ, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лачужку. Это священное мѣсто, какъ до-

[redacted]

стовѣрно знали викинги, находилось въ дремучемъ лѣсу, неподалеку отъ устьевъ рѣки Винъ (Двины), около самаго храма Юмалы, высшаго божества Біармійцевъ. Туда-то задумали пробраться викинги, и, если посчастливится, овладѣть собранными тамъ сокровищами. Задумано—сдѣлано. Поздно вечеромъ викинги снова причалили къ берегу, часть ихъ осталась стеречь корабли, а другая направилась къ лѣсу. Впереди всѣхъ шелъ Тореръ-Хундъ, лучше всѣхъ знакомый съ мѣстностью; за нимъ—Гунштейнъ и Карли. Пробираясь по лѣсу, они обозначали свой путь, сдирая кору съ деревьевъ на извѣстныхъ разстояніяхъ. Послѣ полуночи вышли они наконецъ на большую прогалину. На той прогалинѣ и находился храмъ Юмалы, обнесенный высокимъ тыномъ, съ крѣпкоприпертыми воротами. Шесть сторожей изъ туземцевъ охраняли ночью тотъ храмъ, смѣняясь по-двое, въ каждую треть ночи. Викинги ухитрились напасть на храмъ именно въ то время, когда одна партія ча-

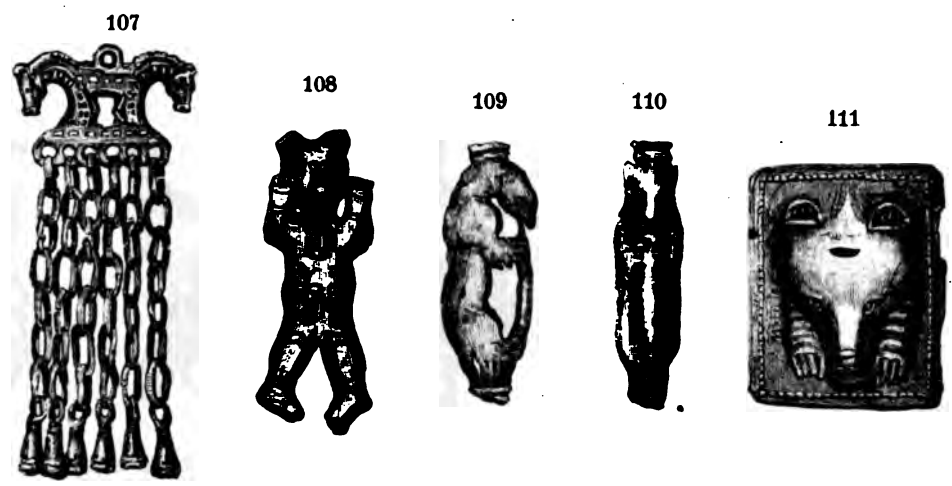


Рис. 107—111. Мѣдные и бронзовые предметы, отрытые изъ земли въ Пермской губерніи.

совыхъ только что ушла, а другая еще не успѣла прійти ей на смѣну. Тореръ Хундъ всадилъ топоръ свой въ воротище, поднялся по немъ, перелѣзъ черезъ ворота съ одной стороны, а Карли—съ другой, и впустили товарищей внутрь обнесеннаго тыномъ пространства. Добыча, выпавшая на долю викинговъ, была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра, сколько могъ унести. Но имъ все казалось мало: добрались они и до самаго изображенія Юмалы, которое возвышалось среди священной ограды. На колѣняхъ біармійскаго бога стояла серебряная чаша, полная серебряныхъ монетъ, а на шеѣ его висѣла драгоцѣнная золотая цѣпь. Тореръ Хундъ захватилъ серебряную чашу съ деньгами, а Карли прельстился цѣпью, и, пытаясь сорвать ее, такъ сильно рубнулъ топоромъ по шеѣ Юмалы, что голова истукана, съ ужаснѣйшимъ трескомъ, покатилась съ плечь долой. Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услыхали подошедшіе между тѣмъ сторожа новой

смѣны, затрубили въ рога... Поднялась въ лѣсу тревога... Всюду кругомъ звуки роговъ будили встревоженныхъ Біармійцевъ и сзывали ихъ на защиту храма, на гибель смѣлымъ грабителямъ. Не успѣли викинги добраться до лѣса со своей добычею, какъ уже ихъ отовсюду окружили толпы вооруженныхъ туземцевъ, и викингамъ пришлось мечомъ очищать себѣ дорогу къ морскому берегу. Опасность, грозившая имъ, была настолько велика, что когда они, счастливо избѣгнувъ преслѣдованій, достигли берега и сѣли на свои суда, — весь эпизодъ, пережитый ими, облекся для нихъ въ форму чего-то чудеснаго, сверхъ-естественнаго, и они приписали спасеніе свое вліянію чаръ Торера Хунда, будто бы научившагося волшебству у Финновъ.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, глубоко изучившій вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Азіатскаго Юга съ нашимъ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ, замѣчаетъ по поводу только что изложенной нами саги: «изъ всѣхъ извѣстій скандинавскихъ о Біарміи, какъ бы они преуве-

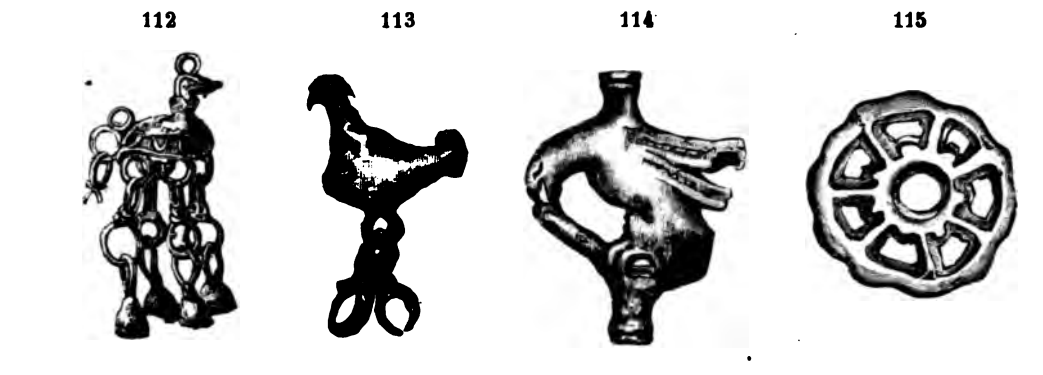


Рис. 102—115. Мѣдные и бронзовые предметы, открытые въ Пермской губерніи.

личены ни были, можно съ достаточною вѣроятностью вывести историческій фактъ о существованіи торговыхъ сношеній между Біарміею и Норманнами по крайней мѣрѣ съ XI в., и о нѣкоторомъ благосостояніи двинскаго края. Если же дѣйствительно въ храмѣ Юмалы найдены были серебряныя деньги, то деньги эти могли быть только куфическія,—и это обстоятельство свидѣтельствовало бы притомъ о сношеніяхъ Двинянъ съ Волжскими Болгарами» ([98]).

Заканчивая подвигами скандинавскихъ витязей нашъ бѣглый обзоръ древнѣйшихъ свѣдѣній о востокѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней Европейской Россіи, мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на тотъ важный выводъ, что уже въ отдаленномъ періодѣ, между VII и IX вѣкомъ, не только въ предѣлахъ Волжско-Камскаго бассейна, но и гораздо далѣе, на крайнемъ сѣверѣ, при устьяхъ Двины и Печоры, существовали установившіяся формы жизни, торговли и промышленности, возможность правильныхъ сношеній и проложенные торговлею,

болѣе или менѣе безопасные пути. Пути эти вели къ странамъ, богато надѣленнымъ природою и потому невольно привлекавшимъ къ себѣ предпріимчиваго сосѣда. И вотъ, по слѣдамъ Болгаръ и Норманновъ, въ XI столѣтіи, входятъ въ Заволочье и въ Двинскую землю первыя ватаги новгородскихъ промышленниковъ... И тутъ-то историческое движеніе славянскихъ племенъ, съ береговъ Дуная на сѣверовостокъ, находитъ себѣ поддержку въ мѣстной культурѣ, которая въ значительной степени способствуетъ тому, что русская колонизація современемъ окончательно упрочивается на далекомъ Бѣломорскомъ побережьѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Такъ напр. только въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія обращено было вниманіе на то, что еще въ 1715 г. въ окрестностяхъ Лондона отыскано было въ землѣ *каменное орудіе* вмѣстѣ *съ цѣлымъ скелетомъ слона*; зубъ этого слона и каменное орудіе случайно сохранились въ Британскомъ Музеѣ, и только 150 лѣтъ спустя послѣ находки, обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Тогда же вспомнили и о томъ, что другая подобная находка была сдѣлана въ другомъ мѣстѣ Англіи (въ Суффолькширѣ) нѣкіимъ Г. Фреромъ, въ 1797 году.

Любопытное и весьма замѣчательное упоминаніе объ одной изъ давнихъ находокъ каменныхъ орудій въ южной Россіи приводитъ А. А. Котляревскій въ одномъ изъ изданій Московскаго Археологическаго Общества. (См Древности. Археологическій Вѣстникъ. Подъ редакціей А. А. Котляревскаго. Т. I. Годъ 1867—1868. Стр 29—30)

Это упоминаніе случайно отыскано г. Котляревскимъ въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія". 1820 года, ч. X, кн. VI, въ статьѣ Гесса-де-Кальве: „Опытъ историч. изслѣдов. объ образованіи человѣческихъ способностей". Стр. 251—2. Вотъ полный текстъ этого любопытнаго извѣстія:

„Лѣтомъ 1816 г., мастеровые Луганскаго завода (Славяносербск. у., на границѣ земли войска Донского) при разрытіи нѣсколькихъ аршинъ канавы, наступили на нѣкоторую твердую массу. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ, нашли, что масса сія не принадлежала землѣ, но представляла длинный круглый горшокъ порядочной величины. Мастеровые, надѣясь обрѣсти въ немъ, по крайней мѣрѣ, сокровища Креза, разбили его, и вмѣсто золота нашли множество стрѣлъ, ножей, пилъ и проч.—все изъ чистаго кремня, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвіе, зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ. Рабочіе, видя себя обманутыми въ надеждѣ, большую часть сихъ рѣдкостей разбили на кремни для высѣканія огня. Начальникъ же Луганскаго завода, узнавъ о семъ открытіи, собралъ поврежденные остатки и достойнѣйшіе вниманія отправилъ въ Санктпетербургъ. По необыкновенной чистотѣ камня и трудной отдѣлкѣ, а также по желанію сохранить сіе сокровище, можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоцѣнностямъ древности, и что зарыты они были гораздо прежде Половцевъ или Татаръ: ибо какъ сіи народы, такъ и Скиѳы и Славяне тогда имѣли уже желѣзныя орудія, слѣдовательно, вещи сіи составляли богатство какого-нибудь древняго обитателя сей страны".

(2) См. объ этомъ у «Ch. Lyell. Das Alter des Menschengeschlechtes auf der Erde u. der Ursprung der Arten durch Abänderung nebst einer Beschreibung der Eis-Zeit in Europa u. Amerika. Nach d. englischen...

von Dr. Ludwig Büchner. Leipzig. 1874. Глава VII, стр. 76, 77. Обращаемъ вниманіе читателя на книгу Лайеля именно въ этомъ переводѣ (а не въ оригиналѣ), такъ какъ переводъ этотъ сдѣланъ съ согласія автора на основаніи четвертаго, значительно измѣненнаго и дополненнаго изданія. Къ переводу прибавлены извѣстнымъ Л. Бюхнеромъ драгоцѣнныя примѣчанія и самое изложеніе наиболѣе трудныхъ главъ значительно облегчено для пониманія большинства публики.

Всѣ ссылки наши на эту книгу сдѣланы именно по этому изданію.

(3) Шмерлингъ сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій въ сочиненіи „Recherches sur les ossements fossiles, découverts dans les cavernes de la Province de Liège. 1833—1834.

Лайель о своихъ сомнѣніяхъ на стр. 35—36 своей книги (см. вышеприв. заглавіе „Das Alter d. Menschengeschlechtes etc.).

(4) Статья Академика К. М. Бэра, „О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ", помѣщенная въ мѣсяцесловѣ за 1864 г. СПб. См. тамъ стр. 32—34.

О томъ же въ книгѣ Лайеля, „Das Alter d. Menschengeschlechtes", въ главѣ VIII и IX; тамъ же, на стр. 106 и 119, приведены чертежи разрѣзовъ долины р. Соммы, подробно разобрано ея геологическое строеніе, и на стр. 134 и слѣд. указаны причины отсутствія останковъ человѣка, которыхъ долго и напрасно искали около находимыхъ тамъ въ значительномъ количествѣ кремневыхъ орудій.

(5) Объ этомъ см. въ предисловіи къ „Atlas der Culturgeschichte. Von Dr. A. v. Eye. Separat-Ausgabe aus der zweiten Auflage des Bilder-Atlas. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1875. Стр. 3, вверху 4-го столбца.

(6) Тамъ же, см. въ объясненіяхъ къ таблицамъ 1—4 (Vorgeschichtliches, столб. 3-й на стр. 3-й).

(7) См. подробнѣе о кухонныхъ остаткахъ въ вышеприведенной статьѣ академика К. М. Бэра. стр. 38—41 и у Лайеля (Das Alter d. Menschengeschlechtes), стр. 9—13.

Кстати замѣтимъ, что Дж. Леббокъ относитъ древнѣйшія кучи кухонныхъ остатковъ къ *неолитическому* (или *позднѣйшему*) періоду каменнаго вѣка.

(8) См. Ворсо, „Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ." Изд. Императорской Академ. Наукъ. Спб. 1861. 8°. Стр. 5.

(9) См. объ этомъ въ книгѣ Лайеля (на стр. 93, 94); тамъ же на стр. 92 приведенъ и рисунокъ изображающій знаменитую Перигорскую пластинку съ нацарапанной фигурой мамонта. Другой образецъ первобытнаго искусства въ Atlas der Culturgeschichte, табл. I, фиг 11.

(10) См. объ этомъ въ статьѣ академика Бэра, на стр. 45, 46—8; а также и въ книгѣ Лайеля (вся V глава, стр. 41—54). Изображеніе череповъ на стр. 45—47. Важнѣйшіе и наиболѣе типическіе черепа, принадлежащіе людямъ каменнаго вѣка, изображены также въ Atlas der Culturgeschichte, на таблицѣ I, фиг. 74—77.

(10 bis, на стр. 17) См. Rivière. Découverte d'un squelette humain de l'époque paléolithique. Paris. 1873.

Изслѣдованіемъ и описаніемъ скелета (по доставленіи его въ парижскій Jardin des Plantes заняли англійскіе ученые Югсъ (Hughes) и Лайель, и французскіе—Деноейе (Denoyers) и Ами (Hamy). См. Das Alt. d. Menschengeschlechts, стр. 97.

(11) „Описаніе земли Камчатки. Сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи наукъ профессоромъ. С.-Петербургъ. 1755". Томъ второй, часть III, стр. 31—33.

(12) S. Nilsson. Die Ureinwohner des Scandinavishen Nordens. Das Bronzealter. Hamburg, 1866. Стр. 91.

(13) Н. Ѳ. Бутеневъ сообщилъ подробности о своихъ находкахъ въ статьѣ своей: „Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россіи по найденнымъ остаткамъ ихъ быта". Статья эта была помѣщена въ IV книгѣ Записокъ Имп. Геогр. Общ. за 1864 годъ. Затѣмъ статья эта появилась въ нѣмецкомъ переводѣ, въ XXIV т. „Archiv für die wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben v. A. Ermann (книжка III, стр. 495—513). Важныя дополненія къ этой статьѣ и поправки къ ея переводу были напечатаны П. И. Лерхомъ въ Извѣстіяхъ Имп. Археологическаго Общества. Т. VI, отд. 2, стр 153—162. Самая коллекція каменныхъ орудій, собранная Н. Ѳ. Бутеневымъ, съ 1863 г. служитъ украшеніемъ этнографическаго музея Имп. Академіи Наукъ.

(14) См. вышеприведенную статью академика Бэра, стр. 47.

[redacted]

(15) Труды третьяго Археологическаго съѣзда, 1874 г. См. тамъ въ I т. статью Ф. И. Камин скаго: „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ Стр. 149.

(16) Труды третьяго Археологическаго съѣзда, 1874. Т. I, стр 171--80, статья Г. О. Оссовскаго: „О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губерніи".

(17) „Извѣстія" четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани. 1877. Рефератъ гр. А. С. Уварова: „О каменномъ періодѣ на берегахъ Оки".

(18) См. тамъ же; стр. 147, 148 и слѣд.

(19) О значеніи и вліяніи каменныхъ породъ на выдѣлку каменныхъ орудій см. статьи П. И. Лерха подъ заглавіемъ: „Орудія каменнаго и бронзоваго вѣка въ Европѣ"—помѣщены въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Общ. т. IV, стр. 145—169; т. IV, стр. 310—323; т. V, стр. 200—219. Любопытныя дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ въ Отчетахъ Археологическихъ комиссій за 1865 годъ, стр. VIII и слѣд. (въ свѣдѣніяхъ о поѣздкѣ П. И. Лерха по Олонецкой и Вологодской губ.) и еще въ предисловіи къ первому выпуску труда Аспелина: „Antiquités du Nord finno-ougrien, Helsingfors, 1877 г.

Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что отсутствіе каменныхъ породъ, удобныхъ для выдѣлки орудій, оказывалось на столько чувствительнымъ, что побуждало людей каменнаго вѣка къ передвиженіямъ изъ одной мѣстности въ другую, а потомъ и къ добыванію необходимаго каменнаго матеріала другими способами (мѣною, можетъ быть даже извѣстнаго рода торговыми сношеніями) Любопытные примѣры въ подтвержденіе этого положенія, представляемыя различными находками въ Европѣ, указаны у Лайеля (стр. 15, 16).

(20) См. письмо П. Н. Рыбникова въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества", т. V, отд. 2, стр. 478 и слѣд.

(21) См. „Греческіе Классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ". Часть XVI, книга 20. С.-Петербургъ. 1827. Стр. 20 и слѣд.

Въ гл. XV Геродотъ говоритъ, что Мегабазъ хитростью съумѣлъ покорить „Пеонянъ, называемыхъ *Сиропсонянами и Пеоплами*, и тѣхъ, коихъ владѣнія простирались даже до озера Прасіада...." Затѣмъ далѣе:

„XVI. Но Пеоняне, обитающіе около горы *Пангея*, также *Довиры*, *Агріаны*, *Одоманты* и живущіе на самомъ озерѣ *Прасіадѣ*, Мегабазомъ покорены не были, хотя онъ покушался покорить и обитающихъ на упомянутомъ озерѣ. Вотъ какъ они живутъ на озерѣ. Посреди озера, на высокихъ сваяхъ, положены сплоченныя доски, имѣющія съ твердой земли узкій входъ посредствомъ одного моста. Сваи, на коихъ постланы доски, первоначально поставлены были всѣми вообще гражданами; потомъ ставить ихъ введенъ слѣдующій обычай. Каждый, кто женится, привезя ихъ съ горы, называемой *Орвигомъ*, ставитъ по три сваи за каждую жену; а женятся они на многихъ женахъ. На сихъ доскахъ у каждаго есть шалашъ, въ коемъ живетъ, со складною дверью, ведущею по доскамъ внизъ къ озеру. Маленькихъ же дѣтей привязываютъ за ногу тростникомъ, опасаясь, чтобы они не упали въ воду. Лошадей и подъяремныхъ животныхъ кормятъ рыбою, которой такое множество, что когда, отклонивъ складную дверь, спустить на веревкѣ въ озеро пустой кузовъ, то, спустя немного времени, вытаскиваютъ его полнымъ рыбы..."

(22) См. „Die nordische Bronzezeit u. deren Perioden. Eintheilung v. Sophus Müller. Autorisirte Ausgabe. Aus d. Dänischen v. J. Mestorf. Iena. 1878. Стр. 89 и слѣд. и 125 и слѣд.

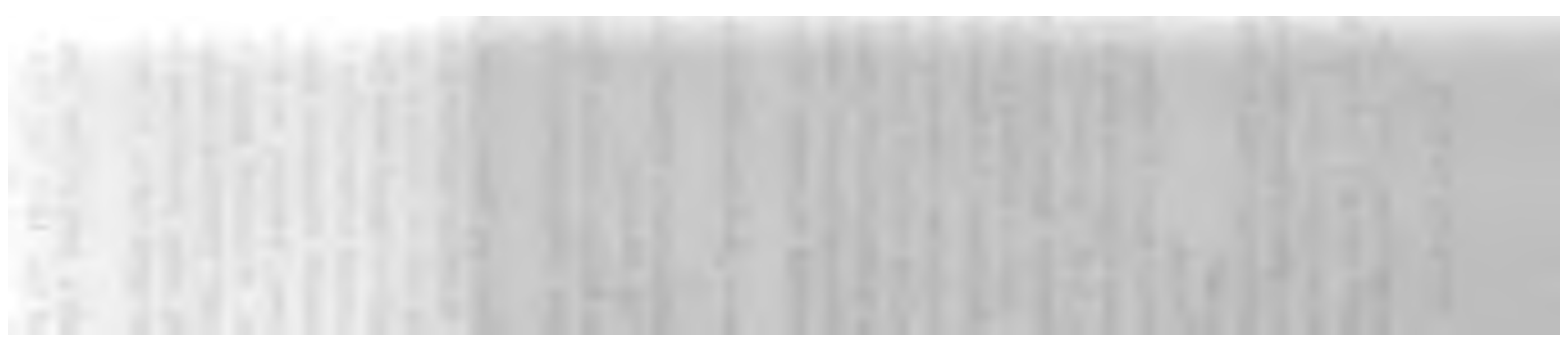
(23) См. объ этомъ у Ch. Lyell. Das Alter des Menschengeschlechtes, etc. Стр. 15.

(24) Тамъ же, стр. 15—16.

Здѣсь кстати будетъ сообщить, что многіе ученые изслѣдователи, на основаніи различныхъ данныхъ, старались установить извѣстнаго рода хронологію для опредѣленія эпохи, въ которую возникли въ разныхъ мѣстахъ Европы свайныя постройки.

Морло (Morlot), на основаніи изслѣдованныхъ имъ разрѣзовъ почвы при Вилльнёвѣ опредѣляетъ, что тѣ изъ свайныхъ построекъ, которыя принадлежатъ каменному вѣку, должны быть отнесены къ періоду, отдаленному отъ насъ на 5000, а можетъ быть и на 7000 лѣтъ.

[redacted]



Викторъ Жилліеронъ (Gillieron) опредѣляетъ древность свайныхъ построекъ, открытыхъ между Билерскимъ и Невшательскимъ озеромъ въ 6750 лѣтъ.

Тройонъ (Troyon), по свайнымъ постройкамъ, около Шамблона (Chamblon) при Невшательскомъ озерѣ, относящимся къ бронзовому вѣку—считаетъ ихъ отдаленными отъ нашего времени по крайней мѣрѣ на 3300 лѣтъ.

(25) См. объ этой гипотезѣ проф. Пржиборовскаго, а равно и объ изслѣдованіи свайныхъ построекъ въ славянскихъ земляхъ, въ сочиненіи: „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. Nach polnischen u. russischen Quellen bearbeitet u. herausgegeben von Albin Kohn u. Dr. C. Mehlis. Erster Band. Iena. 1879. О свайныхъ постройкахъ говорится во 2-й главѣ этой книги, на стр. 57—82.

(26) S. Nilsson. Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens 1866. Стр. 79.

(27) Тамъ-же. Стр. 99 и слѣд.

(28) Sadoffsky. Die Handelstrassen d. Griechen u. Römer durch die Flussgebiete d. Oder, Weichsel, des Dnieper u. Niemen an die Gestade d. Baltischen Meeres. Aus d. polnischen v. Albin Kohn. Jena. 1877 г. Стр. VII и слѣд.

(29) Sadoffsky. Тамъ-же, стр. XIX, XX и слѣд.

(30) Тамъ-же, стр. XXXIX и слѣд.

(31) Тамъ-же, стр. XIII.

(32) Тамъ-же, стр. XIV и XXXI.

(33) Ворсо. Сѣверныя древности, стр. 7—9.

(34) Въ книгѣ Словцова, „Историческое обозрѣніе Сибири". (Москва 1838 г. Часть I), находимъ чрезвычайно любопытныя данныя по вопросу о древностяхъ Сибирскихъ. Такъ какъ книга Словцова (и въ особенности I часть) составляетъ одну изъ такихъ книжныхъ рѣдкостей, которыя добыть довольно трудно, то мы и считаемъ не лишнимъ привести изъ нея слѣдующія подробности о раскопкѣ Сибирскихъ могилъ и о древнихъ копяхъ.

„Въ могилахъ, начинающихся съ Тобола (вѣроятно и западнѣе) и простирающихся не только до Тубы, но и за Байкалъ до Аргуни, были въ свое время открыты вещи золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя. Тѣ или другія принадлежали къ употребленію домашнему, воинскому или конскому" Бѣднѣйшими, по свидѣтельству Словцова, оказываются могилы Забайкальскія.

„Рядъ 16-ти кургановъ, находящихся на лѣвомъ берегу Алея, впадающаго въ Иртышъ, стóитъ быть упомянутымъ для того, что въ одномъ главномъ изъ нихъ, въ два поиска, найдено было бугровщиками золота до 60 фунтовъ въ разныхъ издѣліяхъ".

„Бель, изъ свиты Измайлова, писалъ, что между рѣдкостями, вырытыми изъ могилъ Кузнецкихъ, онъ видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ металла, и нѣсколько звѣрковъ изъ чистаго золота. Одинъ изъ бугровщиковъ сказывалъ Белю, что разъ онъ дорылъ до свода, подъ которымъ лежалъ оставъ человѣка на *серебряной доскѣ*, съ доспѣхами лука, стрѣлъ и колчана".

„Миллеръ въ Колыванскихъ заводахъ купилъ изъ могильныхъ драгоцѣнностей золотаго всадника на лошади сидящаго, чистой работы; также пріобрѣлъ онъ золотой кувшинчикъ обронной работы".

„Гмелинъ, въ Красноярскѣ наслышавшись о прежнемъ количествѣ могильнаго золота, въ такомъ изобиліи, что можно было покупать золотникъ по полтинѣ, расказываетъ, что у красноярскаго воеводы онъ видѣлъ родъ подноса и небольшой горшечекъ изъ серебра подъ золотомъ. На подносѣ изображены рѣзныя фигуры, съ накидкою, употребляемою у птицелововъ". (См. стр. 548 и слѣд.)".

Объ уцѣлѣвшихъ до нашего времени остаткахъ древнихъ копей Словцовъ сообщаетъ слѣдующее: „При отыскиваніи Вагранской руды, недалеко отъ Вагранскаго Походяшинскаго рудника (на Уралѣ), въ 1769 г. разработаннаго, замѣчены старыя шахты".

...„На Южномъ Уралѣ, когда въ царствованіи Елисаветы начались заводы, найдены многія старинныя копи, а въ нихъ сплавы мѣди въ 2—3 фунта и *кривые мѣдные ножи*".

...„Въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ—старинныя разработки, въ родѣ верховыхъ развѣдокъ и грубыхъ проплавокъ. Работы сіи, *послужившія указаніями къ заложенію многихъ*,

[redacted]

нашихъ рудниковъ, простирались на протяженіи 150 саженъ, а въ глубину не далѣе 5 саженъ; иногда попадались горные инструменты, *изъ мѣди литые*; но по большей части употреблялись (для горныхъ работъ) отломки изъ твердыхъ камней съ придѣланными рукоятками, какъ можно догадываться изъ обдѣлки отломковъ".

..."Въ Нерчинскихъ горахъ, въ 1726 г., въ мѣстечкѣ, называемомъ Култукъ, найдено нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытыхъ землею на аршинъ толщины. Тамъ же, въ старинныхъ отвалахъ—остовъ человѣка и *нѣсколько каменныхъ молотковъ*" (стр. 553 и слѣд.).

(35) См. Отчетъ Археологической Коммисіи за 1865 г. Стр. XIII и слѣд.

П. И. Лерхъ отправился сначала при своемъ археологическомъ объѣздѣ въ Петрозаводскъ и отсюда въ Повѣнецкій уѣздъ, къ Выгъ-озеру, посѣтилъ Заонежье, объѣхалъ уѣзды Вытегорскій и Каргопольскій, потомъ черезъ Вельскій, Тотемскій и Никольскій уѣзды Вологодской губ. отправился въ Вятскую, гдѣ и производилъ розысканіе въ Вятскомъ, Слободскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ. Очень любопытны сообщаемыя „Отчетомъ" свѣдѣнія, добытыя г. Лерхомъ по каменному вѣку въ Олонецкой и Вологодской губерніяхъ. Еще болѣе любопытны подробности раскопокъ въ чудскихъ городищахъ Вологодской губерніи. „Отчетъ" сообщаетъ между прочимъ, относительно разслѣдованія г. Лерха въ Ананьинскомъ могильникѣ, что „рукояти кинжаловъ (вырытыхъ изъ могильника), иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятями бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири". И далѣе:... „слитковъ золота и серебра (въ могильникѣ) не найдено. Особенно замѣчательно отсутствіе серебра, такъ какъ серебряныя гривны не рѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи. Такія двѣ гривны доставлены Лерхомъ изъ сѣв.-зап. части Глазовскаго уѣзда". Что же касается до бронзоваго оружія, то „экземпляры его часто находятъ въ окрестностяхъ Елабуги".

(36) См. объ этомъ въ „Трудахъ" перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 г., въ книгѣ II-й, статью К. И. Невоструева, подъ заглавіемъ „Ананьинскій могильникъ", стр. 595—632. Собственно о символизмѣ нѣкоторыхъ древностей Ананьинскаго могильника въ отдѣлѣ статьи подъ заглавіемъ: *символы* и *амулеты*, на стр. 619.

(37) См. Antiquités du Nord finno-ougrien, publiées par J. R. Aspelin, въ предисловіи ко второй половинѣ 1-го выпуска. И еще въ Отчетахъ Археологической Коммисіи за 1879 г., стр. V и слѣд.

(38) „Древности Геродотовой Скиѳіи". Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ Черноморскихъ степяхъ. Съ атласомъ Изд. Имп. Археолог. Комиссіи. С.-Петербургъ. Вып. 1-й. 1866. Вып. 2-й. 1872.

См. въ этомъ сборникѣ статью профессора Ф. К. Бруна: „Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ". Стр. LXXI.

(39) См. въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., статью гр. А. С. Уварова: „Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ", на стр. 501- 520.

(40) См. „Космосъ" А. ф. Гумбольдта. Переводъ съ нѣмецкаго Николая Флорова М. 1851. Въ 3-хъ томахъ (третій томъ въ двухъ отдѣлахъ). См. т. II, стр. 137 — 138 (въ главѣ о Средиземномъ морѣ).

(41) Статья К. Герца: „Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерійскаго". Статья эта помѣщена „въ Сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ". Изд. В. А. Дашковымъ. Книга I. Москва 1868. Стр. 144—145.

(43) Тамъ же, далѣе. Источникомъ для описанія Герца послужили отрывки отчета самого открывателя (Дю-Брюкса), насколько они были помѣщены въ „Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Imperial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur (par F. Gilles). Vol. 1—2. St.-Pétersbourg. 1854. In-folio.

(44) Plin. XXXIII, c. 23. Цитата приведена въ „Antiquités du Bosph. Cimmerien. См. тамъ, стр. 224, въ томѣ I.

(45) Въ это заблужденіе впалъ и весьма опытный, весьма почтенный археологъ И. Е. Забѣлинъ. Къ книгѣ своей „Исторія русской жизни" (часть первая, Москва, 1876) онъ приложилъ статью, подъ

заглавіемъ: „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ", и тамъ, на стр. 642, приводитъ нижеслѣдующее описаніе группъ Куль-Обской вазы:

„*На небольшомъ стулцѣ* сидитъ, по видимому, царь, съ царскою повязкою на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ, которое, какъ бы слушая и размышляя, приложилъ ко лбу, а нижнимъ концемъ его опирается въ землю. Передъ нимъ сидитъ, по степному, поджавъ колѣна, скиѳъ въ своей остроконечной шапкѣ (или башлыкѣ), тоже опираясь въ землю копьемъ: онъ что-то разсказываетъ царю. *Позади*, другой скиѳъ старается натянуть тетиву на лукъ. *Послѣ изображеннаго разговора, это, повидимому, сборы къ войнѣ. Затѣмъ* слѣдуетъ группа изъ двухъ скиѳовъ: одинъ щупаетъ пальцемъ зубъ у другаго, который отъ боли крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. Дальше, другой скиѳъ въ башлыкѣ перевязываетъ рану на ногѣ, вѣроятно, у того же больнаго скиѳа". Нужно-ли говорить, что эта послѣдовательность и связь между изображеніями, устанавливаемая Г. Забѣлинымъ, совершенно произвольна.

(46) См. Отчеты Археологической Комиссіи за 1859 г. Стр. III:

„Вопросъ о Скиѳахъ Геродота или, точнѣе, Сколотахъ, древнихъ обитателяхъ южной Россіи, подалъ поводъ къ многочисленнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Свидѣтельствуя о необыкновенной настойчивости изслѣдователей, труды эти оставили однакоже вопросъ нерѣшеннымъ, хотя и исчерпали не только всѣ извѣстные письменные источники, но повидимому и всѣ возможныя предположенія. Дальнѣйшая участь его зависѣла отъ археологическаго разслѣдованія могильныхъ кургановъ царей Сколотовъ, роскошное погребеніе которыхъ подробно описалъ Геродотъ, опредѣливъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно мѣстоположеніе страны Герровъ, гдѣ находились эти курганы".

„Въ недавнее время открытъ былъ курганъ, несомнѣнно принадлежащій къ ихъ разряду (Луговая могила)..." „Чѣмъ очевиднѣе важность открытаго кургана для исторіи древнихъ обитателей Россіи, тѣмъ болѣе онъ требуетъ подробнаго описанія..." „...Не лишнее, впрочемъ, замѣтить, что наше открытіе имѣетъ и другой, болѣе обширный интересъ въ настоящее время, когда на почвѣ древней Ассиріи, Вавилоніи и Персіи найдено около двухъ тысячъ особаго класса гвоздеобразныхъ надписей на языкѣ, который приписываютъ Скиѳамъ". См. стр. V—VI.

(47) См. объ этомъ въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи", вып. 2-й, статья проф. Бруна, стр LXXVII—LXXX.

(48) См. объ этомъ въ Отчетахъ Археологической Комиссіи за 1859, 1860, 1861, 1862 и 1863 гг.; а также и въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи", вып. I, стр. 1—28, и вып. II, стр. 20—118.

(49) Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. 2-й, статья Забѣлина (отчетъ о раскопкѣ Чертомлыцкой могилы) стр. 74—118.

(50) Отчеты Археологической Комиссіи, за 1864 г. Статья академика Стефани. См. примѣчаніе 1-е къ стр. 10-й.

(51) Статья академика Стефани. Тамъ же, стр. 10.

(52) Тамъ же, стр. 11.

(53) Тамъ же, стр. 15—19. Приводя здѣсь выписки изъ статьи академика Стефани, мы не можемъ упустить изъ виду того, что въ другомъ изданіи Археологической Комиссіи (Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. 2 й, стр. 102—103, примѣч. 2-ое) было помѣщено другое описаніе той же Никопольской вазы, сдѣланное И. Е. Забѣлинымъ; со многими подробностями этого описанія невозможно согласиться. Г. Забѣлинъ не обратилъ достаточнаго вниманія на основную идею всего ряда сценъ, изображенныхъ на фризѣ Никопольской вазы, и потому нашелъ связь эпизодовъ и послѣдовательное развитіе сюжета тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Такъ напр о сценѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ 73, г. Забѣлинъ говоритъ: „Группа справа показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, объѣзженъ, взнузданъ и осѣдланъ, и Скиѳъ спокойно треножитъ его переднія ноги для отдыха". Если припомнимъ то, что объ этой же группѣ говоритъ академикъ Стефани (см. стр. 85 нашей книги), то ошибка г. Забѣлина окажется совершенно ясною. Особенно важнымъ считаемъ то обстоятельство, что конь этой группы, даже и съ перваго взгляда на его изображеніе, не представляетъ ничего общаго съ тою породою коней, которые составляютъ красу другихъ группъ фриза: онъ очевидно принадлежитъ „не къ царской конюшнѣ, а къ конямъ прислуги

царской". Обращаемъ вниманіе на эту подробность потому, что описаніе фриза Никопольской вазы, помѣщенное г. Забѣлинымъ въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи" въ 1872 году, дословно повторено г. Забѣлинымъ на 635.— 36 стр. его „Исторіи Русской жизни", изданной въ 1876 году. Изъ этого ясно, что г Забѣлинъ не измѣнилъ своего взгляда на значеніе изображеній фриза Никопольской вазы даже и послѣ напечатанія статьи академика Стефани въ Отчетахъ Археологической Коммиссіи, а между тѣмъ трудъ почтеннаго академика совершенно исключаетъ возможность нѣкоторыхъ соображеній г. Забѣлина.

(54) Тамъ же, стр. 14 (въ концѣ). Въ дополненіе къ приведеннымъ въ текстѣ важнымъ замѣчаніямъ академика Стефани, пользуемся случаемъ, чтобы помѣстить еще двѣ выписки изъ его прекрасной статьи. Вотъ какъ напр. опредѣляетъ онъ художественное достоинство драгоцѣнной Никопольской вазы:

..."Лошадиныя фигуры на этомъ сосудѣ"—говоритъ почтенный академикъ—„если онѣ вообще не лучшее произведеніе, то во всякомъ случаѣ принадлежатъ *къ совершеннѣйшимъ созданіямъ этого рода, дошедшимъ до насъ отъ древняго искусства.* Въ благородствѣ очертаній и формъ у нихъ много общаго съ конями Пареенона, но *они превосходятъ послѣднихъ* приданною имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенною естественностью во всѣхъ частностяхъ, естественностію, которая именно была возможна только въ періодъ времени послѣ Фидія, но, въ связи съ благородствомъ общей концепціи, врядъ-ли могла продолжаться въ древнемъ искусствѣ послѣ четвертаго столѣтія до Р. Хр " (Стр. 14).

Важнымъ считаемъ и другое замѣчаніе г. Стефани, касающееся вообще всѣхъ находокъ въ скиѳскихъ могилахъ:

...Большинство уцѣлѣвшихъ предметовъ съ перваго же взгляда отзывается чисто греческимъ художественнымъ стилемъ IV в. до Р. Хр., несмотря на поверхностную и небрежную отдѣлку. Это послѣднее обстоятельство достаточно объясняется тѣмъ, что уцѣлѣвшія вещи по большей части служатъ украшеніемъ коней, колесницъ и царскихъ рабовъ, тогда какъ изъ числа болѣе цѣнныхъ и болѣе изящныхъ украшеній, находившихся на самомъ царѣ, уцѣлѣли отъ грабительскихъ поисковъ только нѣсколько мелкихъ вещицъ". (Тамъ-же, стр. 9).

Это тонкое и вѣрное замѣчаніе опытнаго археолога особенно кажется намъ важно, въ виду предположенія, высказаннаго нѣкоторыми изыскателями, относительно того, что „вещи болѣе грубой отдѣлки, находимыя въ скиѳскихъ гробницахъ, представляютъ собою подражанія греческимъ образцамъ, исполненныя самими скиѳами".

(55) Отчеты Археолог. Коммиссіи за 1863 г., стр. III и VIII.

(56) Тамъ-же, за 1860 г., стр. VIII—IX. Къ подобнымъ же новымъ и важнымъ чертамъ, дополняющимъ Геродотово описаніе погребенія скиѳскихъ царей, слѣдуетъ отнести и то, что могилы ихъ, внутри, по стѣнамъ и своду, обвѣшивались богатыми одеждами; въ нѣкоторыхъ гробницахъ сохранились даже крючья, на которыхъ онѣ были развѣшены. На самыхъ крючьяхъ найдены были остатки перегнившихъ тканей, а на полу подземелій самыя ткани, тоже истлѣвшія, въ видѣ комковъ неопредѣленной формы. См. объ этомъ у Забѣлина. (Скиѳія въ своихъ могилахъ) стр. 633.

(57) См. его „Исторію Русской Жизни", стр. 613—647.

(58) Отчеты Археолог. Коммиссіи, за 1864 г. Статья акад. Стефани Стр. 144—146.

(59) А именно въ могилѣ Цымбалкѣ. На одной изъ этихъ бляхъ изображена сирена—женщина съ змѣиными хвостами, держащая въ рукахъ тоже змѣй съ львиными головами. См. Забѣлинъ. „Скиѳія въ своихъ могилахъ", стр. 644.

(60) Тамъ-же, стр. 645.

(61) Тамъ-же; на той-же страницѣ, ниже. Замѣчательные по своему объему котлы скиѳскіе сохраняются въ залѣ скиѳскихъ древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

(62) Забѣлинъ. „Скиѳія въ своихъ могилахъ". Стр. 647.

(63) Замѣчаніе Е. Е. Замысловскаго,

(64) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ „Сказаній Приска Панійскаго". Эти отрывки ближе ознакомятъ читателей съ любопытными подробностями быта, который Прискъ

наблюдалъ, и о которыхъ мы только вскользь могли упомянуть въ текстѣ нашей книги. Приводимъ эти отрывки въ переводѣ Г. С. Дестуниса („Сказанія Приска Панійскаго". С.-Пб. 1860):

Стр. 46. *Медосъ и камосъ*. „Въ селеніяхъ отпускали намъ въ пищу, вмѣсто пшеницы—просо, вмѣсто вина—такъ называемый *медосъ*. Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье, которое варвары называютъ *камосъ*".

Стр. 50. *Дворецъ Аттилы*. „Мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Онъ былъ, какъ увѣряли насъ, великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ и обнесенъ деревянною оградой, болѣе служащею къ украшенію, нежели къ защитѣ. Подлѣ дома царскаго, самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, тоже съ деревянною оградою, но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. ...Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ... Строившій баню былъ житель Сирміи, взятый въ плѣнъ Скиѳами... Онигисій сдѣлалъ его своимъ банщикомъ. Онъ долженъ былъ прислуживать ему и его домашнимъ, когда они мылись въ банѣ".

Стр. 51. *Встрѣча Аттилы*. „При въѣздѣ въ селеніе Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами, подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи и болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиѳскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія—супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино: это у Скиѳовъ знакъ отличнѣйшаго уваженія. Она привѣтствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила, въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность женѣ любимца своего, Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вино изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи."

Стр. 59. *Посѣщеніе Прискомъ одной изъ женъ Аттилы*. На другой день я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Имя ея Крека... Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начиная съ пола они поднимались до нѣкоторой высоты"... „Я засталъ Креку, лежащею на мягкой постели. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы—множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды для красы".

Стр. 68. *Пѣвцы на пиру Аттилы*. (На пиру) „съ наступленіемъ вечера зажжены были факелы. Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни въ которыхъ превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть."

(65) Подробности о границахъ территоріи, которую занимали Венеты, см. въ Славянскихъ Древностяхъ Шафарика (въ переводѣ Бодянскаго. Москва, 1847) т. I, ч. 1; стр. 209.—Перечисленіе свидѣтельствъ о Венетахъ съ VI в. до Р. Хр., и до VII в. по Р. Хр., тамъ-же, стр. 265.

(66) Тамъ-же, т. I, ч. 1; стр. 20 и слѣд.

(67) Свидѣтельство Іорнанда о Венетахъ, Антахъ и Прокопія объ Антахъ, см. у Шафарика, тамъ-же, т. I, кн. 1; стр. 259 и 263.

(68) Крекъ (Gregor Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, Graz. 1874) замѣчаетъ, разбирая отзывъ Константина Багрянороднаго, что „это *ославяненіе* было конечно явленіемъ преходящимъ и вовсе не должно быть принимаемо въ смыслѣ вытѣсненія славянами туземнаго населенія изъ вышеуказанныхъ мѣстностей Византійской Имперіи населеніе туземное, не имѣя возможности препятствовать колонизаціи славянской оказывалось однакожъ на столько устойчивымъ, что, допуская колонизацію, мало-по-малу приравнивало къ себѣ, а потомъ и совсѣмъ поглощало элементъ славянскій, являвшійся не сплошными массами, а въ видѣ рѣдкихъ поселеній". (Стр. 67).

(69) Въ соображеніе при этомъ очеркѣ были главнѣйшимъ образомъ приняты: *Pictet*. Les origines Indo-européennes ou les Arias primitifs (I, Paris 1850. II, 1863) и *L. Geiger*. Ursprung und Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart. 1871.

[redacted]

(70) Этотъ очеркъ составленъ нами на основаніи прекраснаго свода фактовъ, сдѣланнаго Крекомъ въ вышепомянутой его книгѣ (см. примѣч. 68) на стр. 22—55, и отчасти по книгѣ Я. Э. Воцеля. „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности"—въ переводѣ Николая Задерацкаго. Кіевъ, 1875 г.

(71) Подробности о дакійскихъ жилищахъ см. въ превосходномъ изданіи Т. Ротшильда: „La Colonne Trajane, reproduite en phototypographie"; объ этомъ изданіи мы подробнѣе упоминаемъ въ нашемъ описаніи рисунковъ. В. Фрёнеръ (Froehner), составившій описательный текстъ къ этому изданію, замѣчаетъ между прочимъ совершенно вѣрно, что среди дакійскихъ построекъ выдѣляются два типа: одинъ, *болѣе древній*—убогой лачужки на четырехъ подпоркахъ, напоминающій собою свайныя постройки; другой, *позднѣйшій*—гораздо болѣе удобные домики, иногда даже двухъ-этажные. См. въ *Colonne Trajane* объясненіе Фрёнера къ табл. 50 (Habitations daces).

(72) Записки Императорской Академіи Наукъ, 1865 г.; т. VIII. Стр. 1—64. „Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ". А. Шлейхера. Шлейхеръ высказываетъ свое мнѣніе о *единоженствѣ* на стр. 41.

(73) „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго". Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Вып. I (и единственный). Кіевъ. 1860. Стр. 15. Прекрасный разборъ изслѣдованія В. Шульгина см. у К. Д. Кавелина, „Полное собраніе его сочиненій". 4 части. М. 1859.

(74) „Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи". Сочиненіе Павла Савельева, С.-Пб. 1847. Стр. LXXXVII.

(75) „Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ". Часть I. Статьи и розысканія А. Куника и барона В. Розена. Приложеніе къ XXXII ст. зап. Имп. Акад. Наукъ. стр. 53—54.

(76) См. И. И. Срезневскаго. „Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ". С.-Пб. 1848. Стр. 32—37 (отд. III о городищахъ). Та-же книга извѣстна и подъ другимъ заглавіемъ: „Святилища и обряды языч. богослуженіе древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ". Измаила Срезневскаго. Харьковъ. 1846.

(77) „Величина площадей городищъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ, безъ рвовъ и валовъ, въ большинствѣ случаевъ измѣняется отъ 300—500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются и меньшія, до 200, и бо́льшія, до 1000 арш. въ окружности. Величина важнѣйшихъ псковскихъ пригородовъ, по описанію Н. И. Костомарова, измѣняется отъ 500—800 шаговъ въ окружности:

...„Пространство Изборскаго городища менѣе иного помѣщичьяго двора; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; площадь Вревскаго городища—240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочецкаго—750 шаговъ и т. д. Площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 г. и сохранившаяся до настоящаго времени—400 арш. въ окружности. Площадь древней Путиловской крѣпости около 500 арш. въ окружности. Туже величину имѣли древніе города Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и др. См. объ этомъ у Д. Самокрасова. „Исторія русскаго права". Т. I, Варшава. 1878. Стр. 191 и сл.

(78) См. тамъ-же, стр. 193.

(79) Тамъ-же, стр. 193—4.

(80) Тамъ-же, стр. 196.

(81) Тамъ-же, стр. 197.

(82) Тамъ-же, стр. 198 и слѣд.

(83) См. Барсовъ. „Причитанія сѣвернаго края". Москва. 1872. Стр. X и слѣд.

(84) Тамъ-же, область, „въ которую вступаетъ душа, разлучившись съ тѣломъ" изображается въ одномъ изъ причитаній такъ:

„Туды вѣтрышки не провѣвываютъ,
Лютое звѣрье не прорыскивае,
Малая птичка не пролетывае;
Ни прохожихъ туда, ни проѣзжихъ;
Хоть не дальная сторонушка—безъизвѣстная,
Не колодистъ туды путь—безповоротный".

(85) О музыкальныхъ инструментахъ у Славянъ см. въ книгѣ Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ". Спб. 1870. Стр. 264 и слѣд. (Свидѣтельство Ибнъ-Даста). И еще въ „Извѣстіяхъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ". Стр. 55.

(86) См. Труды перваго Археологич. съѣзда; т. I, стр. CXVIII и CXIX (рѣчи академика И. И. Срезневскаго). А также—Иловайскій: „Розысканія о началѣ Руси", стр. 138—141.

(87) П. Савельева „Мухамед. Нумизматика", стр XLVII—IX.

(88) Г. Иловайскій отвергаетъ извѣстіе о томъ, что Хазары брали дань съ Полянъ, Радимичей и Вятичей, а г. Куникъ справедливо придаетъ этому извѣстію важное значеніе и приводитъ въ пользу его вѣскія доказательства. См. „Извѣстія Ал-Бекри", стр. 151 и слѣд.

(89) Г. Иловайскій въ своей книгѣ „Розысканія о началѣ Руси" (глава V, стр. 100—114) приводитъ весьма любопытныя соображенія относительно того, что Саркелъ былъ построенъ Хазарами не только для защиты отъ Печенѣговъ, но также и отъ Руси.

(90) П. Савельевъ. „Мухамед. Нумизматика", стр. LX—LXII.

(91) „... Хазарамъ принадлежитъ честь введенія перваго доселѣ извѣстнаго постояннаго войска"... Тамъ-же, стр. LXI и примѣч. 101.

(92) О значеніи Камы и ея притоковъ въ исторіи цивилизаціи русскаго Востока см. въ статьѣ И. Бабста: „Рѣчная область Волги", помѣщенной въ „Магазинѣ Землевѣдѣнія и путешествій" Н. Фролова (стр. 435 и слѣд.)

(93) П. Савельевъ. Мухамеданск. Нумизм., стр. LXXV и прим. 123.

(94) Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ". Стр. 94—95.

(95) С. М. Шпилевскій: „Древніе города и другіе болгарско-татарскія памятники въ Казанской губерніи". Казань, 1877. Стр. 258—259.

(96) П. Савельевъ: Мухамед. Нумизматика, стр. CXXXI—III.

(97) См. Castren: „Ethnologische Vorlesungen", Спб. 1875. Стр. 137—142.

(98) П. Савельевъ: Мухамед. Нумизм., стр. CXII—III.

ОБЪЯСНЕНІЯ РИСУНКОВЪ.

Рисунки 1—10.

Изображенія этихъ каменныхъ орудій заимствованы нами изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ въ 1869 г. (Труды и Атласъ вышли въ свѣтъ въ 1871 г.) См. въ этомъ Атласѣ Табл. III. Въ нашемъ снимкѣ изображенія Атласа уменьшены не много менѣе, чѣмъ въ два раза.

Всѣ эти орудія принадлежатъ къ разряду грубо-тесанныхъ, неполированныхъ орудій древнѣйшаго періода каменнаго вѣка. Назначеніе ихъ (кромѣ. №№ 1, 2, 3) въ данную минуту опредѣлить довольно трудно. № 1 представляетъ собою искусно выдѣланный наконечникъ копья съ зубчатыми краями. №№ 2, 3—наконечники стрѣлъ. Остальные экземпляры, отъ 4—10, представляютъ собою отломки различныхъ орудій, можетъ быть неудавшихся при выдѣлкѣ или потерпѣвшихъ отъ употребленія.

Рисунки 11—12.

Заимствованы нами изъ того же Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Арх. Съѣзда. Тамъ находятся они на табл. III, подъ №№ 2 и 8, и изображены въ натуральную величину. Въ нашемъ снимкѣ уменьшены немного болѣе, чѣмъ вдвое.

Рис. 11 (въ Атласѣ 2-й) представляетъ собою наконечникъ отъ копья; но по причинѣ его слишкомъ плоской формы и довольно острыхъ краевъ, онъ, кажется, могъ служить ножемъ или скобелемъ при выдѣлкѣ кожъ. Матерьялъ—роговикъ темно-бураго цвѣта (см. Труды, стр. LXXXI).

Рис. 12 (въ Атласѣ 8-й) представляетъ прямое долото изъ кремня (см. Труды, стр. LXXXV), сточенное на концѣ. Оба принадлежатъ къ грубо-тесаннымъ, т. е. къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка.

Рисунокъ 13.

Заимствованъ изъ небольшаго Атласа литографированныхъ рисунковъ, приложенныхъ къ статьѣ И. С. Полякова: „Этнографическія наблюденія во время поѣздки на Ю. В. Олонецкой губерніи"; въ особенности важенъ въ ней для нашей цѣли отдѣлъ подъ заглавіемъ „Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи". Статья помѣщена въ III т. Запис. Имп. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи. Спб 1873, стр. 323—513. Нашъ рис. 13 соотвѣтствуетъ рис. 2 на табл. IV въ Атласѣ г. Полякова.

На рис. 13 изображенъ одинъ изъ самыхъ большихъ каменныхъ топоровъ, найденныхъ г. Поляковымъ въ Олонецкой губерніи. По поводу его онъ замѣчаетъ, что, будучи сдѣланъ изъ кварцита, онъ, „можетъ быть, по своей значительной твердости, не былъ подвергаемъ стачиванью, и приготовленъ вполнѣ по способу околачиванья", между тѣмъ какъ „всѣ остальные топоры являются въ формѣ клина, сточеннаго съ двухъ сторонъ", причемъ продольныя ребра ихъ выдаются весьма рѣзко.

Величину этого топора Г. Поляковъ опредѣляетъ въ 247 милиметровъ (длина) и 83 милиметра (ширина). Въ его Атласѣ изображеніе этого топора уменьшено ровно вдвое. Нашъ снимокъ противъ того изображенія уменьшенъ въ $2^1/_4$ раза.

Рисунокъ 14.

Заимствованъ изъ Атласа, приложеннаго къ вышепомянутой статьѣ Полякова. Тамъ онъ находится на таблицѣ VII, подъ № 3, и у насъ переданъ буквально, въ ту же величину.

По поводу этого рисунка г. Поляковъ говоритъ о найденныхъ имъ горшкахъ слѣдующее: „Горшки встрѣчались намъ только въ видѣ обломковъ, по которымъ невозможно опредѣлить формы ихъ въ цѣломъ"... „Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраиннымъ или боковымъ частямъ сосудовъ". ...„видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ ряда бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ четырехъугольными вдавленіями; бороздки располагались наклонными и параллельными другъ другу рядами, или зигзагами, или сходились подъ угломъ другъ къ другу... или, наконецъ, раздѣлялись ямочками (какъ на нашемъ рисункѣ 14). Ямки эти, въ большей части случаевъ, очень глубоки, почти проходятъ сквозь всю стѣнку горшка, вслѣдствіе чего по внутренней сторонѣ получаются даже ряды выпуклыхъ бугорковъ (см. ст. Полякова, стр. 367—8).

Рисунокъ 15.

Изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г. (Труды и Атласъ вышли въ свѣтъ въ 1878 въ Кіевѣ) Таблица VII, рис. 35.

Въ объяснительной статьѣ г. Каминскаго: „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ" — объ этихъ рисункахъ сказано между прочимъ слѣдующее:

„(При раскопкѣ въ с. Гонцы, имѣніи г. Киріякова) одна сторона ямы, западная, особенно привлекла мое вниманіе: по ней проходилъ едва замѣтный слой, незначительно выше уровня костей (мамонта)... Въ этомъ слоѣ найдены, кромѣ слишкомъ мелкихъ, 47 неудавшихся и испорченныхъ каменныхъ орудій и осколки орудій, а также костяное шило и костяное остріе" (см. Труды, ч. I, стр. 148). Хотя г. Каминскій и относитъ, въ числѣ прочихъ, орудіе, изображенное на рис. 35 (нашемъ 15), къ „*плоскимъ, безформеннымъ осколкамъ*", однако же нельзя не обратить вниманія на то, что это описаніе его не совсѣмъ точно, такъ какъ этотъ осколокъ не можетъ быть названъ ни плоскимъ, ни безформеннымъ. На немъ сохранились слѣды обработки рукою человѣка, который, при помощи околачиванія, старался придать ему извѣстную форму, даже пробилъ для какой то неизвѣстной цѣли отверстіе въ камнѣ—но камень не погодился ему, и онъ его отбросилъ въ общую кучу остатковъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Каминскій, что всѣ перечисленныя имъ 47 орудій принадлежатъ „къ древнѣйшему типу каменныхъ орудій, эпохи мамонта, и имѣютъ поразительное сходство съ орудіями этого типа, находимыми въ западной Европѣ въ тѣхъ же условіяхъ".

Рисунокъ 16.

См. тамъ-же, таблица VII, рис. 52. Въ объяснительномъ текстѣ г. Каминскаго (Труды I, стр. 151) находимъ такое объясненіе этому рисунку:

„Конечная часть кремневаго (грубо-тесаннаго) ножа, отличающаяся сглаженными ребрами и блескомъ. Орудіе это найдено (въ Полтавской губ.) возлѣ с. Рудки, Лубенскаго уѣзда, въ хуторѣ Чеберякахъ, на лѣв. сторонѣ р. Оржицы, въ торфѣ, въ саженяхъ 50 отъ болота, на глубинѣ $^1/_4$ аршина, недалеко отъ „Старой Криницы", возлѣ которой протекаетъ ручеекъ, называемый „Рутокъ".

Рисунокъ 17, 18, 19.

См. тамъ же, таблица XV, рис. 1, 2 и 7. Относительно этихъ рисунковъ находимъ въ протоколахъ третьяго съѣзда (стр. LXXX—LXXIV) слѣдующія подробности:

Раскопки предприняты были 11 авг. въ 14 верстахъ къ западу отъ Кіева, у с. Гатное; въ $1^1/_4$ версты отъ этого села, по направленію къ хутору Теремцы, на площади, слегка наклонной къ р. Вѣтѣ, протекающей черезъ с. Гатное, на урочищѣ „Курганъ", находилась группа 6 могилъ. Двѣ изъ нихъ лежали въ лѣсу, 4 на полѣ.

Въ одномъ изъ этихъ-то кургановъ открытъ былъ сосудъ изъ красноватой глины, сплошь покрытый орнаментомъ изъ прямыхъ линій и точекъ, и сохранившійся вполнѣ (нашъ рис. 17). Тамъ же, въ сторонѣ отъ группы другихъ находокъ, нѣсколько глубже его, каменный молотокъ изъ кварцита (нашъ рис. 18). Судя по тому, что въ томъ же курганѣ найдены были и бронзовыя, и желѣзныя вещи, какъ молотокъ этотъ, такъ и глиняный сосудъ принадлежали довольно поздней эпохѣ.

Въ другомъ курганѣ рядомъ съ вышепомянутымъ, найденъ былъ около цѣльныхъ несожженныхъ скелетовъ мужчинъ и женщинъ другой молотокъ (изображенный на нашемъ рис. 19) также изъ кварцита. Хотя въ томъ же курганѣ найдены были и другія каменныя орудія, присутствіе между ними желѣзнаго наконечника копья, заставляетъ также относить молотокъ и эти орудія къ позднѣйшему періоду, когда знакомство съ металлами стало мало-по-малу выводить камень изъ употребленія.

Рисунокъ 20.

См. тамъ же, таблица VII, рис. 53. Въ статьѣ г. Каминскаго (Труды, I, стр. 151) находимъ слѣдующія любопытныя подробности о находкѣ этого молотка, который, замѣтимъ кстати, также принадлежитъ къ числу груботесанныхъ орудій древнѣйшаго періода.

„На довольно большой могилѣ (Полтавской губ., Лохвицкаго уѣзда), въ хуторѣ Богодаровкѣ, начали строить вѣтряную мельницу, а когда приступлено было къ рытью ямъ для фундамента, то въ одной изъ ямъ, приблизительно на глубинѣ 2-хъ аршинъ, нашли черепъ, но больше ни какихъ частей, ни признаковъ гроба. Рядомъ, въ другой ямѣ, аршина на 3 въ глубину, нашли каменный молотъ" (нашъ рис. 20)... „Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки той-же могилы не производились болѣе за ненадобностью.

Рисунки 21—22.

Заимствованы изъ Атласа, приложеннаго къ статьѣ г. Полякова „Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губ." (табл. III, рис. 1 и 2).

Касательно этихъ двухъ топоровъ (уменьшенныхъ у насъ въ 6 разъ противъ натуральной величины) г. Поляковъ замѣчаетъ, что они принадлежатъ къ наиболѣе обыкновеннымъ находкамъ каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи. „Большая часть этихъ орудій сходна со скандинавскими; сходство простирается даже до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ", и въ особенности проявляется на топорѣ, изображенномъ у насъ на рис. 22. „Разница въ томъ, что большинство скандинавскихъ топоровъ состоитъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ и изъ кремня, тогда какъ олонецкіе, главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца". (тамъ же, стр. 360).

Рисунки 23—25.

Изображенія взяты изъ Атласа, приложеннаго къ статьѣ г. Полякова, а именно съ его таблицы V, №№ рис. 7, 8, 9.

Г. Поляковъ принимаетъ фиг. 23 и 25 за рыболовныя *грузила*, употреблявшіяся для погруженія лесы въ воду; а кружокъ съ отверстіемъ посрединѣ (рис. 24) относитъ къ *украшеніямъ*, замѣчая, что подобной формы кружки изъ янтаря часто встрѣчаются при роскопкахъ въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и Скандинавіи. Тѣ кружки служили несомнѣнно украшеніемъ; но по отношенію къ этому кружку, сдѣланному изъ мелкозернистаго кворцита, могутъ быть высказаны нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ подобные кружки употребляемы были свaестроителями въ качествѣ гирекъ при тканьѣ и плетеніи волокнистыхъ тканей.

Рисунокъ 26.

См. Атласъ къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда, таблица VIII, рис. 3. Въ статьѣ г. Оссовскаго (О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губ.), служащей объясненіемъ къ рисункамъ, находимъ слѣдующія любопытныя догадки о самомъ производствѣ каменныхъ бусъ въ древнѣйшую эпоху.

„(Бусы) сдѣланы изъ *простыхъ шиферовъ*, мѣстной каменной породы, которою особенно изобилуютъ окрестности селъ Нагоряны и Каменщина"...; „нѣкоторыя (изъ находимыхъ тамъ) образцовъ этого очевидно мѣстнаго издѣлія замѣчательны тѣмъ, что представляютъ собою *издѣлія еще неоконченныя* и тѣмъ даютъ возможность ознакомиться съ производствомъ каменныхъ работъ у древнѣйшихъ обитателей этой страны. Изъ этихъ образцовъ мы видимъ, что для выдѣлки бусъ избирались не толстыя пластинки шифера, въ которыхъ предварительно вытачивались круглыя отверстія; затѣмъ пластинка распиливалась на 4-хъ угольные квадратики съ готовыми уже дырочками; потомъ, отпиливая углы квадратиковъ, имъ постепенно придавали кругловатую форму". Мы думаемъ, что отпиливанія угловъ не было, а было шлифованіе при помощи песка или и[illegible]е болѣе твердыя каменныя породы.

[redacted]

Рисунки 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

См. Атласъ, приложенный къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Таблица III-я рисунки: 11, 14, 15, 16—33.

Всѣ орудія, изображенныя нами на стр. 25 нашего сочиненія, принадлежатъ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка и носятъ на себѣ ясные признаки тщательной шлифовки. Самыя формы этихъ орудій указываютъ уже на значительно развитыя потребности тѣхъ, кому они служили.

Только объ одномъ изъ этихъ орудій (нашъ рис. 32) можемъ сообщить подробности его нахожденія и съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ оно было отрыто, такъ какъ этотъ молотъ принесенъ былъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу извѣстнымъ ученымъ М. А. Максимовичемъ, и присланъ на первый Археологическій съѣздъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Въ прошедшее лѣто (1868) и моя Золотоношская родина, наконецъ, объявилась предметомъ любопытнымъ для археологіи до-исторической, *найденнымъ въ одной изъ тѣхъ круглыхъ степныхъ могилъ, которыя по сосѣдству съ хуторами и селами обращены въ христіанскія кладбища.* Верстахъ въ 5 отъ г. Золотоноши, въ хуторѣ Новоселицѣ, копали яму для умершаго старика сплача Матвѣя Городового и встрѣтили въ землѣ человѣческій остовъ, лежавшій съ полудня на сѣверъ; въ головахъ у него былъ глиняный горшокъ, распавшійся подъ заступомъ, а у плеча покойника лежалъ *каменный молотокъ.* Услыхавъ объ этомъ, по возвращеніи моемъ изъ Кіева, я успѣлъ достать себѣ уже изъ вторыхъ рукъ этотъ первонайденный молотокъ Золотоношскій. Своею формою и отдѣлкою онъ превосходитъ тѣ сѣро-серпентиновые молотки, которыхъ уже не малое число найдено на правой сторонѣ Днѣпра, по берегамъ рѣкъ и въ древнихъ могилахъ".

Въ поясненіе къ этому письму замѣтимъ, что „Золотоношская родина", о которой упоминаетъ въ своемъ письмѣ маститый ученый, есть небольшая усадебка *Михайлова гора*, принадлежавшая покойному М. А. Максимовичу, на лѣвомъ берегу Днѣпра надъ с. Прохоровою, Золотоношскаго у. Кіевской губ. Тамъ, возлѣ урочища „Княжая гора", былъ нѣкогда городъ *Родня*, извѣстный осадою, которую выдержалъ въ немъ Ярополкъ отъ Владиміра въ 980 году.

Рисунки 35, 36, 37, 38, 39.

Всѣ эти пять рисунковъ стрѣлъ заимствованы изъ Атласа, приложеннаго къ вышепомянутой статьѣ Полякова; онѣ изображены тамъ на табл. V, подъ №№ 2 (нашъ 36) и 3 (нашъ 38), и на табл. VI, подъ №№ 1 (нашъ 35), 3 (нашъ 39) и 8 (нашъ 37).

О наконечникахъ стрѣлъ, находимыхъ въ Олонецкой губ., г. Поляковъ замѣчаетъ, что „въ величинѣ наконечниковъ стрѣлъ существуетъ значительная разница: наибольшія — 85 миллиметровъ въ длину, 23 въ ширину; наименьшія 29, 30—въ длину, и 14, 18—въ ширину. Эта разница въ величинѣ объясняется различнымъ назначеніемъ этихъ орудій (для большихъ и малыхъ животныхъ)". Притомъ, „нѣкоторыя отличаются особенною акуратностью въ отдѣлкѣ", напримѣръ нашъ рис. 37; другія „по характеру работы напоминаютъ древнѣйшія изъ подобныхъ орудій, изъ эпохи мамонта въ Западной Европѣ" (стр. 364—5).

Рисунокъ 40.

См. Атласъ, приложенный къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда, таблица XV, рис. 14.

Изображенный на нашемъ рис. 40 наконечникъ кремневой стрѣлки, довольно тщательно отдѣланный, найденъ былъ во время упомянутыхъ уже нами (см. выше объясненія къ рис. 17, 18, 19) раскопокъ третьяго Археологическаго съѣзда, близъ с. Гатное. Въ курганѣ № 1, около скелета, которого кости были разрознены такъ, что положеніе его опредѣлить не было никакой возможности, рядомъ съ черепомъ, нашли много мелкихъ костяныхъ бусъ, плоскій глиняный сосудъ, въ видѣ тарелки, обломки какого-то желѣзнаго орудія неопредѣленной формы и эту стрѣлку.

Рисунокъ 41.

Этотъ идеальный видъ селенія сваестроителей набросанъ былъ извѣстнымъ изслѣдователемъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, докторомъ Ф. Келлеромъ, отчасти на основаніи его собственныхъ изслѣдованій, отчасти по рисунку подобныхъ же свайныхъ построекъ въ Новой-Гвинеѣ, помѣщенному въ путешествіи Дюмонъ-Дюрвиля.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что и сѣти, подвѣшенные подъ помостомъ, и долбленый изъ одного дерева челнъ—не придуманы почтеннымъ ученымъ, а принадлежатъ дѣйствительно той отдаленной эпохѣ, по весьма достовѣрнымъ археологическимъ даннымъ. Грузила отъ сѣтей и удочекъ относятся къ числу наиболѣе обыкновенныхъ находокъ среди свайныхъ построекъ; а что касается челновъ, то остатки одного изъ нихъ, долбленаго изъ цѣльнаго ствола, были отысканы г. Моро близъ Меркураго [1]), около остатковъ свайныхъ сооруженій въ торфяникахъ, которыми поросъ бассейнъ одного изъ прежнихъ озеръ, образовавшихся нѣкогда постепеннымъ таяніемъ Тичинскаго глетчера (см. объ этомъ въ книгѣ Лайеля: Das Alter des Menschengeschlechts, стр. 19).

Рисунокъ 42.

Всѣ помѣщенныя въ немъ изображенія предметовъ, добытыхъ изъ Ананьинскаго могильника, въ разное время и разными изслѣдователями, уже были помѣщены въ Атласѣ, приложенномъ къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (см. тамъ таблицу IV).

Мы должны были для удобства печатанья нѣсколько измѣнить расположеніе предметовъ этой таблицы въ нашемъ снимкѣ и снабдили каждый изъ нихъ отдѣльнымъ нумеромъ. Нумера эти на нашемъ изображеніи идутъ не въ разбивку, а въ порядкѣ послѣдовательности отъ лѣвой руки къ правой.

Заимствуемъ объясненія этихъ весьма важныхъ древностей изъ обстоятельной и подробной статьи г. Невоструева (см. въ Трудахъ перваго съѣзда, т. III, стр. 612—640) объ Ананьинскомъ могильникѣ, группируя однородные предметы.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на то, что всѣ предметы, входящіе въ составъ рис. 42, кромѣ №№ 12, 20, 21. и 26—принадлежатъ къ оружію.

Въ числѣ 22 экземпляровъ оружія видимъ *три кельта* (№№ 4, 6, 8), *четыре кинжала* (№№ 14, 17, 19, 18), *четыре военныя сѣкиры* или *боевыхъ молота* (№№ 16, 23, 24, 25), *три копья* (№№ 22, 13, 15), *четыре* металлическихъ *наконечника стрѣлъ* (№№ 2, 9, 11, 20), остальное—кремневые наконечники стрѣлъ.

Въ виду важности этихъ древностей, разнообразныхъ по формѣ и по составу, необходимо разсмотрѣть каждую изъ группъ въ отдѣльности.

а) *Кельты*. № 2 представляетъ собою бронзовый кельтъ (изъ мѣди олова и слѣдовъ желѣза), весьма похожій на клинъ, довольно плоскій, длина 4 дюйма, ширина $2^1/_2$, со стесанными боками и пустотою внутри для вкладыванья древка; украшенъ зубчатыми и дугообразными линіями.

№ 3—такой же бронзовый кельтъ. длина $3^1/_2$, ширина $1^1/_2$ дюйма, кругловатой формы у основанія, съ однимъ ушкомъ для прикрѣпленія къ древку; также украшенъ прямыми и зубчатыми линіями.

№ 4—такой же формы и мѣры, съ двумя ушками и безъ украшеній бронзовый кельтъ, по химическому разложенію состоящій изъ мѣди, желѣза и слѣдовъ золота.

б) *Кинжалы*. № 19 — кинжалъ *желѣзный*, переломившійся на двѣ части, длины около $5^1/_2$ вершковъ, въ томъ числѣ рукоять отъ основанія до плечиковъ 2 вершка.

№ 17—кинжалъ бронзовый, искусной работы и хорошо-сохранившійся, длиною $6^3/_4$ вершковъ (12 дюймовъ); рукоятка отъ основанія до плечиковъ $2^1/_2$ вершка (4 дюйма).

№№ 14 и 18—кинжалы желѣзные, первый $13^1/_2$, а второй 15 дюймовъ длины.

в) *Военныя сѣкиры* или *боевые молоты*. № 15—бронзовая сѣкира, хорошо отлитая и сохранившаяся, почти прямая по формѣ (напоминающая кирку), длины 3 вершка, съ круглымъ отверстіемъ въ самомъ корню.

№ 16 — сѣкира желѣзная, длиною четыре вершка, съ круглымъ отверстіемъ для древка по срединѣ, съ остріемъ широкимъ и округленнымъ; часть, противуположная острію, нѣсколько похожа на молотокъ.

№ 23—бронзовый боевой молотъ, съ широкой втулкой для древка по срединѣ, длина 9 дюймовъ.

№ 24—изящной формы бронзовый боевой молотъ. На одномъ концѣ у него довольно хорошо отлитая голова кабана, другой конецъ—въ видѣ длиннаго птичьяго клюва. Этотъ замѣчательный памятникъ брон-

[1]) На югъ отъ Альповъ въ сѣверной Италіи.

[redacted]

зоваго вѣка найденъ былъ не въ самомъ Ананьинскомъ могильникѣ, а немного выше его на берегу Камы.

г) *Копья.* № 23—наконечникъ копья бронзовый, около 1 четверти длины, хорошо отлитый, съ узорами и выступами; формою напоминаютъ козацкую пику. Въ широкой части копья два сквозныхъ отверстія.

№ 15—наконечникъ копья желѣзный, длина $9^1/_2$ дюймовъ.

№ 13—наконечникъ копья желѣзный, еще большаго размѣра—$15^1/_2$ дюймовъ длины.

д) *Стрѣлы.* № 11—желѣзныя, въ формѣ копейца: имѣетъ круглый черенокъ, съ таковымъ же отверстіемъ для древка.

№ 20—желѣзная, длиною $3^1/_2$ дюйма, безъ черенка, съ однимъ только круглымъ отверстіемъ.

№ 2—желѣзная, трехгранная, съ зазубринами, изящной и отчетливой отдѣлки.

№ 9—двугранная, безъ зазубринокъ и съ черенкомъ для древка.

Остальныя вещи, неотносящіяся къ оружію—слѣдующія:

№ 12—бронзовое, хорошо сохранившееся, выемчатое долото, длины около 5 дюймовъ; около края отверстія для древка украшено зубчатымъ, выпуклымъ узоромъ.

№ 21 и 26—точильные камни, въ видѣ продолговатой плашки и кругловатой палочки. Оба снабжены дырочками, вѣроятно, для ношенія ихъ на поясѣ, какъ мы можемъ предположить по нѣкоторымъ достовѣрнымъ археологическимъ даннымъ.

№№ 1, 7, 10, 3, 5—кремневые наконечники или обломки наконечниковъ стрѣлъ. Всѣ—длиною около 2 дюймовъ или немного болѣе.

Рисунокъ 43.

Заимствованъ изъ атласа, приложеннаго къ „Трудамъ перваго Археологическаго Съѣзда", таблица IV, рис. 1. Уменьшая фотографически всю таблицу для нашего изданія, мы должны были выдѣлить это важное изображеніе, и дали его отдѣльно, въ ту же самую величину, въ какой оно помѣщено въ атласѣ.

Изображеніе это достаточно подробно разсмотрѣно нами въ текстѣ книги (стр. 51), а потому здѣсь, со словъ г. Невоструева, намъ остается добавить лишь очень немногое.

„Камень этотъ"—говоритъ г. Невоструевъ—опаковый, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большомъ Ананьинскомъ курганѣ въ землѣ, на четверть отъ верха; высоты онъ 6 четвертей, 11 вершковъ; ширины внизу 8 вершковъ, а въ верху, нѣсколько съуженномъ и сведенномъ полукругомъ, 7 вершковъ, толщины 1 четверть. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи—внизъ головою: въ такомъ положеніи найдено нѣсколько надгробныхъ камней и въ древнихъ курганахъ на Енисеѣ (см. въ „Трудахъ", стр. 627).

Рисунокъ 44, 46.

См. въ Атласѣ, приложенномъ къ первому Ахеологическому Съѣзду, табл. XXIV, рис. 26 и 28.

Наши №№ 46 и 44 представляютъ собою: первый — бронзовую пуговку, а второй — бронзовую бляшку для украшенія пояса. Пуговка (№ 46) выпуклая, съ спиральною фигурою на верхней сторонѣ и съ широкимъ ушкомъ со стороны обратной.

Бляшка (№ 44) имѣетъ на наружной сторонѣ двойную спираль, а на внутренней—широкое ушко для надѣванія на ремень.

Замѣтимъ, что спиральныя украшенія принадлежатъ къ наиболѣе характернымъ, отличительнымъ украшеніямъ предметовъ бронзоваго вѣка.

Рисунокъ 47, 48, 49, 50, 51, 52.

См. тамъ-же, таблица XXII, рис. 48, 51, 52, 53, 54, 57.

Нашъ № 47 представляетъ собою миніатюрную бронзовую баранью головку; ширина $^7/_8$ дюйма, длина 1 дюймъ. На задней сторонѣ головки—ушко или продѣвка. Очевидно, что вещица эта служила украшеніемъ, и нашивалась либо на поясъ, либо на одежду.

№ 48—бронзовый, миніатюрный (длина и ширина $^5/_8$ дюйма) пѣтушокъ на шпинькѣ, утвержденномъ въ основаніи тонкомъ и кругломъ, въ родѣ серебрянаго пятачка. Вещица сдѣлана изящно, и по догадкѣ г. Невоструева, вѣроятно, представляетъ собою запонку.

№ 49 -бронзовая орлиная головка (длина $1^3/_8$ дюйма) также изящно сдѣланная, съ круглымъ прорѣзнымъ основаніемъ, которое представляетъ собою втулку для того, чтобы эту орлиную головку можно было насаживать на другой предметъ, которому она должна была служить украшеніемъ.

№ 50. Бронзовое украшеніе съ тремя сквозными отверстіями и ушкомъ позади. Изображеніе, не совсѣмъ ясное, представляетъ нѣчто въ родѣ дракона, пожирающаго какое-то животное. Бляшка эта—округлой формы, длины 3 дюйма, ширины $2^3/_4$ дюйма.

№ 51. Бронзовое колеско о четырехъ спицахъ, со сквознымъ отверстіемъ по срединѣ. Эта форма украшеній принадлежитъ къ наиболѣе часто попадающимся въ бронзовомъ вѣкѣ. Встрѣчается и въ западной Европѣ между древностями бронзоваго вѣка, и у насъ на Уралѣ, между пермскими древностями (см. рис. 115), и на Кавказѣ (см. изображеніе на стр. 64 въ „Археологическихъ и нумизматическихъ отрывкахъ"—П. Савельева, книжка I, С.-Пб. 1855).

52. Бронзовая застежка или крючокъ, заканчивающійся съ одной стороны головою какого-то звѣря съ очень длинною мордою и прижатыми ушами. Г. Невоструевъ затрудняется точнѣе опредѣлить назначеніе этого предмета.

Вообще же всѣ вышеописанные предметы отъ № 47—52, по качеству помѣщенныхъ на нихъ изображеній, г. Невоструевъ относитъ къ числу предметовъ, имѣющихъ символическое или вѣщее значеніе, а потому и представляющихъ собою нѣчто въ родѣ обереговъ или амулетовъ.

Рисунокъ 53.

Изъ „Древностей Геродотовой Скиѳіи", изданныхъ Импер. Археологической комиссіей. Спб. 1866 См. текста вып. I, стр. 1.

Изображенный на рисункѣ курганъ Александропольскій, болѣе извѣстный подъ именемъ Луговой могилы, лежитъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близь казеннаго селенія Александрополя, верстахъ въ 60—70 отъ Днѣпра и въ 30 отъ рѣки Базавлука. Онъ принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ кургановъ во всемъ Новороссійскомъ краѣ. По подошвѣ, которая была обложена дикарными камнями, онъ простирается въ окружности до 150 саженъ и въ вышину саженъ на 10. Видъ его былъ конусообразный: вершина, на которой нѣкогда, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, стояла каменная баба, была срѣзана, и представляла площадку. шириною въ 9 саженъ. Сооруженная изъ чернозема и глины, на небольшой возвышенности, насыпь эта видна была во всѣ стороны болѣе, чѣмъ за 25 верстъ. Вокругъ всего кургана шелъ широкій ровъ. глубиною въ $^3/_4$ аршина, обведенный валомъ, вышиною въ полтора аршина, съ двумя промежутками въ немъ, изъ которыхъ одинъ находился на восточной, другой на западной сторонѣ.

Рисунокъ 54, 55, 56.

Изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда; см. таблицы I, рис. 3; табл. II, рис. 13 и 14.

Въ статьѣ гр. Уварова, въ „Трудахъ" того же съѣзда (Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, стр. 501—520) сказано, что изображенная на нашемъ рис. 54 каменная баба принадлежитъ къ числу тѣхъ семи бабъ, которыя помѣщены въ городскомъ саду въ Новочеркаскѣ и для Археологическаго съѣзда сняты были посредствомъ фотографіи.

№№ 55 и 56 сняты съ рисунковъ, изготовленныхъ извѣстнымъ ученымъ нашимъ П. И. Кеппеномъ. Вышина бабы № 55 равняется 2 арш. $12^5/_6$ вершковъ; вышина бабы № 56—1 арш. $9^1/_2$ вершк.

Замѣтимъ кстати, что къ „Свѣдѣнію о каменныхъ бабахъ" приложена въ „Трудахъ перваго съѣзда" весьма любопытная карта „Мѣста нахожденія каменныхъ бабъ въ Азіи и въ Европѣ".

Рисунокъ 57.

Снятъ прямо съ памятника, хранящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ отдѣлѣ Керченскихъ древностей. Фотографія исполнена художникомъ Классеномъ. Гравирована прямо по фотографіи Паннемакеромъ въ Парижѣ. Изображеніе увеличено ровно въ два раза.

Самый памятникъ—золотая пластинка. на которой представлены два Скиѳа, повидимому, обнявшіеся и пьющіе изъ одного рога.

[redacted]

Рисунокъ 58.

См. „Древности Геродотовой Скиѳіи", вып. 2-й. Спб. 1872. стр. 54.

Изображенная на рисункѣ гробница отрыта была въ одномъ изъ кургановъ близь с. Бѣленькаго*), принадлежащаго г. Миклашевскому и отстоящаго отъ Краснокутской **) станціи верстъ на 50 къ югу.

Главный изъ этихъ кургановъ (такъ называемая Толстая могила), совершенно не тронутый раскопками, имѣлъ 100 саж. въ окружности.

При раскопкѣ кургана, въ серединѣ обнаружились каменныя известковыя плиты: это была покрышка гробницы. Когда было очищено мѣсто подлѣ этой гробницы, то съ южной стороны ея, въ разстояніи 2-хъ аршинъ, обнаружился стоявшій вертикально камень, въ видѣ бабы. Онъ былъ вышиною 2 арш. 1 верш. Вокругъ гробницы была поставлены ограда изъ известковыхъ бѣлыхъ камней разной величины. Гробница была сложена изъ цѣлыхъ плитъ рыхлаго бѣлаго и желтаго известняка и такими-же плитами покрыта; величина камней была около 1 арш. въ квадратѣ, а толщина въ $^1/_4$ аршина. Гробница была поставлена на материкѣ и имѣла длины по направленію отъ востока къ западу 3 аршина 7 вершковъ; ширины въ головахъ 1 арш., а въ ногахъ 10 вершковъ; въ головахъ вышина камней, составлявшихъ гробницу, равнялась 1 аршину, въ ногахъ--14 вершкамъ.

Рисунокъ 59 (помѣщенный во главѣ книги) 60, 61, 62.

Снятъ съ памятника, хранящагося въ Импер. Эрмитажѣ, въ отдѣленіи Керченскихъ древностей.

О самомъ памятникѣ такъ много и часто приходилось говорить намъ въ текстѣ книги, что здѣсь добавить прійдется не многое.

Эта небольшая электровая ваза, по корпусу которой расположены рельефныя сцены изъ скиѳскаго быта (рис. 60, 61, 62), составляетъ одну изъ величайшихъ драгоцѣнностей Эрмитажнаго собранія, такъ какъ принадлежитъ къ тому немногому, что уцѣлѣло отъ несчастной Куль-Обской находки.

Главнымъ затрудненіемъ при фотографированіи, какъ этого цѣльнаго изображенія Куль-Обской вазы, такъ и отдѣльныхъ сценъ съ нея, было расположеніе рельефныхъ фигуръ по округлому изгибу, составляющему плеча сосуда. Этотъ изгибъ и долженъ быть принятъ въ соображеніе читателемъ, когда онъ будетъ разсматривать рисунокъ 59, а также и рисунки 60, 61, 62. Обратимъ вниманіе читателя на то, что въ рис. 59 ваза поставлена на горизонтальную плоскость, чтобы дать совершенно правильное понятіе о ея формѣ. Но такое положеніе вазы не даетъ возможности обозрѣть изображенныя на ней группы во всей красотѣ ихъ очертаній. Вотъ почему, изображенія 61, 62, 63—сняты были съ вазы, поставленной нѣсколько наклонно къ зрителю, вслѣдствіе чего и самыя фигуры отдѣльныхъ группъ вышли яснѣе и неизбѣжные ракурсы верхнихъ частей фигуръ (прилегающихъ къ шейкѣ вазы) могли представиться въ болѣе полномъ и отчетливомъ видѣ.

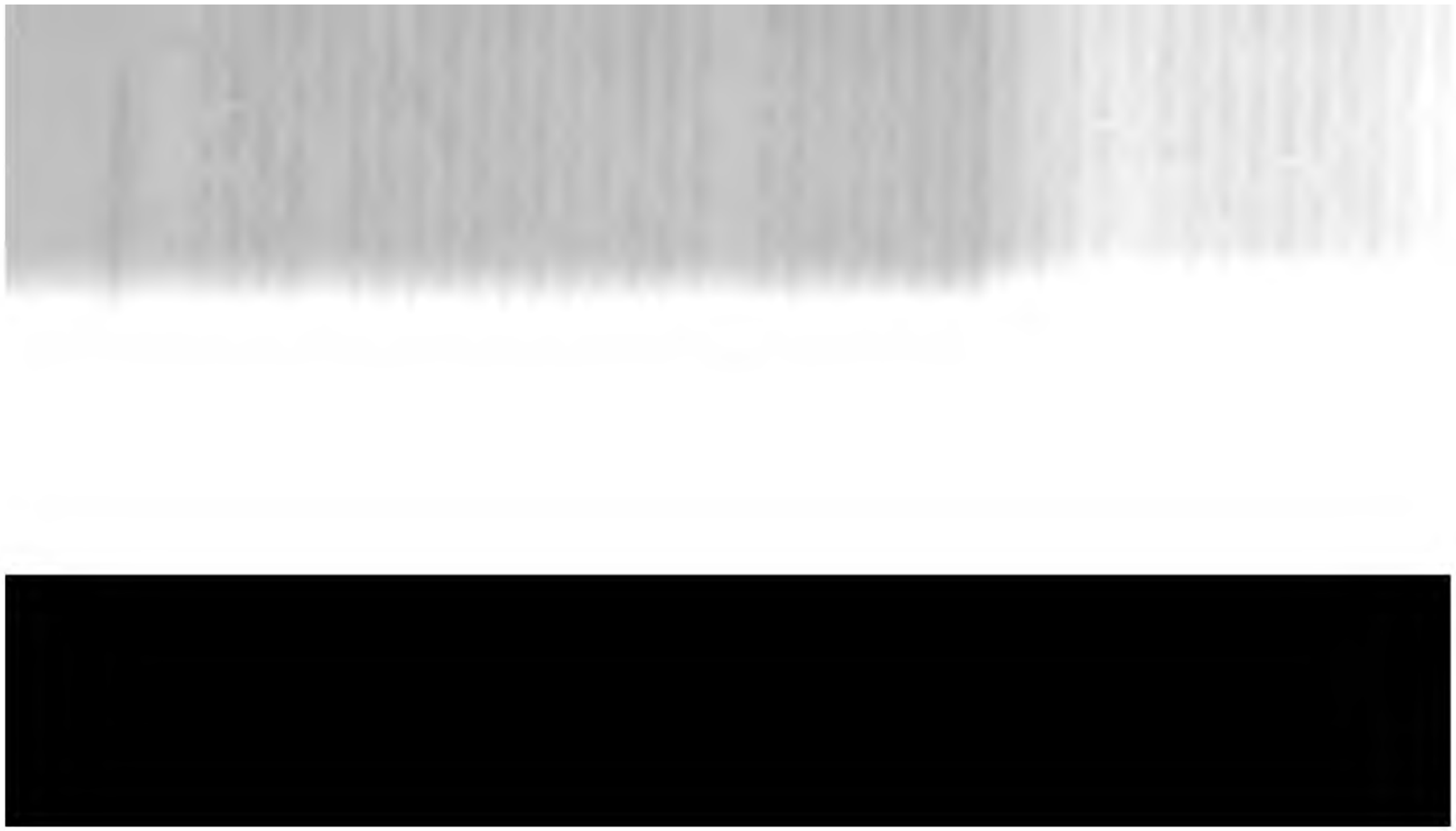
Обратимъ вниманіе читателей еще на одну подробность этихъ драгоцѣнныхъ изображеній. Отъ внимательнаго взгляда любителей археологіи не укроется то, что всѣ очертанія человѣческихъ фигуръ на вышеуказанныхъ рисункахъ—оттѣнены кругомъ довольно широкою темною каймою. Тотъ же самый темный оттѣнокъ, въ родѣ пятенъ, видимъ и на бородѣ, и въ рельефахъ лицъ Скиѳовъ, и въ нѣкоторыхъ складкахъ одеждъ. Многіе, незнакомыя съ самымъ памятникомъ, могутъ отнести это къ недостатку гравюры или печатанья—и горько ошибутся. Дѣло въ томъ, что эта темная кайма и эти темныя пятна существуютъ и на самомъ Куль-Обскомъ сосудѣ и составляютъ ничто иное, какъ цвѣтной красноватый налетъ, сохранившійся и на этомъ сосудѣ вслѣдствіе того, что онъ былъ обернутъ, при первоначальной постановкѣ въ гробницу, какою-то цвѣтною (можетъ быть пурпуровою) тканью: ткань истлѣла, но цвѣтъ, окрашивавшій ее, сохранился во всѣхъ выемкахъ и впадинахъ сосуда.

Изображенія этого сосуда были помѣщены въ „Antiquités du Bosphore Cimmerien", t. III.

Въ заключеніе нашихъ объясненій замѣтимъ, что на изображеніяхъ Куль-Обской вазы особенно ясно выступаютъ тѣ кружочки, крестики и точками обозначенныя линіи, которыя мы видимъ на одеждахъ

*) Въ надписи подъ этимъ рисункомъ, по ошибкѣ, сказано, что гробница эта найдена въ Луговой могилѣ.

**) Краснокутская станція лежитъ по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь.



Скиѳовъ (преимущественно на ихъ исподнемъ платьѣ); по мнѣнію г. Забѣлина, эти кружочки и крестики обозначаютъ нашивныя бляхи и пуговки, которыя пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ каемъ, кружевъ по шеѣ и по подолу и разныхъ узоровъ, смотря по Скиѳскому вкусу" *). Академикъ Стефани, котораго мы лично просили объяснить намъ, такъ-ли слѣдуетъ понимать эти подробности скиѳской одежды—сообщилъ намъ, что вышепомянутые кружочки, крестики и линіи точекъ могутъ обозначать и узоры тканей скиѳскихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые остатки этихъ узорныхъ тканей и дѣйствительно дошли до насъ (въ послѣднее время они даже выставлены въ витринахъ Эрмитажа).

Рисунокъ 63, 64.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. II, рис. 1 и 3.

Оба рисунка изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ: № 64 — съ лица и въ полномъ составѣ, а № 63—одну часть его сбоку и въ нѣсколько бо́льшемъ видѣ.

Предметъ этотъ, какъ и многіе другіе изъ добытыхъ въ скиѳскихъ могилахъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ значеніе опредѣлить довольно трудно. Это бронзовый трезубецъ, оканчивающійся внизу трубкой (для насаживанія на древко). На каждомъ изъ концовъ трезубца помѣщено по одной птицѣ; у двухъ крайнихъ птицъ проходитъ черезъ клювъ колечко, къ которому, при помощи двухъ другихъ колечекъ, привѣшенъ былъ бронзовый колокольчикъ.

Трезубецъ этотъ принадлежалъ къ числу тѣхъ древностей, которыя случайно добыты были изъ Луговой могилы крестьянами въ 1851 г. (См. подробности этой находки въ объясненіяхъ къ рис. 65 и 67, и текстъ „Древн. Гер. Ск.", стр. 3).

Рисунокъ 65 и 67.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. I, рис. 3 и 4.

Оба эти рисунка изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ, но только № 67 изображаетъ его въ боковомъ поворотѣ, а № 65 въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется, если смотрѣть на него сверху. Самый предметъ есть ничто иное, какъ крючекъ или застяжка, у которой острый конецъ представляетъ голову фантастическаго животнаго съ птичьимъ клювомъ, а другой конецъ изображаетъ оленя, съ прижатыми къ спинкѣ рогами. Съ задней стороны придѣланы къ каждому крючку двѣ скобки, сквозь которыя, вѣроятно, продѣвались ремни.

Такихъ крючковъ добыто было изъ Луговой могилы два: одинъ золотой, другой серебряный. Очень любопытны подробности этой случайной находки, ближайшимъ послѣдствіемъ которыхъ была раскопка Луговой могилы.

Осенью 1851 г. крестьяне въ с. Александрополѣ начали строить церковь и каждый изъ нихъ обязался привезти по одному возу камня для фундамента. Четверо изъ крестьянъ, добывая камень у подошвы кургана (Александропольскаго) съ южной стороны, въ разстояніи около 2-хъ саженъ отъ основанія кургана, напали на камни бо́льшей противъ прочихъ величины и, сдвинувъ ихъ съ мѣста, нашли подъ ними различные предметы древностей: золотые, серебряные и бронзовые.

Узнавъ объ этой находкѣ, покойный графъ Л. Перовскій, завѣдывавшій въ то время археологическими розысканіями въ Россіи, поручилъ г. Терещенко разслѣдованіе Александропольскаго кургана. (см. текстъ, стр. 2—3).

Рисунокъ 66.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. VI, рис. 3.

Въ той же могилѣ, между прочими драгоцѣнностями, добыто было и это изображеніе вепря, сдѣланное изъ листоваго золота, съ кружевообразнымъ основаніемъ и сохранившимися внутри его частями дерева, на которое онъ, вѣроятно, былъ насаженъ (см. текстъ „Древн. Гер. Скиѳіи", стр. 7).

Рисунокъ 68.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. II, табл. XXIV, рис. 5.

Изображенный на этомъ рисункѣ предметъ добытъ былъ изъ Краснокутской могилы. Это — прорѣзная, кверху съуживающаяся бронзовая втулка съ рельефнымъ изображеніемъ птицы, распустившей

*) См. Забѣлина Истор. Русск. жизни, стр 643.

крылья. На задней сторонѣ втулки, внизу, ушко, вѣроятно, для болѣе прочнаго прикрѣпленія къ тому древку, на которое изображеніе это должно было насаживать. (см. текстъ, стр. 46).

Рисунокъ 69.

См. Атласъ къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, таблица VIII, рис. 16.

Изъ Луговой могилы, въ числѣ 700 другихъ золотыхъ вещицъ и украшеній (большею частью очень изящной работы), добытъ былъ и представленный на этомъ рисункѣ золотой бюстикъ оленя съ такимъ-же кружечкомъ во рту, висящимъ на колечкѣ. (см. текстъ, стр. 12).

Рисунокъ 70.

См. Атласъ къ „Древн. Герод. Скиѳіи", вып. I, табл. XV, рис. 4.

Въ Луговой могилѣ отрыты были замѣчательныя по богатству уборовъ могилы коней. На одномъ изъ конскихъ остововъ былъ надѣтъ шейный уборъ изъ чистаго золота, вѣсомъ болѣе $^1/_2$ фунта, состоящій изъ длинной ленты, съ висящими на концахъ ея двумя полукруглыми подвѣсками На лентѣ (часть которой и представлена на рис. 70) видны вытѣсненныя фигуры десяти грифоновъ, нападающихъ на двухъ оленей и двухъ кабановъ. „Судя по дырочкамъ, находящимся на кромкѣ ленты, и по золотымъ гвоздикамъ, уцѣлѣвшимъ на полукруглыхъ подвѣскахъ, надобно полагать, что онѣ были прикрѣплены къ широкому ремню" (стр. 20 текста).

Рисунки 71, 72, 73.

Рисованы съ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ, изданныхъ книгопродавцемъ Рётгеромъ, въ особомъ изданіи подъ заглавіемъ: „Никопольская серебряная ваза Императорскаго Эрмитажа". Спб. г. (въ листъ).

Фигуры Скиѳовъ въ изображеніи фриза вазы въ этомъ изданіи увеличены вдвое противъ ихъ размѣровъ на самомъ памятникѣ. Кромѣ этого изданія, изображенія знаменитой вазы, въ видѣ очертаній исполнены были въ „Отчетахъ археологической коммисіи" за 1864 годъ (см. Атласъ къ Отчету, табл. I, II, III) и въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи" (см. Атласъ къ нимъ, вып. 2-й, таблицы XXXI, XXXII, XXXIII). Какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ Атласѣ, прекрасные и смѣлые рисунки (одною чертою безъ тѣней) исполнены извѣстнымъ рисовальщикомъ Р. Пикаромъ, много лѣтъ работавшимъ для изданій Археологической Коммисіи и Эрмитажа.

Другіе снимки знаменитаго памятника, представляющіе его въ цѣломъ и въ частяхъ, не заслуживаютъ упоминанія.

Въ высшей степени любопытны и важны тѣ подробности раскопки Чертомлыцкаго кургана, которыя сопровождали открытіе драгоцѣнной Никопольской вазы въ сѣверо-западномъ подземельѣ кургана.

„Когда стали приближаться къ материку",—говоритъ археологъ, завѣдывавшій раскопками—„то въ углу раскопанной площади этого подземелья, гдѣ лежали сплошные слои рушеной красной глины, не обнаруживавшіе никакихъ признаковъ, что подъ ними можно встрѣтить какую-либо находку,—заступъ вдругъ стукнулъ обо что-то, лежавшее въ глубинѣ слоевъ. Тотчасъ работа заступами была остановлена и вмѣсто заступовъ употреблены въ дѣло копальные ножи. По очисткѣ мѣста былъ открытъ какой-то кружокъ, въ родѣ обода изъ почернѣвшаго отъ окисленія серебра. Дальнѣйшая очистка этого кружка обнаружила вскорѣ, что то былъ какой то сосудъ, сидѣвшій очень твердо въ глиняномъ слоѣ. Необходимо было окопать его кругомъ канавой, дабы вынуть безъ поврежденія. При устройствѣ такой канавы образовалась глиняная тумба (около двухъ аршинъ въ поперечникѣ и въ одинъ аршинъ вышиною), которая потомъ отъ верха до низа постепенно снималась тонкими слоями; такимъ способомъ глина была очищена до самаго корпуса сосуда. Это была большая серебряная ваза, мѣстами позолоченная, въ родѣ амфоры, съ двумя ручками, стоявшая нѣсколько наклонно къ западу, на массивномъ подножьѣ. Видимо было, что это наклонное положеніе вазы произошло отъ обвала сводовъ подземелья, отъ котораго верхній бокъ вазы оказался помятымъ и отъ тяжести глинянаго слоя продавленнымъ (см. «Древности Герод. Скиѳіи" вып. 2-й, текста стр. 101).

Рисунокъ 74.

См. „Древности Герод. Скиѳіи", вып. I, текста стр. 42.

Изображенныя на этомъ рисункѣ бляшки отысканы въ Геремесовскихъ близницахъ, верстахъ въ 50 къ ю.-в. отъ Луговой могилы.

[redacted]

Рисунокъ 75.

См. тамъ-же, Атласъ ко II выпуску, табл. XV, рис. 14 и 9.

Въ одномъ изъ подземелій Чертомлыцкой могилы найдены были въ углу остатки стрѣлъ и колчановъ, и подъ ними воткнутые въ стѣну три меча съ золотыми рукоятками. Мечи—грубой работы; въ стѣнѣ однако же оставались только ржавые клинки, а рукоятки лежали на материкѣ (см. вып. II текста стр. 112).

Рисунокъ 76, 77, 78.

См. текстъ „Древн. Геродотовой Скиѳіи", вып 2-й, стр. 92, 108 и 109.

№ 78 представляетъ собою небольшую мѣдную вазу или котелокъ на стоянцѣ, вышиною вершковъ 10. Онъ открытъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, не далѣе двухъ аршинъ отъ входа въ подземелье, у юго-западной стѣнки его, при самомъ началѣ раскопокъ. Подобныя же вазы открыты были и въ Куль-Обской могилѣ.

Въ другомъ подземельѣ того-же Чертомлыцкаго кургана открытъ былъ изображенный на нашемъ рис. 77 огромный бронзовый котелъ такой же формы, но только немного болѣе округлый въ своей верхней части. „Сначала показались изъ земли его ручки, изображающія козловъ (скорѣе каменныхъ барановъ); онѣ указывали, что ваза стояла правильно на своемъ поддонѣ. Приняты были возможныя предосторожности, чтобы вынуть ее безъ поврежденій; однакожъ дно ея было уже раздавлено тяжестью обвала и такъ перержавѣло, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ растрескалось и части его вывалились. Поддонъ также поломанъ. Внутри вазы лежали кости коня — черепъ, части реберъ и кости ногъ — всѣ окрашенныя мѣдною ярью и уже значительно перетлѣвшія. Снаружи, по дну, ваза была сильно закопчена и тѣмъ обнаруживала, что это былъ собственно походный котелъ для приготовленія пищи" (см. стр. 108). Размѣры этой вазы очень значительны—1 аршинъ, 9 вершковъ вышины и соотвѣтствующаго размѣра ширина.

„За этою вазою, дальше, у самой материковой стѣны показалась другая, подобная же, поменьше (см. подъ № 76). Въ ней находились такія же кости жеребенка и сверхъ того желѣзная черпалка въ видѣ чашки (3 вершка въ діаметрѣ, съ ручкой въ 12 вершк. длины). Снаружи вазу тоже покрывалъ значительный слой копоти" (см. стр. 109). Вышина этой вазы — 1 аршинъ.

Рисунокъ 79, 80.

См. Атласъ къ „Древн. Геродот. Скиѳіи", таблица XII, рис. 1 и 2 (въ I вып.).

Въ Луговой могилѣ, подъ обваломъ бѣлой глины, на поворотѣ одной изъ подземныхъ галлерей—отыскана была большая полукруглая пластинка изъ листоваго золота, съ бюстикомъ коня (см. текстъ стр. 17). № 79 даетъ это изображеніе въ профиль, № 80—съ лица.

Рисунокъ 81, 82.

Тамъ же, табл. VII, рис. 2 и 5.

Въ той же могилѣ, подлѣ черепа одной изъ лошадей, съ лѣвой стороны, между глазомъ и ухомъ, найденъ дутый золотой бюстикъ коня, съ рожкомъ по срединѣ лба. Въ шейкѣ его сдѣлано сквозное отверстіе, вѣроятно для продѣванія ремня (см. нашъ рис. № 82), которымъ онъ прикрѣпляется къ уздѣ; а къ основанію придѣлана золотая пластинка, украшенная арабесками. № 82 даетъ изображеніе этого конька въ профиль, № 81—съ лица (см. текстъ, стр. 9).

Рисунокъ 83 и 84.

Сняты съ самаго памятника; увеличены ровно вдвое. Обѣ эти группы составляютъ оконечія превосходнаго жгутообразнаго шейнаго обруча (или гривны), сдѣланнаго изъ золота и добытаго изъ Куль-Обской могилы.

Нынѣ этотъ обручъ хранится въ числѣ драгоцѣнностей Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа. Непосредственно прилегающія къ фигурнымъ оконечіямъ части обруча покрыты довольно широкой каймой, на которой узоръ образуется тонкимъ золотымъ ободочкомъ, а выемки между его краями залиты разноцвѣтной эмалью, мѣстами уцѣлѣвшей и донынѣ.

Фигуры обоихъ всадниковъ-Скиѳовъ были нами сняты вдвойнѣ—сзади и спереди, дабы возможно было вполнѣ видѣть покрой скиѳской одежды во всѣхъ ея подробностяхъ; тѣмъ болѣе, что эти изобра-

женія всадниковъ, вмѣстѣ съ изображеніями Кульбской и Никопольской вазы, представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ для изученія подробностей скиѳской одежды.

Предостерегаемъ читателя отъ ошибки, въ которую впасть очень не трудно; при первомъ взглядѣ на рис. 83 или 84, можетъ показаться, что широкое исподнее платье притянуто къ ногѣ тоненькой штрипкой. Но это не вѣрно: ремешекъ, такъ отчетливо и ясно обозначенный на ступнѣ Скиѳовъ и проходящій подъ подошву ихъ обуви—есть ничто иное, какъ ременная скрѣпа, которою около щиколодки и поперегъ ступни (подъ подошву) привязывалась слишкомъ широкая обувь Скиѳовъ. Такіе-же ремни видимъ и на другихъ изображеніяхъ (напр. на Никопольской вазѣ), хотя и не на всѣхъ. Судя по образцамъ с иеской обуви, представляемымъ Куль-Обскою вазой, обувь эта привязывалась иногда и просто только около щиколодки, поперегъ нижней части голени, не обхватывая ступни.

Рисунокъ 85, 86.

См. Атласъ къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. II, табл. XXIII, рис. 5 и 7.

Изъ Краснокутскихъ могилъ отрыты были изображенные на этихъ двухъ рисункахъ—кругловатое и продолговатое рѣзныя украшенія въ родѣ бляхъ, составлявшія принадлежность уздечнаго прибора. Въ объяснительномъ текстѣ къ рис. 85 сказано, что на этой бляхѣ изображены „змѣи съ головами четвероногихъ". (См. текстъ, стр. 47). Съ этимъ едва ли можно согласиться: головы и шеи коней, которыя ясно выдѣляются въ этомъ довольно грубомъ произведеніи, вовсе не заканчиваются змѣиными хвостами, а скорѣе какими-то узорными разводами.

Рисунокъ 87. См. тамъ-же, Атласъ къ вып. II, табл. XXV, рис. 4.

Въ тѣхъ-же Краснокутскихъ могилахъ, рядомъ съ обломками колесницъ—отрыты четыре мѣдныя втулки съ прорѣзнымъ вверху изображеніемъ дракона, пожирающаго какое-то животное (см. текста фиг. 45).

Рисунокъ 88. См. тамъ-же, Атласъ къ вып. I, табл. III, рис. 3.

Совершенно подобныя же изображенія отысканы были и въ Луговой могилѣ, а именно:— „четыре бронзовыхъ изображенія грифоновъ, въ четырехъугольныхъ рамкахъ, къ нижней части которыхъ придѣлано съ обоихъ краевъ по кольцу, съ висящимъ на немъ колокольчикомъ, а въ серединѣ—по трубкѣ съ двумя ушками". Трубки служили для насаживанія на какое-нибудь древко или выдающуюся часть другаго предмета. (см. текстъ, стр. 6).

Рисунокъ 89.

Снятъ для нашего изданія прямо съ памятника, въ настоящую величину его. Это тонкая пластинка листоваго золота, на которой чрезвычайно отчетливо и художественно представленъ Скиѳъ, скачущій на конѣ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ поводья; правой высоко поднялъ короткое копье, какъ бы собираясь колоть кого-то, лежащаго на землѣ, подъ ногами его лошади. Все это изображеніе помѣщено въ рамкѣ, которую составляетъ тонкая каемочка изъ мелкихъ квадратиковъ. Около каемочки сохранились маленькія дырочки, служившія для нашиванія пластинки на одежду или наколачиванія ея на кожаный ремень.

Бляшка эта, вмѣстѣ съ другими предметами, была добыта изъ Куль-Обской могилы и въ настоящее время, вмѣстѣ съ ними, хранится въ Керченскомъ отдѣленіи Имп. Эрмитажа.

Рисунокъ 90, 91, 92, 93, 94.

Заимствованы нами изъ превосходнаго изданія Ротшильда: „La Colonne Trajane, reproduite en phototypographie d'aprés le surmoulage, éxecuté à Rome 1861—62 (220 planches en couleurs). Texte ornée de nombreuses vignettes. Publication de luxe, tirée à 200 exemplaires numerotés. Planches par Gustave Arosa. Texte par W. Froehner. Paris. J. Rothschild, éditeur. 1872".

Въ этомъ изданіи, высоко-замѣчательномъ какъ по своимъ подробностямъ, такъ и по достоинству выполненія, мы нашли на таблицахъ 50, 59, 105, 150, 154, 155, 181 и 182—изображенія дакійскихъ городковъ (oppida) и селеній а также изображенія отдѣльныхъ дакійскихъ жилищъ, и, съ буквальною точностью переснявъ всѣ эти изображенія, передаемъ изъ нихъ на страницахъ нашего изданія все то, что показалось намъ наиболѣе замѣчательнымъ.

Составитель текста, Фрёнеръ, даетъ слѣдующее любопытное истолкованіе барельефу (нашъ рис.

90), представляющему наиболѣе полную и подробную картину дакійскаго поселенія, сожигаемаго римскими воинами:

...„Постройка дакійскаго городка очень замѣчательна. На вершинѣ скалы возвышается кремль (l'acropole), окруженный двойной стѣной, съ бойницами и рвомъ, черезъ который перекинутъ подъемный мостъ. Надъ входными воротами, деревянными, виденъ треугольный фронтонъ. Шесть обезображенныхъ и изсохшихъ головъ, воткнутыхъ на колья, выставлены на стѣнѣ и даютъ намъ понятіе о той участи, которая постигла римскихъ плѣнниковъ, попавшихся къ Даканъ".

...„Что же касается архитектуры дакійскихъ домовъ, то она представляетъ нѣкоторое сходство съ хижинами ѳракійскихъ народовъ, описанными у Геродота, и въ особенности съ тѣми озерными жилищами, которыхъ остатки отысканы были въ озерахъ Швейцаріи, сѣв. Италіи, южн. Франціи и Германіи. Сколоченныя изъ досокъ и крытыя кровлей о двухъ скатахъ, онѣ стоятъ на отесанныхъ сваяхъ, врытыхъ въ землю. Дверей у нихъ нѣтъ: входить въ нихъ можно было только снизу, черезъ подъемную дверь. Но рядомъ съ этими первобытными жилищами, видимъ и другія, построенныя по болѣе новому плану" (въ особенности въ лѣвомъ углу барельефа).

... „Далѣе видимъ торчащія изъ земли довольно толстыя круглыя бревна (можетъ быть остатки разрушенныхъ домовъ?) и еще какіе то колья, выступающіе изъ квадратныхъ основаній, назначеніе которыхъ угадать довольно трудно"...

... „Средн кремля (повыше головъ) видимъ знамя съ изображеннымъ на немъ, повидимому зміемъ, и (правѣе) рядомъ съ нимъ дакійскаго дракона, (который также служилъ Даканъ замѣною знамени или вообще войсковаго знака). Около того же мѣста видны построенныя на сваяхъ небольшой домикъ и кругообразный заборъ. Въ лѣвомъ углу барельефа, на переднемъ планѣ, дощатый заборъ".

Замѣтимъ кстати, что въ „Древностяхъ" Московскаго Археол. Общества, т. II (см. статью *Жилище* въ Матерьялахъ для Археол. Словаря, стр. 17) помѣщенъ также рисунокъ деревяннаго жилища, будто бы взятый съ Траяновой колонны — но мы нигдѣ ничего подобнаго въ изображеніяхъ Траяновой колонны не нашли. На сколько невѣрно это изображеніе, на столько же неточно и описаніе, сопровождающее его. Выписываемъ его здѣсь вполнѣ для сравненія съ описаніемъ Фрёнера: „Въ селахъ Даковъ дома деревянные, обитые снаружи досками, на которыхъ замѣтны гвозди. Крыши тоже изъ теса, прикрѣпленнаго гвоздями. Около деревень ограда изъ заостренныхъ кольевъ, а нѣкоторые дома въ два этажа, *съ проѣздомъ внизу для воротъ* (?), точно такъ, какъ въ нашихъ избахъ въ два жилья. Въ числѣ другихъ строеній изображена вышка или лѣтняя горница. Вокругъ деревни частоколъ съ воротами, ведущими въ село". Это объясненіе автора взято дословно изъ статьи Черткова, помѣщенной въ „Временникѣ Общ. Исторіи и Древностей". т. X, стр. 1—134. (Статья озаглавлена такъ: „О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и далѣе на сѣверъ къ Балтійскому морю и къ намъ на Русь"). Рисунокъ, помѣщенный при статьѣ „жилище", заимствованъ также съ табл. VIII приложенн. къ статьѣ Черткова рисунковъ. Но, послѣ изданія Ротшильда, ни описаніе Черткова, ни его чертежъ дакійскихъ жилищъ— не могутъ быть принимаемы во вниманіе.

Рисунокъ 95, 96, 97, 98.

Заимствованы изъ „Трудовъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ", томъ II, статья гр. Уварова: „Меряне и ихъ бытъ по археологическимъ раскопкамъ", стр. 664, 670, 673, 674.

На стр. 121 нашего изданія мы собрали чертежи различныхъ типовъ городищъ, южныхъ и сѣверныхъ, желая ознакомить читателей съ тѣми разнообразными формами, какія могли быть придаваемы этимъ древнимъ землянымъ сооруженіямъ. Вышеуказанные рис. 95—98 представляютъ собою именно формы городищъ сѣверныхъ.

№ 95—городище на рѣкѣ Ирмизи, вверхъ отъ с. Менчакова, на пашнѣ села Малого-Давыдовскаго.

№ 96—на сѣверномъ берегу р. Колокши, почти у границы Владимірскаго уѣзда, лежитъ с. Городищи, возлѣ котораго находится большое, почти круглое городище.

№ 97—по теченіи р. Нерли на югъ, у самаго с. Васильки, на мысѣ, образовавшемся между двумя

[redacted]

оврагами, возвышается городище круглой формы. При раскопкѣ средней его части нашли, подъ верхнимъ слоемъ черной насыпной земли, звѣриныя кости, черепъ, три каменныя бусы и проч.

№ 98—на мысу, образуемомъ изгибомъ р. Сары (съ юга впадающей въ Ростовское озеро), близь с. Діаболь, лежитъ городище, уже и въ XIII вѣкѣ упоминаемое въ лѣтописи подъ именемъ „городища на рѣцѣ Сарѣ".

Рисунокъ 99, 100, 101.

Представляютъ собою планы городищъ южныхъ. Заимствованы изъ „Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изд. по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ. 1848".

№ 99—городокъ между с. Яхнами и Саловымъ хуторомъ. См. таблицу IV въ „Обозрѣніи".

№ 100—городище въ мѣстечкѣ Стебелевѣ, на островѣ р. Роси. См. таб. III, тамъ-же.

№ 101—городокъ возлѣ с. Пишекъ. См. таблицу III, тамъ же.

Рисунокъ 102.

Заимствованъ изъ „Древностей, изданныхъ временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ Томъ первый. Тетрадь III. Кіевъ 1845. Историческія и археологическія свѣдѣнія о курганѣ Перепетовомъ находимъ тамъ на листѣ 3-мъ. Извлекаемъ важнѣйшее: курганъ, изображенный на нашемъ рис. 102, находится въ Кіевской губ., въ Васильковскомъ у., въ 60 верстахъ отъ Кіева.

Курганъ Перепетиха (въ народномъ говорѣ *Перепятиха*) или Перепетовка имѣлъ въ основаніи эллиптическую фигуру. Съуживаясь къ верху, онъ представлялъ довольно правильный, усѣченный конусъ, оканчивавшійся площадкою, на которой могло помѣститься не свыше пяти человѣкъ. Отвѣсная высота кургана до 5 саж., бо́льшій діаметръ отъ в. къ з.—около 10 саженъ, а меньшій 5 саженъ.

Вокругъ главнаго кургана, на пространствѣ въ 184 саж. въ окружности, находилось около 48 насыпей, изъ которыхъ самая большая имѣетъ 1 сажень высоты и $1^1/_2$ сажени длины; большая часть ихъ продолговатой формы, на подобіе гробовъ, обращенныхъ изголовьемъ къ западу. Нѣкоторыя изъ нихъ непосредственно примыкаютъ къ главному кургану, а находящіяся на окружности круга представляютъ валъ, во многихъ мѣстахъ разорванный.

Внутри кургана найдена обширная, тщательно устроенная (но уже обвалившаяся внутрь) каменная усыпальница, и въ ней слѣды 14 костяковъ, погребенныхъ головами къ западу. Изъ вещей найдены только: стеклянныя и глиняныя бусы, бронзовыя и желѣзныя орудія и золотыя бляшки съ изображеніемъ грифоновъ.

Рисунокъ 103.

Съ фотографіи, сообщенной г. Самоквасовымъ въ редакцію „Древней и Новой Россіи". Въ этомъ журналѣ за 1876 г. (см. т. I, стр. 262—278 и 342—358) помѣщены двѣ статьи г. Самоквасова подъ заглавіемъ: „Древнія земленыя насыпи и ихъ значенія.

Извлекаемъ оттуда наиболѣе любопытныя подробности о Черной могилѣ. „Курганъ, извѣстный уѣстныхъ жителей подъ именемъ Черной Могилы, лежалъ въ чертѣ г. Чернигова, въ огородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей отъ старой базарной площади къ Елецкому монастырю, на ровномъ мѣстѣ"... „При обыкновенной конусообразной формѣ, съ основаніемъ въ 180 аршинъ въ окружности и отвѣсною высотою въ 15 арш., онъ былъ обведенъ широкимъ рвомъ, около 10 арш., слѣды котораго явственно были замѣтны съ южной и западной сторонъ, не смотря на долговременную распашку"...

«Черная могила роскопана мною въ 1873 г. Когда на вершинѣ кургана былъ снятъ дерновой слой, показалось четыре квадрата кирпичей, лежащихъ одинъ на другомъ (какъ бы фундаментъ бывшаго памятника), неодинакой величины: сторона нижняго квадрата въ четыре, а верхняго въ два аршина длины". „...Подъ нижнимъ квадратомъ кирпичей ...показался дубовый сгнившій столбъ. ...Ниже этого столба на пять аршинъ, въ центрѣ кургана, найдена металлическая окисшая масса, въ которой открыты слѣдующія вещи: два желѣзныхъ шлема... шлемы слиты съ двумя кольчугами... Два турьихъ рога, окованныхъ съ широкаго конца серебромъ..: Двѣ византійскія монеты IX вѣка. Жженыя кости барана и обожженная шерсть его".

[redacted]

„Ниже перечисленныхъ вещей, на пять аршинъ, открыто обширное кострище, до 15 арш. въ діаметрѣ. При изслѣдованіи его найдены обугленныя зерна ржи, овса и ячменя, и слѣдующія вещи, дѣйствіемъ огня и ржавчины слитыя въ общую массу: 2 меча, 2 копья, сабли, 2 ножа, 2 стремени и дротикъ; мѣдныя части двухъ щитовъ; 5 копій; нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ различной формы, 3 серпа, 3 долота, 2 пары стремянъ, тонкіе желѣзные обручи, скрѣпы и дужки ведеръ, 4 сорта желѣзныхъ ключей; тонкіе желѣзные сосуды, мѣдный сосудъ; желѣзный замокъ съ мѣдной внутренней пружиной, ...три сорта игральныхъ костей; 6 круглыхъ серебряныхъ пуговицъ; 3 серебряныя серьги съ привѣсками; ...куски костяныхъ гребенокъ, украшенныхъ рѣзьбою; нитки золотой ткани; куски обугленной шелковой ткани. ...отрубленная половина византійской монеты."

Рисунокъ 104, 105.

Оба рисованы нами съ фотографіи, снятой на мѣстѣ казанскимъ фотографомъ. Подробный планъ развалинъ Болгаръ на Волгѣ, снятый въ 1869 г., приложенъ былъ къ Атласу Трудовъ перваго Арх. Съѣзда; табл. X. Тамъ же, на стр. 523—540, помѣщена весьма обстоятельная статья г. Невоструева „О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ".

Кстати замѣтимъ, что помѣщаемыя здѣсь нами виды Болгарскихъ развалинъ не могутъ дать намъ понятія о столицѣ Болгарскаго царства, описываемой арабами-путешественниками. По справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ оріенталистовъ, „существующіе нынѣ остатки отъ Болгаръ принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ", притомъ преимущественно ближе къ XIII в. (Березинъ, Булгаръ на Волгѣ, Казань, 1853, стр. 5—71).

Рисунокъ 106.

Снятъ съ рисунка, помѣщеннаго въ Атласѣ перв. Арх. Съѣзда, табл. XI. Рисунокъ исполненъ былъ на мѣстѣ и съ натуры извѣстнымъ пейзажистомъ нашимъ И. И. Шишкинымъ.

„Вятской губерніи, близь уѣзднаго города Елабуги, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ него, на высокой горѣ (25 отвѣсныхъ саженъ отъ подошвы), при Камѣ, находятся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ *Чортово городище*". Въ XVII столѣтіи на мѣстѣ Чортова городища является монастырь Троицкій. Впослѣдствіи монастырь упраздняется, слѣды зданій его исчезаютъ, а изъ всѣхъ древнихъ зданій прежняго городища уцѣлѣвшею оказывается только та башня со стороны Камы, въ которой помѣщался монастырскій храмъ Сошествія Св. Духа. Она сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ; кладка камней напоминаетъ древнія постройки Болгаръ на Волгѣ. (См. „Труды", стр. 591; статья г. Невоструева) Въ настоящее время, какъ мы слышали, эта башня вновь перестроена и обращена въ часовню или церковь.

Рисунокъ 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114.

Всѣ заимствованы изъ „*Пермскаго Сборника*", книжка I, Москва, 1859 г., гдѣ они приложены къ „Замѣткамъ о пермскихъ древностяхъ" С. Ешевскаго; стр. 132—142. Оттуда взяты нами рис. 4, 5, 6, 7, 10, 14, 23 и 29.

№№ 109 и 110 изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ—медвѣдя изъ бронзы, внутри пустого; первый рисунокъ даетъ изображеніе сбоку, второй—спереди.

№ 114. Птица, клюющая змѣю или рыбу; также изъ бронзы и внутри пустая.

№ 108. Изображеніе ревущаго медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ; задняя сторона плоская. На передней сторонѣ какіе-то узоры. Предметъ отлитъ изъ красной мѣди.

№ 113. Пѣтушокъ изъ красной же мѣди, внизу 2 цѣпочки, отъ которыхъ сохранилось по одному звѣну. Наверху отверстіе и внутри пустота.

№ 111. Бляха изъ красной мѣди, нѣсколько выгнутая, съ изображеніемъ медвѣжьей головы, въ четыреугольникѣ, обведенномъ жгутомъ. Съ задней стороны, наверху, съ каждаго бока по кольцу.

№ 107. Украшеніе изъ бронзы, съ 2 лошадиными головами, обращенными въ разныя стороны.

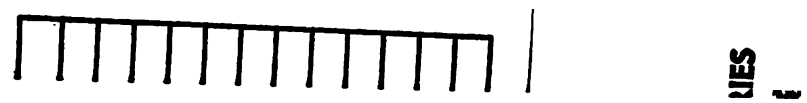
№ 115. Бронзовое колеско. О значеніи подобныхъ украшеній мы уже говорили въ объясненіи рисунковъ съ древностей, добытыхъ изъ Ананьинскаго могильника.

[redacted]

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

				Напечатано:	Читай:
Стран.	9	строка	снизу 14	эпохи	эпохѣ
»	47	»	сверху 21	окраины	окраинѣ
»	74	»	» 15	Тоимаковка	Томаковка
»	—	въ выноскѣ:		выыс	выше
»	151	»	сверху 4	добычсю	добычею

1 95 BBGT2 53 005 BA 6258



Stanford University Libraries
3 6105 002 354 186

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305